

Учредитель и издатель

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет».

Издание принимает рукописи по следующим научным специальностям, по которым принимаются статьи:

- 5.3.1 Общая психология, психология личности история психологии;
- 5.3.4 Педагогическая психология, психодиагностика цифровых сред;
- 5.4.4 Социальная структура, социальные институты и процессы;
- 5.4.6. Социология культуры;
- 5.4.7 Социология управления;
- 5.7.1 Онтология и теория познания;
- 5.7.7 Социальная и политическая философия.

Адрес учредителя

614068, Пермский край,
г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Тел. +7(342) 2396-305
E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

Научный рецензируемый журнал «Социальные и гуманитарные науки: теория и практика» отражает научные интересы специалистов в области актуальных проблем философии, социологии, психологии. Публикуются оригинальные статьи, основанные на теоретических и эмпирических исследованиях в данных областях.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Владимир Сергеевич Волегов

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии ФГАОУ ВО

«Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Россия

fsf-sgn@yandex.ru

Зам. главного редактора

Олег Владиславович Лысенко

Кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры культурологии и социально-гуманитарных технологий ФГАОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет», г. Пермь, Россия

Елена Михайловна Березина (канд. филос. наук, доцент МВСШЭН, Москва);

Александр Юрьевич Внутских (д-р филос. наук, профессор ПГНИУ, г. Пермь);

Екатерина Сергеевна Игнатова (канд. психол. наук, доцент ПГНИУ, г. Пермь);

Светлана Николаевна Костина (канд. социол. наук, доцент, доцент УрФУ, г. Екатеринбург);

Лариса Викторовна Логинова (д-р социол. наук, профессор СГЮА, г. Саратов);

Марина Леонидовна Магидович (д-р социол. наук, профессор РГПУ им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург)

Любовь Анатольевна Метлякова, (канд. пед. наук, доцент ПГГПУ, г. Пермь);

Дарья Викторовна Моисеева (канд. социол. наук, с.н.с. НИУ ВШЭ, г. Москва)

Никита Николаевич Равочкин (д-р филос. наук, профессор КГАУ им. В.Н. Полецкого), г. Кемерово);

Артем Андреевич Чернега (канд. социол. наук, Администрация Тотемского городского округа, г. Тотма, Вологодская область).

**SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES:
THEORY AND PRACTICE**

ISSN 2949-5601
Scientific peer-reviewed journal
Published 4 times a year
2024
Issue 2(9)

Founder and Publisher

Perm State University

Address of Editorial Board

15, Bukireva str., Perm,
Perm Krai, Russia, 614068
Tel. +7(342) 2396-305
E-mail: fsf-sgn@yandex.ru

The periodical is included
in the List of the Higher Attestation
Commission of the Russian Federation
in the following scientific specialties,
for which the articles are received:
5.3.1 General psychology, personality
psychology history of psychology
5.3.4 Pedagogical psychology,
psychodiagnostics of digital environments.
5.4.4 Social structure, social institutions and
processes
5.4.6. Sociology of culture
5.4.7 Sociology of management
5.7.1 Ontology and theory of knowledge
5.7.7 Social and political philosophy

The scientific peer-reviewed journal
“Social and Humanitarian Sciences:
Theory and Practice” reflects the sci-
entific interests of specialists in the
field of topical problems of philoso-
phy, sociology, and psychology.
Original articles based on theoretical
and empirical research in these areas
are published.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Vladimir S. Volegov

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Sociology

Perm State University

Perm, Russia

fsf-sgn@yandex.ru

Deputy Chief Editor

Oleg V. Lysenko

PhD in Sociology, Associate Professor of the Department of Cultural Studies and Social and
Humanitarian Technologies

Perm State University

Perm, Russia

Elena M. Berezina (PhD in Philosophy, Associate Professor, MSSES, Moscow),

Alexander Y. Vnitskikh (PhD in Philosophy, Corresponding Member RAE, Professor PSU),

Ekaterina S. Ignatova (PhD in Psychology, Associate Professor, PSU),

Svetlana N. Kostina (PhD in Sociology, Associate Professor, UrFU),

Larisa V. Loginova (Doctor of Sociology, Professor SSAL),

Marina L. Magidovich (Doctor of Sociology, Professor RSPU),

Lyubov A. Metlyakova (PhD in Education, Associate Professor, PSHPU),

Darya V. Moiseeva (PhD in Sociology, Senior Researcher, HSE University),

Nikita N. Ravochkin (PhD in Philosophy, Professor KSAU),

Artyom A. Chernega (PhD in Sociology, Administration of Totma district).

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ / SOCIOLOGY

Наблюдение как наиболее надежный метод в парадигме Теории социальных событий	5	Observation as the most reliable method in the paradigm of the Theory of Social Events
<i>Точин М.Р.</i>		<i>Tochin M.R.</i>
Теоретические основы исследования социальной среды воспитательной колонии для несовершеннолетних	11	Theoretical foundations for the study of the social environment of a juvenile correctional facility
<i>Санников Н.А.</i>		<i>Sannikov N.A.</i>
Социальные факторы суицидального поведения	16	Social factors of suicidal behavior
<i>Брылунова Д.В.</i>		<i>Brylunova D.V.</i>
Особенности реализации профессионального выбора студентов высших учебных заведений г. Перми	22	Features of implementation of professional choice of students of higher educational institutions of Perm
<i>Рогозина К.Ю.</i>		<i>Rogozina K.Yu.</i>
Гендерные различия мужчин и женщин в профессиональной сфере в современной России	33	Gender differences in men and women in the professional field in modern Russia
<i>Воронова К.А.</i>		<i>Voronova K.A.</i>
«Хорошая жена – трудовик»: исследование современной патриархальной городской семьи	48	“Good wife is a handicrafts teacher”: research of the modern urban patriarchal family
<i>Ярушина К.А.</i>		<i>Yarushina K.A.</i>

ПСИХОЛОГИЯ / PSYCHOLOGY

Континуум форм неравноценного социального обмена	57	Continuum of forms of unequal social exchange
<i>Чулошников А.И.</i>		<i>Chuloshnikov A.I.</i>
Феноменология ревности в романтических отношениях	67	Phenomenology of jealousy in romantic relationships
<i>Маркина А.В., Цой С.В.</i>		<i>Markina A.V., Tsoy S.V.</i>

ФИЛОСОФИЯ / PHILOSOPHY

Будущее христианства как мировой религии <i>Бабенцев Д.Н.</i>	74	The Future of Christianity as a World Religion <i>Babentsev D.N.</i>
Генезис смысла в структуре поэтической формы в поэме Парменида «О природе» <i>Торощин Е.А.</i>	84	Genesis of meaning in the structure of poetic form in the poem of Parmenides «On nature» <i>Toroshchin Ye.A.</i>

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.2

EDN MNINUK

Точин Михаил Романович,
студент направления «Социология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
to4in.misha@ya.ru

НАБЛЮДЕНИЕ КАК НАИБОЛЕЕ НАДЕЖНЫЙ МЕТОД В ПАРАДИГМЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ СОБЫТИЙ

Статья посвящена выявлению наиболее релевантного метода сбора данных в парадигме Теории социальных событий (ТСС). ТСС имеет сложный понятийный аппарат, доставшийся ей от всеобщей Теории событий. Вводная часть посвящена описанию основных положений Теории событий. Далее на основании воззрений А.Ф. Филиппова сформулированы основные ограничения (особенности) теории, которые не только сужают область практического применения концепции, но и ограничивают спектр надежных методов сбора данных. Сторонний наблюдатель, проецирующий свою реальность на действительные происшествя, перестает быть надежным источником первичной информации. Необходимую роль наблюдателя должен занимать сам исследователь, в таком случае наблюдение представляется наиболее надежным методом сбора данных на текущем этапе теоретической разработанности концепции. Потенциальным решением для преодоления выявленных ограничений будет принятие возможности мышления о социальном за пределом наблюдаемого мира. Для этого необходимо объективизировать «событие», принять онтологическую природу его атомарности. Неделимость – неотъемлемое свойство события, часть его природы. Акцент с наблюдателя смещается в сторону самого события. В заключении работы будет сделано отступление, касающееся видеофиксации событий, будут описаны преимущества и потенциальные проблемы, связанные с использованием видеозаписей как основного источника информации.

Ключевые слова: Теория социальных событий, событие, наблюдение, атомарность.

Ссылка для цитирования: Точин М.Р. Наблюдение как наиболее надежный метод в парадигме Теории социальных событий // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 5–10. EDN MNINUK

Mikhail R. Tochin,
student of the direction “Sociology”
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
to4in.misha@ya.ru

OBSERVATION AS THE MOST RELIABLE METHOD IN THE PARADIGM OF THE THEORY OF SOCIAL EVENTS

This article is devoted to identifying the most relevant method of data collection in the Social Event Theory (SET) paradigm. SET has a complex conceptual apparatus, inherited from the general Theory of Events. The introductory part of the work is devoted to a description of the main provisions of the Theory of Events. Further, based on the views of A.F. Filippov, the main limitations (features) of the theory are formulated, which not only narrow the scope of practical application of the concept, but also limit the range of reliable methods of data collection. An outside observer who projects his reality onto actual incidents ceases to be a reliable source of primary information. The necessary role of the observer must be occupied by the researcher himself; in this case, observation seems to be the most reliable method of collecting data at the current stage of the theoretical development of the theory. A potential solution to overcome the identified limitations would be to embrace the possibility of thinking about the social beyond the observable world. To do this, it is necessary to objectify the “event” and accept the ontological nature of its atomicity. Indivisibility is an integral property of an event, part of its nature. The emphasis shifts from the observer to the event itself. At the conclusion of the work, a digression will be made regarding video recording of events, the advantages and potential problems associated with the use of video recordings as the main source of information will be described.

Keywords: ethnic traditions, ethnos, ethnic culture, macro-regions of Russia.

For citation: Tochin M.R. [Observation as the most reliable method in the paradigm of the Theory of Social Events]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 5–10 (In Russian), EDN MNIHYK

Социология, как и другие гуманитарные науки, динамически меняется, т.к. само общество претерпевает значительные трансформации. Социология открыта для новых научных концепций, ее методология активно развивается в процессе расширения представлений о том, что и как она должна изучать. Теория социальных событий в таком случае представляется очень интересной для социологии и социальных наук в целом, ведь она опирается на одну универсальную категорию «событие», через которую можно описать любой феномен социальной жизни. Однако для дальнейшего развития концепции необходимы существенные шаги для перевода терминологии ТСС на язык социальных наук, равно как и необходим поиск надежного метода сбора данных, соответствующего особенностям теории.

Теория социальных событий – новая, амбициозная социологическая теория, которая стремится представлять собой наиболее общий взгляд на социальное, но при этом воздерживается от утверждений о превосходстве над другими теориями [1, с. 6–7]. В настоящее время эмпирических исследований на основе ТСС нет. Стоит отметить, что Теория социальных событий является продолжением фундаментальной Теории событий (ТС). ТС возникла на стыке философии и математики. Ее главным положением является утверждение, что события конструируют действительность и являются ее мельчайшими элементами. Основоположниками теории являются философы Жиль Делез, Ким Джегвон, Дональд Дэвидсон, а также математик Альфред Уайтхед. Делез утверждал, что «событие – это и есть

смысл» [2, р. 17–18]. Философ четко разграничивал событие от его пространственно-временного осуществления. Однако в его работах акцент не ставился на событиях. Напротив, «событие» было вспомогательной категорией для обоснования существования смысла. Уже в работах Кима Джегвона событие обрело центральную роль. Сам философ говорил о событии как об универсальной категории, на базе которой можно построить всеобщую научную теорию. Те основы, которые заложили эти ученые, не только развили саму Теорию событий, но также заложили фундамент для дальнейшего применения этой концепции в плоскости социальных наук, в результате чего и зародилась Теория социальных событий. В отечественной науке феномен события, а точнее социального события, подробно рассмотрел А.Ф. Филиппов. Он дал следующую трактовку понятию «событие»: «Событием будет называться смысловой комплекс, означающий соотношение акту наблюдения единство» [1, с. 7]. Данное определение схоже с тем, что давал Делез, однако в нем описана роль наблюдателя как необходимого условия свершения события. В таком случае исследователь обязан изучать не только сами события, но и системы различий сторонних наблюдателей. Определение, данное Филипповым, следует несколько уточнить. Для этого можно провести параллели между социальным событием и социальным действием, ведь всякое социальное событие является социальным действием. Вебер давал такую трактовку этому понятию: социальное действие – «действие человека (независимо от того, носит ли оно внешний или внутренний характер) сводится к невмешательству или к терпеливому принятию, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей или ориентируется на него» [3, с. 602–603].

В рамках ТСС присутствуют некоторые ограничения, которые отчасти и не позволяют широко применять данную теорию на практике; такие ограничения можно условно обозначить как эмпирические. Важно понимать, как ограничения теории скажутся на допустимых методах изучения события. Иными словами, какой метод будет наиболее надежным в рамках ТСС? Главным притязанием ТСС является утверждение о том, что событие является мельчайшим элементом социальности [1]. События конструируют реальность, в том числе и социальную, определяют вектор и темп эволюции [4, с. 56]. Теория социальных событий представляет собой всеобщую социологическую теорию, иными словами, она может объяснить любой социальный феномен. Однако, как говорилось ранее, на сегодняшний день эмпирических исследований, в основе которых лежит ТСС, нет. Данный факт актуализирует вопрос о применимости теории на практике. В таком случае необходимо определить наиболее надежный метод сбора данных, который будет соответствовать ограничениям теории.

Событие как несводимое происшествие не может возникнуть в стабильных системах. Хаос является неотъемлемой частью события [5]. Нестабильность системы делает невозможным все попытки свести состояние к точной предсказательной модели. Следовательно, мы не можем точно спрогнозировать, как система выйдет из состояния хаоса, иначе говоря, мы не можем предугадать, какое событие в ней произойдет. Свершение события не предсказывается детерминистскими законами, но и не противоречит им [6]. Произойти может только то происшествие, чья вероятность возникновения отлична от нуля. Все события означают этап стабильности, определяют будущий порядок вещей. Это означает, что хаос является предвестником стабильности. Четкая идентификация нестабильности может помочь исследователю сузить зону поиска события. Тем не менее, сам момент свершения события может ускользнуть от исследователя. В данном случае логичным шагом станет изучение повторяющихся событий, их время свершения известно заранее. Повторяющимися событиями богата политическая жизнь и сфера повседневности. Сферу повседневности в социологии активно изучал Г. Гарфинкель, который стремился выявить очевидные основания повседневных социальных действий путем разрушения фоновых ожиданий [7]. По сути, это означает разрушение смысловой составляющей события. Действующие стремятся нормализовать происходящее, демонстрируя исследователю структурные основания взаи-

мопонимания людей в коммуникации и систематического проявления социальных аффектов [там же]. «Ситуации существуют независимо от их “определений” взаимодействующими индивидами, а потому значение субъективного смысла в конструировании социального мира сильно преувеличено и внимание исследователя должно быть перенесено на нередуцируемые структуры взаимодействия, на его контексты» [8, с. 3–4].

После того, как исследователь «поймал» событие, его необходимо изучить. В парадигме классической социологии была бы возможность так или иначе получить информацию у лиц, которые непосредственно наблюдали за свершением события. С одной стороны, это позволило бы исследователю получить информацию не только о самом событии, но и о состоянии системы «до и после» свершения события. С другой стороны, в данном случае в сознании наблюдателя происходит наслоение факта и самого события. Например, такое социальное событие, как политические выборы, непременно будет восприниматься через призму того, кто на них победил. Данное наслоение будет искажать данные, придавать событию неверную интерпретацию. Еще одной значимой проблемой при получении информации от наблюдателя будет построение хронологических моделей, а точнее невозможность сделать это. Определение четкой хронологии очень важно, ведь в контексте ТСС свершение одного события устанавливает новый порядок, который рано или поздно разрушит наступление другого события. Соответственно, окружающую нас действительность можно описать цепочкой сложных последовательностей событий.

Исходя из ограничений теории, можно прийти к выводу, что методы, связанные с получением информации непосредственно от самого человека, такие как опрос, интервью и т.д., в контексте ТСС являются неэффективными. Получается, что наблюдать за свершением события должен сам исследователь. «Нет события без наблюдения; нет наблюдения без различения; нет различения без мотива», – так Филиппов формулирует одно из основных положений ТСС [1, с. 8]. Исследователь как беспристрастный наблюдатель фиксирует событие с наименьшим наслоением факта и события, также у него есть способы объективного контроля, которые позволят построить хронологическую модель. Однако в данном случае мы сталкиваемся с ошибкой «перспективы действующего». Любой наблюдающий, в том числе и исследователь, так или иначе будет склонен присваивать присущий его действиям смысл к схожим действиям других людей [9, с. 13–14]. Действующему лицу будет присвоена мотивация, которая в теории может не иметь к нему никакого отношения, что исказит результаты исследования. Решением данной проблемы может стать тщательная проработка описательной модели. Эта работа, безусловно, является самой трудоемкой во всем процессе исследования, ведь она требует комплексных специфических знаний по теме. Если исследователь захочет проанализировать какое-либо событие, например, из политической жизни, то ему будет необходимо скрупулезно погрузиться в контекст, в политические, экономические и социальные факторы, изучить конъюнктуру того времени и той культуры, и только потом изучать само событие.

На данном этапе стоит сделать отступление касаясь неделимости или же атомарности события. Проработка данной проблемы является серьезным теоретическим шагом к возможности мыслить о социальном за пределом наблюдаемого, что в свою очередь может помочь преодолеть ограничения теории, описанные выше. Под «атомарностью» подразумевается тот факт, что событие имеет некую неделимую продолжительность. При свершении события у предметов в системе так или иначе изменяются свойства, будь то внутренние свойства или пространственно-временной атрибут. Вещь, предмет, термин в данном контексте не играет важной роли, не может находиться одновременно в двух местах, равно как и не может одновременно иметь два отличающихся набора свойств [4, с. 66]. Это обуславливает наличие у события продолжительности, которая должна быть неделима, т. к. иначе разговор пойдет не о событии, а о его частях, фрагментах и т.д. На данном этапе у нас есть два пути: первый – принять логическую природу атомарности, т.е. атомарность по

наблюдателю. Исходя из этого, событие является неделимым, потому что оно таковым воспринимается сторонними наблюдателями. Наблюдатель снова является центральной фигурой, без которого свершение события невозможно, с точки зрения «эмпирических» ограничений теории мы остались в той же позиции. Дискредитация фигуры наблюдателя ставит под сомнение признание атомарности как таковой [10, с. 95]. Второй путь – принятие онтологической природы атомарности. Истоки онтологической атомарности мы связываем с идеями А. Уайтхеда, который называл событие «первичным естественными сущностями реальности» [10, с. 97]. Следующим шагом для осмысления онтологической природы неделимости события является мышление об этом событии как об объекте. Многие исследователи давали разные трактовки понятию «объект», но в контексте данной работы лучше всего подходит трактовка Г. Хармана, который считал, что объект «обозначает любую единую реальность – будь то атомы, овощи, нации или песни, – подвергающуюся изменениям или поддерживающую множество представлений, оставаясь при этом все той же» [10, с. 95]. На данном этапе возникает сложность, поскольку объект принято считать чем-то материальным, чем-то, что имеет размерность и форму. Констатация события как объекта позволяет не только говорить об атомарности события, а также подчеркивает ее онтологическую природу. Событие является неделимым не вследствие восприятия этой неделимости сторонним наблюдателем, оно неделимо по своей природе. Осмысление события в качестве объекта также позволило перенести акцент с наблюдателя на само событие.

Возвращаясь к теме данной работы, можно сделать заключение, что самым надежным методом в рамках ТСС является наблюдение. Наблюдение позволит зафиксировать естественную сущность социальных феноменов. При тщательном создании прогностической модели исследователь сможет не только описать свершившиеся события, но и прогнозировать те события, которые еще не произошли. Также важно сделать отступление, касающееся видеофиксации событий. Современные средства съемки упрощают работу исследователя. Видеозапись удобна тем, что есть возможность неограниченное число раз ее пересматривать, некоторые, казалось бы, незначительные детали могут играть большую роль при анализе. Также работа с видеозаписями расширяет границы потенциального исследовательского поля. Географическое положение исследователя в этом случае не является ограничением.

Возможны искажения, связанные с различием в культурном восприятии феноменов, но они решаются путем разработки описательной модели, о которой уже было сказано выше. Однако использование видеозаписей сопряжено с множеством рисков. Видеозапись должна объективно фиксировать событие, искажения, вызванные предвзятой позицией автора видеозаписи, могут иметь критическое значение при анализе, перед исследователем становится вызов: необходимо контролировать объективность видеофиксации событий.

Резюмируя, на основании ограничений Теории социальных событий, а именно проблемы левого и правого цензурирования, перспективы действующего и наложение факта и самого события, не только сужается поле эмпирического применения теории до повторяющихся событий, но и не позволено использовать человека в качестве носителя информации о событии. В таком случае релевантным методом сбора данных становится наблюдение. Однако современные технологии видеозаписи позволяют повторно обращаться к данным без искажений. Поэтому на данный момент анализ видеоматериалов представляется как наиболее перспективный метод сбора данных в рамках Теории социальных событий. Однако принятие онтологической природы атомарности, а как следствие – принятие возможности мышления о социальном за пределом наблюдаемого, потенциально может не только дать новый толчок к развитию Теории социальных событий, но и расширить спектр релевантных методов сбора данных.

Библиографический список

1. Филиппов А.Ф. Развивая теорию событий. Статья первая. Дидактический эксперимент // Социологическое обозрение. 2011. №1-2. С. 6–18.
2. Deleuze G. Signes et événements // Magazine Littéraire. 1988. № 257. P.16–25.
3. Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем.; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Мелик-Гайказян И.В. «Событие-в-действительности» и «Событие-в-реальности» // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2009. №3 (7). С. 53–56.
5. Whitehead A.N. An Enquiry concerning the Principles of Natural Knowledge. Cambridge University Press, Cambridge UK, 1919. P. 1–13.
6. Davidson D. “Reply to Quine on Events” In Actions and Events: Perspectives on the Philosophy of Donald Davidson / eds. E. Lepore and B. Mc Laughlin. Oxford: Basil Blackwell, 1985. 157 p.
7. Гарфинкель Г. Исследование привычных оснований повседневных действий // Социологическое обозрение. 2002. №1 С. 41–69.
8. Вахштайн В.С.¹ Социология повседневности: от «Практики» к «Фрейму» Ирвинг Гофман. Анализ фреймов: Эссе об организации повседневного опыта. М.: институт социологии РАН, 2003 // Социологическое обозрение. 2006. №1. С. 69–75.
9. Филиппов А.Ф. «К теории социальных событий» // Логос. 2004. № 5 (44). С. 3–28.
10. Головашина О.В. Событие как объект: к плоской теории событий // Социологическое обозрение. 2021. Т. 20, № 1. С. 89–106.

¹ Согласно ФЗ от 02.12.2019 № 426-ФЗ «О внесении изменений в Закон Российской Федерации “О средствах массовой информации” и Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» внесен Министерством юстиции РФ в Список физических лиц, выполняющих функции иностранного агента 22.04.2022.

УДК 316.45

EDN NSHXWB

Санников Никита Александрович,
начальник организационно-научного и редакционно-издательского отделения
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний
614012, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
sannikovna59@yandex.ru
ResearcherID: GSO-1223-2022

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ ВОСПИТАТЕЛЬНОЙ КОЛОНИИ ДЛЯ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

Рассматривается влияние социальной среды на формирование личности подростков в воспитательных колониях. В работе исследуются различные теоретические подходы к объяснению подростковой преступности, включая экономические, психологические, психодинамические и социологические теории. Основное внимание уделено роли социальной дезорганизации и социального контроля в формировании девиантного поведения современных подростков. Подчеркивается важность укрепления социальных связей с родителями, сверстниками и образовательными учреждениями. Делинквентность рассматривается как результат социальных взаимодействий и ситуационных факторов. В статье предлагается комплексный подход к реабилитации подростков, учитывающий многофакторность причин преступного поведения и важность роли социальной среды. Автор акцентирует внимание на междисциплинарном подходе к изучению преступного поведения, включающий компоненты различных социальных дисциплин. Практические рекомендации основаны на необходимости участия подростков в позитивных социальных группах и создании условий для адекватного контроля и поддержки. Учет индивидуальных особенностей подростков является ключевым элементом в разработке программ ресоциализации в условиях воспитательной колонии. Также рассматривается значимость моральных и нравственных устоев общества в снижении уровня правонарушений среди несовершеннолетних. В заключении работы подчеркивается, что социальные связи и поддержка со стороны ближайшего окружения могут существенно снизить вероятность рецидива преступного поведения современного подростка.

Ключевые слова: социальная среда, воспитательная колония, подростковая преступность, теории преступности.

Ссылка для цитирования: Санников Н.А. Теоретические основы исследования социальной среды воспитательной колонии для несовершеннолетних // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 11–15. EDN NSHXWB

Nikita A. Sannikov,
head of the Organizational-Scientific and Editorial-Publishing Department
Perm Institute of the FPS of Russia
125, Karpinsky st., Perm, 614012, Russia
sannikovna59@yandex.ru
ResearcherID: GSO-1223-2022

THEORETICAL FOUNDATIONS FOR THE STUDY OF THE SOCIAL ENVIRONMENT OF A JUVENILE CORRECTIONAL FACILITY

The paper examines the influence of the social environment on the personality formation of adolescents in educational colonies. The paper explores various theoretical approaches to explaining juvenile delinquency, including economic, psychological, psychodynamic and sociological theories. The paper focuses on the role of social disorganization and social control in the formation of deviant behavior of modern adolescents. The importance of strengthening social ties with parents, peers and educational institutions is emphasized. Delinquency is considered as a result of social interactions and situational factors. The article proposes a comprehensive approach to the rehabilitation of adolescents, taking into account the multifactorial causes of criminal behavior and the need to take into account the role of the social environment. The author focuses on an interdisciplinary approach to the study of criminal behavior, including components of various social disciplines. Practical recommendations are based on the need for adolescents to participate in positive social groups and to create conditions for adequate supervision and support. Taking into account the individual characteristics of adolescents is a key element in the development of re-socialization programs in the conditions of an educational colony. The significance of moral and ethical foundations of society in reducing juvenile delinquency is also considered. In conclusion, it is emphasized that social ties and support from the immediate environment can significantly reduce the likelihood of recidivism of criminal behavior of a modern teenager.

Keywords: social environment, educational colony, juvenile delinquency, theories of delinquency.

For citation: Sannikov N.A. [Theoretical foundations for the study of the social environment of a juvenile correctional facility]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 11–15 (In Russian), EDN NSHXWB

Формирование и развитие личности подростка, находящегося в условиях воспитательной колонии, в значительной степени зависит от социальной среды. Понятие «среда» в социальных науках тесно связано с феноменом воздействия различных типов систем на индивида. Феномен социальной среды и ее влияние на развитие личности является предметом пристального внимания социологии и смежных с ней дисциплин.

Анализ педагогической и криминологической литературы показывает, что причины преступного поведения личности лежат в сложном сочетании факторов различного уровня – от материальных и психологических до совокупности индивидуальных и социально-экономических элементов [1]. Каждое из этих сочетаний может привести к девиантному поведению, что затрудняет создание непротиворечивой теоретической классификации концепций, объясняющих преступное поведение подростков.

Понятие преступности несовершеннолетних тесно связано также с идеей нарушения ценностных и нравственных ориентиров. За несколько столетий психологи, криминологи и

социологи разработали множество теорий, объясняющих преступное поведение подростков. Основные различия между этими теориями объясняются разнообразием научных дисциплин и уровнями анализа изучаемого объекта.

Одним из ярких представителей экономических теорий преступности был Иеремия Бентам, утверждавший, что наказание должно соотноситься с самим преступлением и предусматривать различные методы наказания. В настоящее время среди экономистов и социологов популярна теория рационального выбора, согласно которой индивиды осознанно выбирают путь преступления [2]. В подростковой среде преступность рассматривается как рациональное и продуманное решение, определяющее выбор форм и методов совершения преступления.

Психология трактует причины подростковой преступности через призму индивидуально-психологического подхода, акцентируя внимание на внутреннем мире личности. Согласно поведенческой теории, поведение подростков является результатом их жизненного опыта и качественных характеристик взаимодействий на протяжении всего периода социализации. Представитель бихевиоризма Б. Скиннер утверждает, что подростки приобретают навыки избегания наказаний и запретов, получаемых в ответ на свои действия и поступки. По его мнению, именно окружающая среда играет ключевую роль в формировании моделей социального поведения, детерминируя повторное возникновение поощряемых или наказуемых форм поведения [3].

Психодинамическая концепция предполагает, что бессознательные процессы оказывают доминирующее влияние на личность подростка и его поведение. З. Фрейд, один из основоположников данной теории, полагал, что внутренние конфликты между различными компонентами личности могут побуждать индивида к правонарушениям.

Социологические теории преступности основываются на анализе социальных детерминант, влияющих на поведение несовершеннолетних. В отличие от подходов других дисциплин, социология объясняет социальное поведение индивидов через макросоциальные характеристики. В большинстве социологических теорий утверждается, что ключевое влияние на поведение человека оказывают социальные факторы и процессы. Основным постулатом социологических концепций преступности является преобладание негативных аспектов социальной среды в определенном сообществе или социальной группе. Эти теории в значительной мере игнорируют индивидуальные различия, характеризующие преступников, включая несовершеннолетних.

Одной из значимых социологических теорий преступности является концепция социальной дезорганизации, разработанная К. Шоу и Г. Маккеем, которые утверждают, что причины подростковой преступности коренятся в характеристиках места проживания и ближайшего социального окружения индивида [4]. В ходе анализа условий проживания в различных районах города они обнаружили, что уровень преступности снижается по мере удаления от центра города, что свидетельствует о влиянии структурных факторов на делинквентное поведение.

Еще одной значимой теорией подростковой преступности является концепция социального контроля, которая восходит к философским воззрениям Т. Гоббса. Гоббс полагал, что людям от природы присущи агрессивность, склонность к насилию и доминированию. Он считал, что сильное государство или карательный аппарат должны внушать страх и обеспечивать наказание за нарушение законов, чтобы удерживать людей от антисоциальных действий [5].

Одной из наиболее известных концепций, раскрывающих понятие среды, является концепция социального контроля Т. Хирши, известная как теория социальных связей. Социальные связи характеризуют взаимодействие личности с обществом и включают такие элементы, как участие, вера, приверженность и привязанность. Т. Хирши утверждает, что чем сильнее социальные связи индивида, тем ниже вероятность совершения им преступления [6]. Наиболее эффективным барьером против преступных проявлений является уровень и качество социальных связей подростков с родителями, сверстниками и образовательными учреждениями, которые выступают основными агентами социализации в подростковом возрасте.

Долгосрочные социологические исследования проблем девиантного поведения и подростковой преступности демонстрируют, что чем сильнее подростки привязаны к родителям, тем ниже вероятность совершения ими правонарушений. Также установлено, что высокий уровень моральных и нравственных устоев общества способствует снижению уровня правонарушений. Концепция социальных связей указывает на то, что мотивация к достижению успеха удерживает подростков от правонарушений, т.к. это может существенно снизить их шансы на реализацию жизненных планов.

В контексте обсуждения теорий подростковой преступности нужно остановиться на понятии делинквентности. В научной литературе отсутствует строгое и универсально признанное определение этого термина. Представители различных научных дисциплин предлагают иногда противоположные трактовки. Наиболее известны социологические, криминологические и правовые определения делинквентности.

В обыденном понимании делинквентность часто является синонимом преступности. В более широком смысле этот термин используется для интерпретации различных форм отклоняющегося поведения, включая преступное поведение.

Концепция оперантного научения Б. Скиннера рассматривает делинквентность как процесс усвоения ценностей, норм и моделей поведения через ближайшее социальное окружение [7].

Представители психолого-педагогического направления, такие как И. Найг и Дж. Шорт, считают, что делинквентность является нарушением морально-этических норм личности, акцентируя внимание не на самом проступке, а на процессе применения наказания за него. Д. Морер выделил моральную неполноценность как причину делинквентности [8].

С точки зрения процессуального подхода, теории делинквентности относятся к микроуровню социологического анализа. Объяснения подростковой делинквентности через призму социальных процессов базируются на определенных предпосылках, которые отличают их от других теорий преступности.

Поведение усваивается, а не наследуется биологически. Склонность к преступности, как и к другим видам девиантного поведения, формируется через те же механизмы, что и усвоение других форм подросткового поведения.

Поведение усваивается в социальных условиях. Усвоение установок и поведения происходит посредством непосредственного взаимодействия с другими людьми, а не через опосредованные связи.

Объяснения делинквентности, основанные на «типах людей», сосредоточены на внутренних характеристиках индивида, тогда как следует уделять больше внимания социальным ситуациям, в которых находятся дети или подростки. Процессуальный подход рассматривает подростковую делинквентность в динамике, предполагая, что поведение и социальные отношения изменяются в зависимости от окружающей среды и социальных условий.

Процессуальный подход акцентирует внимание на том, что делинквентное поведение является результатом социальных взаимодействий и ситуационных факторов. Он подчеркивает важность анализа социальных контекстов и процессов, которые влияют на формирование и изменение подросткового поведения. Этот подход позволяет более глубоко понять, как и почему подростки вовлекаются в делинквентные действия, учитывая динамическую природу их социального окружения и взаимодействий.

Применение интердисциплинарного подхода, включающего компоненты различных социальных теорий, способствует эффективности реабилитации подростков в условиях воспитательной колонии и успешной социальной адаптации в будущем. Современные эмпирические социологические исследования показывают, что активное участие делинквентных подростков в функционировании социальных групп вместе с другими категориями молодых людей способствует их социальной адаптации и снижению уровня преступности. Данный тезис подтверждается данными ряда научных работ, опубликованных в последние годы. Так, исследование, проведенное группой турецких психологов и социологов под руководством

Сави Чакар, показало, что участие подростков в спортивных и культурных мероприятиях существенно снижает вероятность их вовлечения в преступную деятельность [9].

Представители зарубежной педагогики также подтверждают эффективность комплексного подхода к реабилитации подростков в условиях воспитательных колоний. Так, П. Леоне доказал, что создание поддерживающей социальной среды способствует снижению уровня подростковой преступности [10].

Философское осмысление делинквентного поведения показывает, что поддержка со стороны родителей и сверстников является детерминирующим фактором в профилактике подростковой преступности, что подтверждает необходимость укрепления социальных связей подростков с их ближайшим окружением [11].

Таким образом, современные социальные и гуманитарные исследования отражают, что комплексный подход к реабилитации подростков в условиях воспитательных колоний, включающий элементы различных теорий и акцентирующий внимание на создании поддерживающей социальной среды, является наиболее эффективным. При разработке ресоциализирующих программ важно учитывать индивидуальные особенности каждого подростка и их жизненный опыт. Комплексный подход может существенно повысить эффективность реабилитации и способствовать успешной социальной адаптации подростков в будущем. Применение теоретических подходов в практике воспитания требует:

1. укрепления отношений подростков с родителями, сверстниками и педагогами;
2. обеспечения участия подростков в позитивных социальных группах и мероприятиях;
3. создания условий для адекватного контроля и поддержки со стороны ближайшего окружения и общества;
4. учета индивидуальных особенностей каждого подростка и их жизненного опыта при разработке воспитательных программ.

Комплексный подход, включающий элементы различных теорий, может повысить эффективность реабилитации подростков в условиях воспитательной колонии и способствовать их успешной социальной адаптации в будущем.

Библиографический список

1. *Cunha C., Soares M., Veríssimo L., Matos R.* Family, peers and juvenile delinquency: Analysis of different pathways to recidivism // *Revista de Psicologia*. 2015. № 24(2). P. 1–18. DOI: <https://doi.org/10.5354/0719-0581.2015.38134>.
2. *Bentham J.* Théorie des peines et des recompenses. М.: Nobel Press, 2020. 286 p.
3. *Скиннер Б.Ф.* Поведение организмов. М.: Оперант, 2016. 363 с.
4. *Clifford R.S., Henry D.M.* Chicago criminologists // *The British Journal of Criminology*. 1976. Vol. 16, № 1. P. 1–19. DOI: <https://doi.org/10.1093/oxfordjournals.bjc.a046684>.
5. *Гоббс Т.* Сочинения. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. 621 с.
6. *Hirschi T.* Causes of Delinquency. New Brunswick, N.J.: Transaction Publishers, 2002. 309 p.
7. *Skinner B.F.* Reflections on Behaviorism and Society. Englewood Cliffs, N.J.: Prentice-Hall, 1978. 209 p.
8. *Саламатина И.И.* Зарубежные теории делинквентности несовершеннолетних // *Сибирский педагогический журнал*. 2007. № 14. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zarubezhnye-teorii-delinkventnosti-nesovershennoletnih> (дата обращения: 25.09.2019).
9. *Firdevs S.Ç.* The Role of Social Support in the Relationship Between Adolescents' Level of Loss and Grief and Well-Being // *International Education Studies*. 2020. Vol. 13, № 12. P. 27–40. DOI: <https://doi.org/10.5539/ies.v13n12p27>.
10. *Leone P., Lockwood S., Gagnon J.* Creating and Sustaining Safe Environments in Juvenile Corrections // *The Wiley handbook of violence and aggression*. Vol. 3: Societal interventions. West Sussex: Wiley, 2017. P. 1541–1552. DOI: <https://doi.org/10.1002/9781119057574>.
11. *Rao V. R.* Effect of Peer Influence on Juvenile Delinquency // *Research Journal of Humanities and Social Sciences*. 2020. № 11(2). P. 148–152. DOI: <https://doi.org/10.5958/2321-5828.2020.00026.1>.

УДК 314.424.2

EDN NWWOFP

Брылунова Дарья Вячеславовна,
студент направления «Социология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
Daryabrylunova.02@mail.ru

СОЦИАЛЬНЫЕ ФАКТОРЫ СУИЦИДАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Уровень суицидальной смертности является серьезной проблемой современного общества, вследствие чего феномен является объектом изучения множества наук. В рамках социологического подхода самоубийство рассматривается как социальное явление, подверженное влиянию некоторых детерминант – факторов суицидального поведения. Исследователи выделяют медицинские, психологические и социальные факторы, способные воздействовать на динамику суицидальной смертности. Социологическая наука ориентируется на изучение детерминант именно социального характера.

Рассматривая социальные факторы суицидального поведения, можно выделить макро-социальные и микросоциальные уровни воздействия. Макросоциальные факторы связаны с общими социальными условиями, такими как отношение общества к суициду, наличие специализированных служб помощи и обсуждение самоубийства в СМИ. Микросоциальные факторы касаются социально-демографических и экономических характеристик индивидов, таких как пол, возраст, семейное положение, место жительства, безработица и алкоголизм.

В статье автор акцентирует внимание на влиянии факторов микросоциального уровня и подробно рассматривает особенности следующих социальных факторов суицидального поведения: пола, возраста, семейного положения, безработицы, алкоголизма, а также места проживания. Отмечается, что исследование данных факторов позволяет определить группы с наибольшим суицидальным риском для дальнейшей адресной работы по снижению числа самоубийств.

Ключевые слова: самоубийство, суицид, суицидальное поведение, фактор суицидального поведения.

Ссылка для цитирования: Брылунова Д.В. Социальные факторы суицидального поведения // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 16–21. EDN NWWOFP

Darya V. Brylunova,
student of the direction “Sociology”
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
Daryabrylunova.02@mail.ru

SOCIAL FACTORS OF SUICIDAL BEHAVIOUR

The level of suicidal mortality is a serious problem of modern society, as a result the phenomenon is the object of study of many sciences. Sociological approach considers suicide as a social phenomenon influenced by some determinants - factors of suicidal behaviour. Researchers distinguish medical, psychological and social factors that can influence the dynamics of suicidal mortality. Sociological science focuses on the study of determinants of social nature.

Considering social factors of suicidal behaviour, it is possible to distinguish macrosocial and microsocial levels of influence. Macrosocial factors are related to general social conditions, such as society's attitude to suicide, the availability of specialised help services and the discussion of suicide in the media. Microsocial factors relate to socio-demographic and economic characteristics of individuals such as gender, age, marital status, place of residence, unemployment and alcoholism.

In the article the author focuses on the influence of microsocial level factors and examines in detail the features of the following social factors of suicidal behaviour: gender, age, marital status, unemployment, alcoholism, and place of residence. It is noted that the study of these factors allows to determine the groups prone to the greatest suicidal risk for further targeted work to reduce the number of suicides.

Keywords: suicide, suicidal behaviour, suicidal behaviour factor.

For citation: Brylunova D.V. [Social factors of suicidal behaviour]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 16–21 (In Russian), EDN NWWOFP

Самоубийство прослеживается на всех этапах развития общества и на данный момент является серьезной проблемой современности. По данным Всемирной организации здравоохранения на 2019 г., более 700 000 человек умирают в результате самоубийства каждый год [1], и еще большее число человек совершают суицидальные попытки. На данный момент рассматриваемый феномен является объектом всестороннего изучения множества наук. В основе социологического подхода лежит представление самоубийства как социального явления, подчиняющегося определенным закономерностям [2, с. 41]. Частота проявления суицидальной активности неодинакова для различных групп. Для каждого общества характерно воспроизводство статистически устойчивого числа самоубийств, изменяющегося в зависимости от происходящих в нем процессов. Русско-американский социолог П.А. Сорокин утверждал, что «причины или факторы самоубийства следует искать в социальной или общественной жизни людей» [3, с. 110]. Главной причиной самоубийств П.А. Сорокин назвал саму культурную организацию современных обществ, а именно присущие ей одиночество, неустойчивость жизни, оторванность личности от общества, падение религиозных верований. Самоубийство как социальное явление есть порождение общества, а значит именно в обществе содержатся детерминанты, от которых зависит суицидальная активность населения [2]. Э. Дюркгейм утверждал, что на самоубийство воздействуют социальные факторы, и опровергал воздействие факторов внесоциальных [4, с. 64].

Отечественные социологи И.Г. Кузина и Н.А. Орлова, занимающиеся исследованием факторов суицидального поведения, дают такое определение: «факторы суицидального по-

ведения – переменные, продуцирующие состояние неопределенности координат социальной реальности и тем самым увеличивающие возможность появления данной формы девиации» [5, с. 89]. Факторы воспроизводят состояние социальной реальности и лишь увеличивают возможность самоубийства. Под факторами суицидального поведения мы будем понимать детерминанты, оказывающие влияние на развитие суицидальных намерений и совершение самоубийства. Воздействие факторов суицидального поведения имеет косвенный характер и способно лишь создать благоприятный фон для развития суицидальных тенденций.

В литературе факторы суицидального поведения подразделяются на факторы социальные (обнаруживаются при исследовании социальной структуры: алкоголизм, безработица, религиозность, а также социально-демографические характеристики, социально-экономические условия и др.), психологические (представляют собой особенности личности: эмоциональная неустойчивость, высокая тревожность, неадекватная самооценка и др.) и медицинские (соматические заболевания, психологические патологии и др.). Мы будем рассматривать только факторы, относящиеся к числу социальных, поскольку иные группы не относятся к предмету социологического изучения. Рассматривая факторы суицидального поведения социального характера, важно отметить, что в социологии на данный момент нет четких концептуальных рамок рассмотрения факторов суицидального поведения, есть множество разрозненных авторских типологий, часть из которых граничит с психологическим подходом, предлагающих структурировать факторы по разным основаниям.

Социальные факторы суицидального поведения мы будем рассматривать в контексте разделения на макро- и микросоциальный уровни воздействия. Под макросоциальными факторами будем понимать наиболее общие социальные условия, способные создать благоприятную почву для суицидальной активности населения, например: отношение общества к суициду, наличие специализированных служб помощи для суицидентов, характер обсуждения самоубийства в СМИ и массовой культуре и др. Под микросоциальными будем понимать факторы, относящиеся к социально-демографическим и экономическим характеристикам индивидов и более частным условиям жизни. Среди них: пол, возраст, семейное положение, место жительства, безработица, алкоголизм и др. В рамках теоретического обзора подробнее рассмотрим микросоциальные факторы и их воздействие.

Среди факторов, оказывающих влияние на суицидальное поведение, выделяют фактор пола. Различие между числом самоубийств мужчин и женщин установил еще Э. Дюркгейм и объяснил его большей степенью включенности мужчины в социальную жизнь. Динамика самоубийств указывает на большую суицидальную активность мужчин, в большинстве стран мира ситуация остается такой и сегодня. П.А. Сорокин объяснил меньший процент самоубийств среди женщин тем, что «женщина в силу исторических условий отстала от мужчины, более привязана к семье, менее индивидуализирована, и ее жизнь более устойчива, чем жизнь мужчины» [3, с. 113]. Отечественный социолог И.Б. Орлова объясняет меньшее число женских самоубийств социальными ролями женщины: «вероятно, всегда, даже при потере работы, социальных катаклизмах, сглаживают негативное влияние стрессовызывающих ситуаций. Ребенок является для женщины якорем, прочно удерживающим ее в жизни» [6, с. 72]. Обоснования исследователей по большей мере сводятся к различию социальных ролей, традиционно выполняемых мужчинами и женщинами. Это означает, что различия в суицидальной активности мужчин и женщин – следствие гендерной социализации и разного социально-одобряемого поведения.

Возраст также играет важную роль в развитии суицидальных намерений и является еще одним фактором суицидального поведения. Влияние возраста связывают с процессом социализации, проходимым на том или ином этапе: изменению социального статуса, включенностью/исключенностью из общественной жизни [5, с. 90]. Одни возрастные группы оказываются более подвержены к совершению самоубийства, чем другие. В возрастной динамике самоубийств наблюдаются пики суицидальной активности. Выделяют две возрастные группы суицидального риска: пожилые люди и молодежь. Тенденция увеличения числа са-

моубийств с возрастом не является новой. В основе высокой суицидальной активности пожилых людей лежит исключенность из социальной жизни, изолированность, тяжелые болезни и нежелание обременять семью уходом за собой. Так, в 2019 г. наибольший уровень суицидальной смертности наблюдался в возрастной группе от 85 лет и старше, в данной возрастной группе на сто тысяч человек пришлось 25 случаев самоубийств [7]. Высокий уровень самоубийств молодежи объясним иными факторами. Вообще молодежь стали определять группой суицидального риска относительно недавно. Еще в 1990-е годы в России пики суицидальной активности отмечались в возрастных группах 40–45 лет и после 80. В 2000-е исследователи обратили внимание на значительный рост числа самоубийств молодежи 15–34 лет [8, с. 25]. Данная тенденция характерна для России и проявляется довольно остро. Омоложение возрастной структуры самоубийства Н.А. Орлова объясняет тем, что современная молодежь сформирована в обществе постмодерна, для которого характерны социальная неопределенность и нестабильность, вследствие чего молодые люди живут сегодняшним днем, а их жизненные ориентиры размыты [9, с. 51]. Таким образом, именно социальные условия жизни возрастных групп и особенности социализации влияют на их расположенность к совершению суицидальных действий.

Семейное положение может выступать как в качестве фактора суицидального поведения, так и в качестве антисуицидального фактора, т.е. установки, препятствующей реализации суицидальных намерений. Теплые семейные взаимоотношения обеспечивают интеграцию индивида в группу, в данном случае семейную, что является фактором, сдерживающим от самоубийства. По этой причине уровень самоубийств среди семейных людей является низким, среди людей одиноких – высоким. Я.И. Гишинский отмечает, что «отсутствие семьи, одиночество, неустроенность в сфере семейно-бытовых отношений служат суицидогенным фактором» [10, с. 175]. Наибольшему суицидальному риску подвержены люди, никогда не состоявшие в браке, овдовевшие, а также разведенные. Наличие семейных проблем также является фактором суицидального риска. Среди мужчин преобладают такие мотивы самоубийства как конфликты в семье или развод с супругой. Для женщин губительнее одиночество, что особенно проявляется в пожилом возрасте. Число социальных ролей в пожилом возрасте сокращается в связи с уходом на пенсию и общим уменьшением числа социальных контактов, но классическая роль, выполняемая женщиной, по большей мере завязана на доме, уходе за семьей. В ситуации отсутствия семьи женщины в пожилом возрасте особенно остро ощущают одиночество и изоляцию, что может послужить благоприятной почвой для развития суицидальных тенденций.

Тип места жительства давно называют серьезной детерминантой суицидального поведения. Э. Дюркгейм [4], М. Хальбвакс [11], отмечавшие высокий уровень суицидальной смертности среди городских жителей, наблюдаемый феномен объясняли социальной изоляцией и сниженной эффективностью социального контроля, характерным для городского образа жизни. С середины XX века ситуация изменилась, и по сей день во многих странах мира уровень суицидальной активности сельских жителей существенно выше, чем у горожан. По данным Росстата на 2022 г., жители сельской местности опережают горожан по самоубийствам в 2 раза (14,8 и 7,4 самоубийств на 100 000 человек населения) [12]. Наблюдаемую тенденцию связывают с общим упадком села, тяжелыми бытовыми и материальными условиями проживания, а также высокой распространенностью социальных проблем. Более того, в наше время сельское население составляют преимущественно лица пожилого возраста, а именно с увеличением возраста наблюдается тенденция к увеличению числа добровольных уходов из жизни. В таком случае воздействие факторов накладывается друг на друга и усиливает возможность возникновения суицидального поведения.

Изучению влияния алкоголизации на суицидальное поведение занимались многие отечественные исследователи. Алкоголизм, как и самоубийство, представляет серьезную социальную проблему современного российского общества. Исследование, проведенное А.В. Немцовым, показало, что почти половина самоубийств в России связана с злоупотреб-

лением алкоголем [13, с. 175]. Самоубийство и уровень алкоголизации населения как социальные явления представляют собой следствия аномии в обществе. Алкоголизм и самоубийство являются разными формами проявления ретритизма, бегства от реальности, предпосылками для проявления данных девиаций могут выступать одни и те же социальные патологии. М.В. Морев и соавторы отмечают, что «алкоголизм и самоубийство – это формы аутодеструктивной активности, развивающиеся по одинаковым механизмам» [14, с. 28]. Таким образом, алкоголь может выступить сопутствующей девиацией на пути к проявлению суицидальной активности и маркером суицидального риска.

Исследователи отмечают связь между безработицей и самоубийством. Следствием безработицы является социальная неустроенность, повышающая риск совершения самоубийства. В рамках проведенного Е.С. Ушаковой исследования в период с 2006 по 2009 годы было установлено, что люди, не имеющие работы, чаще добровольно уходят из жизни [15]. Замеченная тенденция может быть объяснена тем, что работа обеспечивает человеку определенный уровень социального контроля, а также расширяет круг общения, т.е. способствует социальной интеграции. Особенно отмечается влияние внезапной потери работы на суицидальное поведение, поскольку резкое ухудшение социального и материального статуса вызывают социальную неопределенность и могут спровоцировать проявление различных форм девиантного поведения, в том числе самоубийство. J. Weerasinghe и L. Terregman также доказывают наличие связи между безработицей и уровнем самоубийств [16, с. 209–210]. При этом исследователи отмечают, что уровень безработицы является хорошим предиктором самоубийств для мужчин, но не для женщин, поскольку неудачи в профессиональной сфере как правило переживаются мужчинами существенно острее.

Таким образом, рассмотренные факторы представляют собой социально-демографические и социально-экономические характеристики индивидов, способные повлиять на возможность возникновения суицидального поведения. Их влияние на суицидальное поведение опосредовано, они лишь определяют социальные условия, благоприятные для проявления суицидальной активности. С опорой на анализ макросоциальных факторов суицидального поведения, выделяют группы, подверженные высокому суицидальному риску. На совершение самоубийства как правило влияет целый комплекс факторов, выявляющихся при исследовании социальной структуры. Детерминанты, опосредующие число добровольных смертей, находятся в обществе и имеют социальную природу, что обосновывает необходимость социальных преобразований для снижения уровня суицидальной активности населения.

Библиографический список

1. Самоубийство [Электронный ресурс] // Официальный сайт ВОЗ. URL: <http://www.who.int/mediacentre/factsheets/fs398/ru/> (дата обращения: 26.10.2023).
2. *Гилинский Я.И.* Самоубийство как социальный феномен // Социологический журнал. 2011. № 2. С. 39–48.
3. *Сорокин П.А.* Самоубийство как общественное явление // Социологические исследования. 2003. № 2. С. 104–114.
4. *Дюркгейм Э.* Самоубийство. Социологический этюд / пер. с фр. А. Ильинского, под ред. В. Базарова. М.: АСТ, 2021. 512 с.
5. *Кузина И.Г., Орлова Н.А.* Факторы суицидального поведения: теоретический аспект проблемы // Вестник БГУ. 2015. № S14. С. 88–94.
6. *Орлова И.Б.* Самоубийство – явление социальное // Социологические исследования. 1998. № 8. С. 69–73.
7. *Аминов И.* Самоубийства и их профилактика в Российской Федерации, 2021 год: основные факты // Демоскоп Weekly. 2021. № 311–312. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2021/0911/suicide.php> (дата обращения: 29.10.2023).

8. *Войцех В.Ф.* Динамика и структура самоубийств в России // Социальная и клиническая психиатрия. 2006. №3. С. 22–27.
9. *Орлова Н.А.* Факторы суицидального поведения в современном российском обществе: социологический анализ (на материалах Приморского края): дис. ... канд. соц. наук. Владивосток, 2016. 214 с.
10. *Гилинский Я.И.* Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 650 с.
11. *Halbwachs M.* Les causes du suicide. Avant-propos de Marcel Mauss. Paris: Felix Alcan, 1930. Collection “Travaux de l'Annee sociologique”. Reimpression: Arno Press Inc., 1975. 520 p.
12. Число умерших по основным классам и отдельным причинам смерти в расчете на 100000 населения за год // Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/31270> (дата обращения: 29.10.2023).
13. *Немцов А.В., Шельгин К.В.* Алкоголь – существенный фактор самоубийств // Консультативная психология и психотерапия. 2016. Т. 24, № 3. С. 164–180.
14. *Морев М.В., Шабунова А.А., Гулин К.А.* Социально-экономические и демографические аспекты суицидального поведения. Вологда: Ин-т социально-экономического развития территории РАН, 2010. 188 с.
15. *Ушакова Е.С.* Суицидальный риск: социологический анализ: дис. ... канд. соц. наук. СПб., 2010. 276 с.
16. *Weerasinghe J., Tepperman L.* Suicide and happiness: Seven tests of the connection // Soc. Indic. Res. 1994. Vol. 32. P. 199–233.

УДК 316.444.5

EDN PLOFKK

Рогозина Кристина Юрьевна,
студент направления «Социология»
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
kristina.rogozina.2020@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА СТУДЕНТОВ ВЫСШИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ Г. ПЕРМИ

В центре внимания статьи находятся вопросы, связанные с особенностями видения и реализации профессионального выбора пермскими студентами. Современные исследования профессионального самоопределения чаще направлены на изучение особенностей профессионального выбора школьников или уже трудоустроенных людей, которые осознают перемены в своих профессиональных предпочтениях. Но также важно обратить внимание на изменчивость профессионального самоопределения в период обучения человека в вузе. Именно на этом жизненном этапе можно проследить влияние мотивов и факторов, которые могут оказывать влияние на профессиональный выбор уже сейчас. Исследование было направлено на изучение профессионального выбора студентов пермских высших учебных заведений. Основные результаты продемонстрировали важность для абитуриентов собственных желаний в выборе будущей профессии. В выборе вуза будущие пермские студенты чаще основываются на возможности обучения на бюджетной основе. Профориентационные мероприятия были оценены респондентами как малоэффективные мероприятия. Часто наблюдается несоответствие между должностью, на которой трудоустроен студент, и направлением подготовки, на котором он обучается, но с каждым курсом трудоустроенность студентов растет. Перемена в профессиональных предпочтениях имеет связь с проведенными профориентационными мероприятиями и организацией образовательного процесса, т.е. с практически независимыми от студента или абитуриента обстоятельствами. Желание сменить специальность чаще возникает у студентов направлений подготовки «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» и «Науки об обществе», а также наблюдается тенденция к возрастанию этого желания с увеличением продолжительности обучения.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение, профессиональный выбор, направление подготовки, студенты, высшее образование.

Ссылка для цитирования: Рогозина К.Ю. Особенности реализации профессионального выбора студентов высших учебных заведений г. Перми // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 22–32. EDN PLOFKK

Kristina Yu. Rogozina,
student of the direction "Sociology"
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
kristina.rogozina.2020@mail.ru

FEATURES OF IMPLEMENTATION OF PROFESSIONAL CHOICE OF STUDENTS OF HIGHER EDUCATIONAL INSTITUTIONS OF PERM

The focus of the article is on issues related to the characteristics of the vision and implementation of professional choice by Perm students. Modern studies of professional self-determination are more often aimed at studying the characteristics of the professional choice of schoolchildren or already employed people who are aware of changes in their professional preferences. But it is also important to pay attention to the variability of professional self-determination during the period of a person's studies at a university. It is at this stage of life that one can trace the influence of motives and factors that can influence professional choice right now. The study was aimed at studying the professional choice of students in Perm higher educational institutions. The main results demonstrated the importance of applicants' own desires in choosing a future profession. When choosing a university, future Perm students are often based on the opportunity to study on a budget basis. Career guidance activities were rated by respondents as ineffective. There is often a discrepancy between the position in which the student is employed and the field of study in which he is studying, but with each course the employment of students increases. Changes in professional preferences have a connection with the career guidance activities carried out and the organization of the educational process, that is, with circumstances practically independent of the student or applicant. The desire to change their specialty more often arises among students in the areas of training "Agriculture and Agricultural Sciences" and "Social Sciences", and there is also a tendency for this desire to increase with increasing course of study.

Keywords: профессиональное самоопределение, профессиональный выбор, направление подготовки, студенты, высшее образование.

For citation: Rogozina K.Yu. [Features of implementation of professional choice of students of higher educational institutions of Perm]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 22–32 (In Russian), EDN PLOFKK

Введение

На сегодняшний день вопросы профессиональной ориентации, осознанного выбора профессии и правильного подхода к профориентации приобретают особое значение не только с точки зрения жизненных планов человека, но и для развития общества [1]. Профессиональный выбор молодежи зависит как от личных предпочтений, так и от внешних факторов, например, материальные трудности, общественное давление и престиж профессии. Это ограничивает свободу выбора и может привести к неопределенности и страху ошибиться. Темпы социальных изменений неоднородны, не очевидно, могут ли студенты полагаться на собственное видение будущей профессии, если наблюдается изменчивость мирового рынка труда, появляются новые профессии, увеличивается средняя продолжительность жизни; кроме этого, молодежь все чаще принимает активное участие в различных сферах общественной жизни. Так или иначе влияние перечисленных процессов может определять возможности и требования рынка труда, а также формировать или изменять ценности общества в любой момент; все это влияет на выбор будущей профессиональной траектории и целей. Следовательно,

возрастают риски смены профессионального выбора после получения первого образования. Более того, в современном обществе присутствует тенденция «подмены профессионального выбора образовательным» [2]. Осознание всех перечисленных трудностей помогает понять особенности выбора профессии и предложить подходы для успешного решения.

В настоящее время многие выпускники не работают по специальности, указанной в их дипломе. Доля трудоустроенных людей по специальности составляет 28%. При этом каждый второй предпочитает изменить специальность для трудоустройства [3]. Важно отметить, что необходимо определить правильный выбор будущего карьерного пути. Эта идея остается актуальной, поскольку решение о профессиональном пути становится все более сложным. Примером может служить мониторинговое исследование, в рамках которого отслеживалась динамика профессиональных планов студентов с 1995 по 2016 годы: в результате было выяснено, что «доля студентов, планирующих работать по специальности, снизилась почти вдвое – с 66 до 34%» [4]. С появлением новых технологий и профессий, которых не было ранее, молодые люди могут столкнуться с выбором между тем, чтобы идти по проторенному пути, или выбрать более современную и перспективную специальность.

Исследовательские подходы к описанию и анализу проблем профессионального самоопределения

Часто в период выбора определенного направления подготовки абитуриенты могут основываться на сиюминутном желании, которое с течением пройденного времени имеет свойство заменяться другими ценностями, мотивами и личными целями, которые, в свою очередь, ставят под сомнение первоначальный профессиональный выбор и его необходимость в целом. Проведенное в 2017 году исследование качества высшего образования в Санкт-Петербурге по заказу Комитета по науке и высшей школе Правительства Санкт-Петербурга [5] показало, что чаще среди причин выбора вуза оказываются рекомендации родителей, друзей или знакомых (41,7% опрошенных студентов), рейтинг вуза в СМИ (25,4%), востребованность выпускников конкретного вуза ведущими предприятиями (20,1%). В другом исследовании [6] отмечается, что среди респондентов только 18% выбрали свою профессию самостоятельно, а наибольшее влияние на дальнейший выбор оказали мнение родителей (37%) и советы знакомых (28%). На этапе определения профессиональных желаний нередко молодые люди могут обратить внимание на чужие цели и достижения, не углубляясь в ту стезю, в которой именно они могут быть успешнее. Поэтому стоит изучать не только причины выбора определенной профессии, но и другие особенности данного процесса на этапе обучения профессии.

Исследование, проведенное в Якутии в 2017 году [7], напрямую отразило мнение школьников относительно профессиональных предпочтений. Так, главными факторами, влияющими на выбор профессии, стали: способности (79,5%), интересы (71,9%); советы родителей и родственников (70,0%), советы друзей (66,8%); состояние здоровья (60,0%). Стоит отметить, что перечисленные факторы имеют свойство изменяться с течением времени, что будет заметно только на этапе обучения и прямого включения в выбранную ранее профессиональную роль.

Таким образом, современные исследования, целью которых является изучение выбора профессии молодежью, охватывают как учащихся школ, так и уже трудоустроенных людей. Однако в настоящее время особое внимание следует уделить студентам, мотивам и факторам, которые влияют на их профессиональный выбор. Период получения высшего образования становится важным этапом в профессиональном самоопределении человека. Именно в это время студент через практику получает первый профессиональный опыт, через который может примерить на себя будущую роль специалиста в той или иной области. И именно в этот период четко осознаются такие сравнительные стороны, как ожидание от профессии до поступления, первичное осознание и ощущение от профессии во время обучения, профессиональные планы на будущее. Изучение и понимание тех причин, факторов

и мотивов, которые влияют на абитуриентов при выборе своего будущего профессионального пути и на студентов при обучении по выбранной специальности, поможет разработать наиболее эффективные программы развития профессионального самоопределения и поможет молодым людям избежать ошибок, касающихся выбора профессии. Успешное профессиональное самоопределение является ключом к достижению личностного и профессионального успеха для каждого человека.

Методология и методы исследования

Проведенный анализ литературы демонстрирует наличие следующей научной проблемы: наблюдается противоречие между увеличивающейся необходимостью в формировании осознанного выбора направления обучения в высшем учебном заведении и относительно невысоким уровнем ориентации выпускников на работу по полученному образованию.

Объект исследования – профессиональный выбор студентов пермских вузов, обучающихся на 1–6 курсах очной формы. Очная форма обучения предполагает, что студенты обязаны обучаться на дневном отделении, что подразумевает большее количество практических занятий, что и дает наиболее полное представление о профессии, на котором они обучаются. Также стоит отметить, что для исследования были отобраны студенты бакалавриата и специалитета, т.к. на данных уровнях профессионального высшего образования обучаются сразу после окончания учреждений среднего или среднего профессионального образования, где и начал осознаваться и формироваться профессиональный выбор.

Предмет – особенности реализации профессионального выбора студентами пермских вузов.

Исследование было проведено в рамках количественной традиции. Метод сбора данных – online-анкетирование для студентов очной формы обучения среди восьми вузов г. Перми (среди всех учреждений были выбраны следующие: Пермский национальный исследовательский политехнический университет, Пермский государственный медицинский университет имени академика Е.А. Вагнера, Пермский государственный аграрно-технологический университет имени академика Д.Н. Прянишникова, Пермский государственный национальный исследовательский университет, Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет, Пермский государственный институт культуры, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Пермская государственная фармацевтическая академия).

Выборочная совокупность составлена посредством целенаправленной выборки с квотным отбором по двум параметрам: курс и направление подготовки. Данный метод выбора испытуемых для исследования позволил учесть заранее определенные квоты по различным характеристикам, чтобы соответствовать структуре изучаемой генеральной совокупности. Данные рассчитаны на основе сведений РОССТАТ [8]. На основании этой базы данных были рассчитаны показатели выборочной совокупности: деление совокупности на группы по необходимым параметрам (курс и направление подготовки студента); определение веса подгрупп (вычисление пропорций); расчет необходимого количества квот для выборочной совокупности.

Направления подготовки были отобраны в соответствии с перечнем направлений подготовки высшего образования – бакалавриата (утв. приказом Министерства образования и науки РФ от 12 сентября 2013 г. N 1061 (в редакции приказа Министерства образования и науки РФ от 15 апреля 2021 г. N 270)) [9].

Ввод данных осуществлялся в программном пакете «SPSS». В данной статье представлены основные результаты проведенного исследования с помощью следующих *методов анализа*: были рассчитаны коэффициенты, основанные на модели прогноза λ Гуттмана и τ Гудмена-Краскела, использованы методы описательные статистики.

В исследовании приняли участие 200 студентов пермских вузов в разрезе 1–6 курсов и разных направлений подготовки: «Математические и естественные науки» (10,47%), «Инженерное дело, технологии и технические науки» (31,65%), «Здравоохранение и медицинские науки» (17,06%), «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» (3,91%), «Науки об обществе» (17,95%), «Образование и педагогические науки» (8,64%), «Гуманитарные науки» (6,64%), «Искусство и культура» (3,67%). Анкета состояла из нескольких тематических частей и соответствующих вопросов: возможное место работы, мнение относительно мотивов и факторов поступления в выбранный вуз, отношение к выбранному направлению подготовки, будущие профессиональные планы. Для респондентов была обеспечена гарантия анонимности, их участие было добровольным. Перед заполнением электронной формы опроса респонденты ознакомились с целью проводимого исследования. Для уверенности в правильном заполнении анкеты респондентами каждый вопрос (кроме вопросов-фильтров) было решено отметить как «Обязательный вопрос» – так наиболее вероятно ответы соответствовали заявленным ожиданиям по правильности заполнения.

Результаты и обсуждение

Самоопределение [10] представляет собой процесс развития, имеющий непосредственное отношение к личностному становлению молодых людей. Профессиональный выбор [11] – это одна из разновидностей субъектных выборов человека, содержательно определяемая спецификой трудовой деятельности. Реализация профессионального выбора подразумевает такие аспекты, как осознание личных интересов, способностей, ценностей, а также анализ требований рынка труда. Стоит отметить, что понимание этого понятия связано с изучением конкретных ситуаций успешного или неуспешного продвижения по выбранной профессиональной траектории. Здесь важно анализировать мотивы и факторы, способствующие достижению профессиональных целей. Также стоит учитывать препятствия, с которыми человек может столкнуться при осуществлении профессионального выбора, такие как недостаток образования, экономические проблемы и др.

Первые наглядные результаты профессионального выбора наблюдаются в процессе профессиональной ориентации. В первую очередь была оценена степень эффективности профориентационных мероприятий для опрошенных студентов. Данный вопрос был представлен в виде 10-бальной шкалы (где 1 – не помогли совсем, 10 – помогли в полной мере). Большинство респондентов, которые участвовали в профориентационных мероприятиях, отметили, что они «не помогли совсем» (25%). Всего 1% опрошенных отметили самую высокую градацию – «помогли в полной мере». Соответственно, профориентационные мероприятия не оказывают существенного влияния на принятие решения о выборе профессии.

Дальнейшее решение для реализации своего профессионального пути состоит в выборе вуза и соответствующего направления подготовки. Наиболее распространенной причиной выбора вуза оказывается возможность поступления на бюджетную основу («возможность поступления на бюджетные места» (78%), «наличие бюджетных мест» (71%)) (см. рис. 1).

Пермские студенты в выборе направления подготовки профессионального обучения в большей степени полагаются на свои желания, а не на общественные ценности. Чаще всего студенты отметили «интерес к выбранной специальности» (81% выбрали, 19% не выбрали) (см. рис. 2), «учет внутренних и внешних способностей» (53% выбрали, 47% не выбрали). Прежде всего среди абитуриентов ценны собственные желания, доступность и комфорт во время обучения.

Рис. 1. Причины выбора вуза

Когда студент начинает обучаться по определенной специальности и изучать ее изнутри, порой возникает необходимость для трудоустройства, эта цель была рассмотрена далее. Чаще работу и обучение совмещают студенты 4 курса (59% совмещают, 41% не совмещают). Также стоит отметить, что трудоустроенных студентов с каждым курсом, как правило, становится больше (если учитывать период 1–4 курсов) (см. рис. 3). Данный вывод может быть объяснен тем, что на курсах 2 и старше сложнее получать стипендию и иные выплаты, связанные с успешностью в обучении, при этом, возможно, студент меньше времени тратит на знакомство со средой вуза; в это время он наиболее адаптирован, поэтому способен совмещать учебу и работу. Так, у студентов первых курсов чаще присутствует несоответствие между должностью и направлением подготовки, на котором они обучаются. Однако с увеличением уровня обучения (2–6 курсы) процент студентов, у которых должность соответствует направлению подготовки, постепенно увеличивается. Также можно заметить, что на последних курсах все больше студентов работают на должностях, соответствующих их специальности. Это говорит о том, что с увеличением опыта обучения и работы студенты начинают находить должности, наиболее соответствующие их специализации.

Рис. 2. Причины выбора направления подготовки

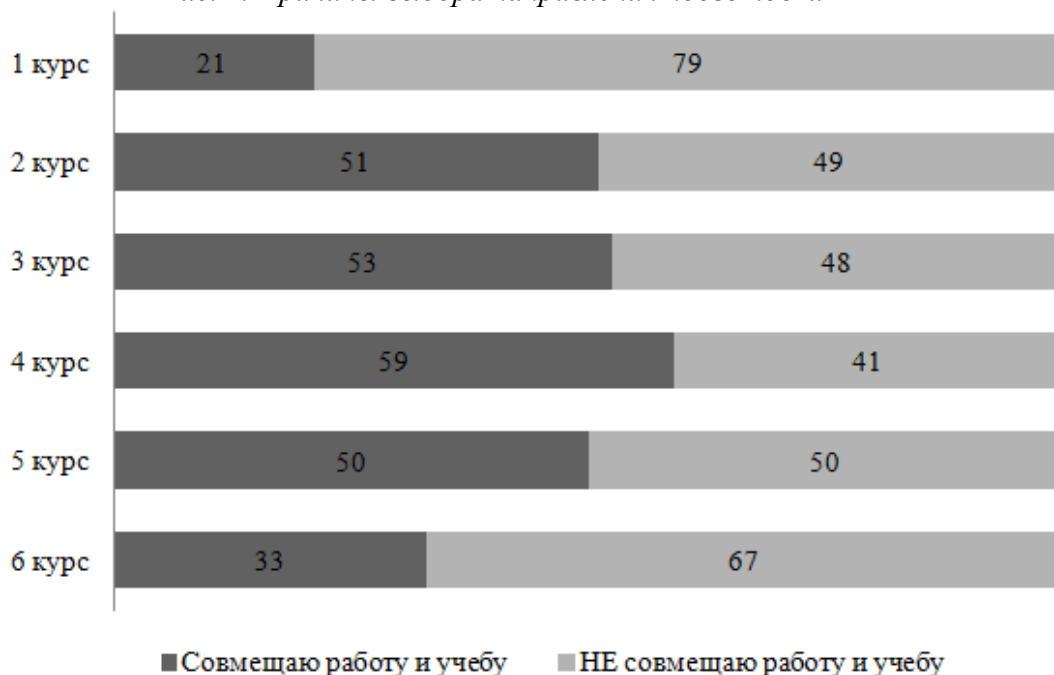

Рис. 3. Доля трудоустроенных и нетрудоустроенных студентов в разрезе курсов

Чаще всего студенты направления «образование и педагогические науки» трудоустроены и совмещают эту деятельность с учебной (см. рис. 4). Таким образом, студенты педагогических специальностей в большей степени нуждаются в дополнительном заработке или дополнительном опыте работы по своему направлению подготовки.

Далее стоит рассмотреть, у скольких студентов наблюдается совпадение должности и специальности. Половина трудоустроенных студентов отметили, что их должность не совпадает с направлением подготовки, на котором они обучаются (рис. 4).

Рис. 4. Доля трудоустроенных и нетрудоустроенных студентов в разрезе направлений подготовки

Бывают ситуации, когда студенты понимают, что выбранная специальность интересует их меньше, чем ожидалось ранее, либо же появляются новые желания в профессиональной реализации (в другой сфере). С течением времени восприятие некоторых вещей изменяется, поэтому не исключено, что профессиональный выбор также может быть переосмыслен. 11% опрошенных студентов не планируют работать по специальности, а 67% готовы продолжать погружаться в выбранную профессиональную сферу. С целью рассмотрения возможного влияния такого мотива, как зарплатные ожидания, был проведен поиск различий. Самые высокие зарплатные ожидания наблюдаются среди студентов направления «Инженерное дело, технологии и технические науки»: 51% студентов этого направления отметили сумму в интервале 50001–90000 рублей, 47% – 37501–50000 рублей и всего 2% отметили 23000–37500 рублей. Самые низкие зарплатные ожидания наблюдаются среди студентов направлений «Математические и естественные науки» и «Искусство и культу-

ра». Первые отмечают сумму в интервале 23000–35700 рублей в 40% случаев, сумму в районе 37501–50000 рублей в 50% случаев и только 10% отметили самый высокий интервал – 50001–90000 рублей. Зарплатные ожидания разнятся в зависимости от направления подготовки. С помощью расчета λ Гутмана и τ Гудмена–Краскела было рассмотрено наличие такой связи: изменение профессиональных целей в процессе обучения студентов не связано с ожидаемым уровнем заработной платы.

Далее были рассмотрены данные тех респондентов, которые отметили желание сменить специальность. Чаще всего сменить направление подготовки хотят студенты направлений подготовки «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» и «Науки об обществе», также наблюдается тенденция к возрастанию этого желания с увеличением курса обучения (см. рис. 5). Причины перемены в своих профессиональных предпочтениях могут разниться в зависимости от множества составляющих.

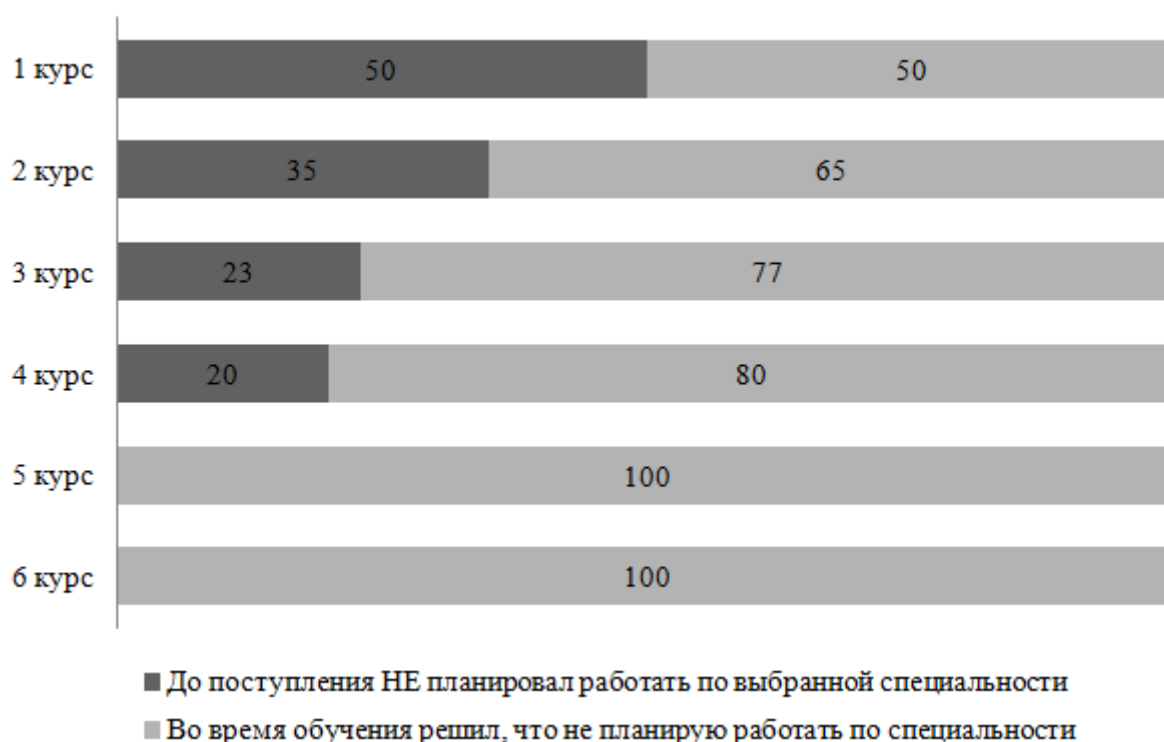

Рис. 5. Промежуток времени, когда респондент принял решение о желании сменить специальность в разрезе курсов

Заключение

Осознанный выбор профессии имеет важное значение для индивида и общества в целом. Он не только способствует личностному развитию и успеху в профессиональной деятельности, но и влияет на развитие и процветание общества. Поэтому особенно важно изучать и взаимодействовать со студенчеством, которое представляет огромный пласт будущих кадров нашей страны. Именно от успешности профессионального выбора, а впоследствии и от минимизации временных трат на поиск своего профессионального предназначения зависит кадровая обстановка на рынке труда. Во многих современных исследованиях не уделяется большое внимание периоду первичного осознания выбранной профессии, когда благодаря практическим занятиям человек понемногу осознает и примеряет профессиональную роль, – студенчество.

Студенческий период важен для проведенного исследования тем, что именно в это время студент осознает истинную картину профессионального мира выбранного направления подготовки. Поэтому важно изучать данный период, чтобы знать, что именно может пошатнуть уверенность в сделанном выборе о будущей профессии.

В исследовании были найдены следующие особенности реализации профессионального выбора пермскими студентами. Абитуриенты в выборе направления подготовки профессионального обучения в большей степени полагаются на свои желания, а не на общественные ценности; в выборе вуза будущие пермские студенты чаще основываются на возможности обучения на бюджетной основе. Профорientационные мероприятия, проводимые с ними в школе, показывают низкую эффективность, не оказывают существенного влияния на профессиональное самоопределение.

Часто наблюдается несоответствие между должностью, на которой трудоустроен студент, и направлением подготовки, на котором он обучается, но с каждым курсом трудоустроенность студентов растет. Можно предположить, что пермские студенты с течением времени больше нуждаются в дополнительном заработке или опыте работы, где должность чаще не совпадает с текущей специальностью студента (и не имеет с ней корреляции).

Изменение профессиональных целей в процессе обучения студентов не связано с ожидаемым уровнем заработной платы. Перемена в профессиональных предпочтениях имеет связь с проведенными профорientационными мероприятиями и организацией образовательного процесса, т.е. с практически независимыми от студента или абитуриента обстоятельствами. Желание сменить специальность чаще возникает у студентов направлений подготовки «Сельское хозяйство и сельскохозяйственные науки» и «Науки об обществе», а также наблюдается тенденция к возрастанию этого желания с увеличением курса обучения.

Еще раз стоит отметить, что студенческую молодежь необходимо изучать, а также обращать внимание на особенности их профессионального развития. Порой сложности могут возникнуть не только в связи с пассивными действиями по изучению своих профессиональных предпочтений. Поэтому стоит изучать данные особенности и помогать школьникам, абитуриентам, студентам в реализации выбранной профессии, т.к. причиной могут быть не только недочеты в проведенной со школьником профорientационной работы, но и другие обстоятельства.

Основные выводы, полученные в рамках данного исследования, могут помочь лучше понять роль личных предпочтений студентов в процессе выбора профессиональной траектории, а также существующие социокультурные и психологические аспекты.

Библиографический список

1. *Афанасьев В.В., Куницына С.М., Нечаев М.П., Фролова С.Л.* Система профориентации: проблемы, тенденции, опыт реализации и перспективы развития // Инновационные проекты и программы в образовании. 2019. № 1(61). С. 7–16.
2. *Захарова А.С.* Предпочтения профессионального выбора молодежи (На примере учащейся молодежи Белгородской области) // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2021. № 6(58). С. 246–252.
3. Большая зарплата или работа по специальности? / Официальный сайт Всероссийского центра изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/bolshaya-zarplata-ili-rabota-po-speczialnosti-> / (дата обращения: 16.04.2023).
4. *Вишневский Ю.Р., Нархов Д.Ю., Дидковская Я.В.* Тренды высшего профессионального образования: профессионализация или депрофессионализация // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 1. С. 152–170.
5. *Авакова Э.Б., Покровская Н.Н., Кузнецов А.А.* Социологическое сопровождение образовательного процесса как предмет управления интеллектуальным капиталом в информационном обществе // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2019. № 2 (116). С.123–130.
6. *Прищеп Ю.В.* Проблемы профориентации молодежи // Вопросы науки и образования. 2017. № 10(11). С. 202–203.
7. *Макаренко Т.А., Панина С.В.* Профессиональное самоопределение старшеклассников: региональный аспект // Дискуссия. 2017. № 10(84). С.85–92.
8. Форма № ВПО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры» / Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/action/stat/highed/> (дата обращения: 03.11.2023).
9. Приказ об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования. URL: <https://ba.hse.ru/mirror/pubs/share/803417127.pdf> (дата обращения: 03.11.2023).
10. *Радул В.В., Галета Я.В.* Самоопределение как структурно-функциональное качество личности // Universum: психология и образование. 2019. № 12(66). С. 1–6.
11. *Маслова Е.С.* Психология профессионального выбора личности: динамика и факторы становления предметной области // Гуманизация образования. 2018. № 1. С. 80–89.

УДК 316.334.22

EDN QQZODJ

Воронова Ксения Андреевна,
кандидат социологических наук,
доцент кафедры социологии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
voron55555@yandex.ru
Scopus AuthorID: 57201734676
ORCID: 0000-0002-5003-794X
SPIN-код: 3996-2164

ГЕНДЕРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ МУЖЧИН И ЖЕНЩИН В ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ СФЕРЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье описывается зарождение и развитие гендерных исследований в современной России. Рассматривается понятие «гендер» как «социальный пол», обозначающий социокультурные аспекты поведения и взаимодействия мужчин и женщин, отражающий социальную стратификацию и их положение в обществе. Определяются три уровня измерения гендера: гендерной идентичности, социализации и социального положения, архетипов и образов в культуре. Показывается эволюция исследования гендерных различий в сфере труда в России: от одного из первых проектов «Таганрог», проводившегося на протяжении более 30 лет, до современных исследований рынка труда, карьерных возможностей, высшего образования и его роли, профессиональной занятости, безработицы, оплаты труда, гендерных различий в профессиях. Анализируются актуальные статистические данные на основе сборника «Женщины и мужчины России», издаваемым Росстатом. Выявляется ряд тенденций в области различий мужчин и женщин в профессиональной сфере в отношении особенностей занятости, временных затрат, совмещения труда с заботой о семье и воспитанием детей, определенных маскулинных (мужских) и феминных (женских) отраслей экономики, уровня средней заработной платы по различным сферам и статусу, иерархии и должностных позиций. Делаются выводы о сохранении гендерной асимметрии на рынке труда, горизонтальной и вертикальной сегрегации, разнице в оплате труда.

Ключевые слова: гендер, гендерные исследования, гендерная асимметрия, профессиональная сфера.

Ссылка для цитирования: Воронова К.А. Гендерные различия мужчин и женщин в профессиональной сфере в современной России // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 33–47. EDN QQZODJ

Kseniya A. Voronova,
PhD in Sociology
associate professor of the Department of Sociology
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
voron55555@yandex.ru
Scopus AuthorID: 57201734676
ORCID: 0000-0002-5003-794X
SPIN-код: 3996-2164

GENDER DIFFERENCES IN MEN AND WOMEN IN THE PROFESSIONAL FIELD IN MODERN RUSSIA

The article describes the origin and development of gender studies in modern Russia. The concept of «gender» is considered as «social sex», denoting sociocultural aspects of behavior and interaction between men and women, reflecting social stratification and their position in society. Three levels of gender measurement are defined: gender identity, socialization and social status, archetypes and images in culture. The evolution of the study of gender differences in the world of work in Russia is shown: from one of the first projects «Taganrog», carried out for more than 30 years, to modern studies of the labor market, career opportunities, higher education and its role, professional employment, unemployment, wages, gender differences in professions. Current statistical data is analyzed based on the collection «Women and Men of Russia» published by Rosstat. A number of trends are identified in the field of differences between men and women in the professional sphere in relation to the characteristics of employment, time costs, combining work with caring for the family and raising children, certain masculine (male) and feminine (female) sectors of the economy, the level of average wages in various areas and status, hierarchy and job positions. Conclusions are drawn about the persistence of gender asymmetry in the labor market, horizontal and vertical segregation, and differences in wages.

Keywords: gender, gender studies, gender asymmetry, professional sphere.

For citation: Voronova K.A. [Gender differences in men and women in the professional field in modern Russia]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 33–47 (In Russian), EDN QQZODJ

Развитие гендерных исследований в современной России

Гендерные исследования как самостоятельное направление в гуманитаристике стало активно развиваться в современной России, начиная с конца 80-х и начала 90-х гг. XX века, вслед за социально-политической и экономической трансформацией страны. Импульсом к этому послужила идея создания Государственной программы по улучшению положения женщин и семьи, охраны материнства и детства, порученная Институту социально-экономических проблем народонаселения РАН; при работе над программой ученые пришли к выводу о необходимости внедрения нового направления и понятия «гендер» [1, 2].

Эти инициативы в итоге привели к формированию научной школы гендерных исследований в России, проведению разнообразных проектов и грантов, активизации общественных движений, созданию государственных и некоммерческих структур на федеральном и региональном уровнях, занимающихся вопросами положения мужчин, женщин и детей. За несколько десятилетий существования этого исследовательского русла сформировалась целая плеяда отечественных маститых ученых-гендерологов, например, Н.М. Римашевская, Е.А. Здравомыслова, А.А. Темкина, О.А. Воронина, Т.А. Гурко, И.В. Костикова, И.С. Кле-

цина, И.А. Жеребкина, О.А. Хасбулатова, М.М. Малышева, Е.Ю. Мещеркина. Ими исследуются разнообразные гендерные вопросы труда и занятости, социально-экономического положения, социальной политики и защиты, моделей семейных отношений, социализации, развития правовых норм, здоровья, образовательного процесса, коммуникации, национального сознания, культуры и ценностных ориентаций населения [3, 4]. Были также созданы специализированные центры гендерных исследований (например, в Москве, в Иваново, в гПерми), ежегодно проводятся многочисленные тематические конференции, издаются социологические журналы (например, журнал, включенный в базу данных Scopus, «Женщина в российском обществе» на базе Ивановского государственного университета).

Понятие «гендер» и уровни его измерения

Понятие «гендер» происходит от английского устаревшего слова «пол» и «грамматический род», оно было предложено Робертом Столлером в середине XX века для различения биологических особенностей и социокультурных аспектов поведения и взаимодействия мужчин и женщин [5, с. 7]. Гендер часто кратко обозначают в качестве «социального пола», ставят в один ряд с различными понятиями, отражающими социальную стратификацию, такими как, например, класс, благосостояние, возраст, раса, этническая принадлежность, при этом интересно, что в феминистской парадигме гендер зачастую отождествляется именно с женским положением в обществе в контексте социальной несправедливости и неравенства [6].

Существуют три основных измерения гендера [6]: первое, которое больше соотносится с гендерной психологией, рассматривает вопросы гендерной идентичности, например, осознание себя мужчиной или женщиной, обладающими определенными качествами характера и моделями поведения; второе измерение показывает гендер через призму социологии, уделяя внимание социализации, социальному положению, общественным процессам и институтам; третье измерение выявляет гендерную культуру с ее символами, архетипами, образами в различных этнокультурных средах, а также в искусстве.

От первых до современных социологических исследований гендерных различий в профессиональной сфере в современной России

Еще до оформления гендерных исследований в самостоятельное русло ученые проявляли интерес к проблемам положения мужчины и женщины в обществе, изучение этих вопросов шло рука об руку с развитием социологии в советское время. Одним из уникальных примеров эмпирического «квазилонгитюдного» исследования, включающего данную проблематику, был мониторинг населения в Таганроге (проект «Таганрог»), который проводился под руководством Н.М. Римашевской на базе ИСЭПН РАН со второй половины 1960-х гг. на протяжении более 30 лет до 2000 г., охватывал вопросы семьи, труда, заработной платы, экономического поведения, жилищных условий, возможностей образования, состояния здоровья, социокультурной трансформации населения. Были выявлены очертания гендерной асимметрии в сфере труда и семьи, изменение (эгалитаризация) гендерных отношений, связь здоровья с гендером, феминизация бедности, влияние гендерных стереотипов на разделение ролей в семье и трудовой сферах [7, 8]. Эти многолетние эмпирические исследования подготовили фундамент для развития гендерной социологии и изучения, в том числе сферы труда и профессиональной самореализации.

В настоящее время можно выделить несколько основных направлений социологических исследований гендерных различий в профессиональной сфере в современной России, одним из ключевых является изучение гендерных особенностей рынка труда. Так, в работе Г.Г. Силласте [9] исследуется влияние норм (гендерного порядка) на рынок труда и гендерные ресурсы (способности, знания, навыки), отмечается сдвиг социальной ответственности за получаемую профессию, трудоустройство и труд с социальных институтов к личной ответственности мужчин и женщин, ужесточение гендерных норм в условиях более конкурентной системы рыночных отношений, возрастание рисков сегрегации в этой связи.

О.А. Хасбулатова [10] анализирует динамику карьерных возможностей, отмечая, с одной стороны, возрастание количества руководящих женщин, с другой – преобладание мужчин на руководящих позициях в сфере бизнеса и в органах власти.

Н.Е. Тихонова [11] фиксирует через ряд статистических и социологических данных гендерную асимметрию в профессиональной занятости и системе высшего образования, свидетельствующую о более уязвимом положении женщин. Так, с одной стороны, они чаще получают высшее образование, чем мужчины, причем эта тенденция усиливается; с другой стороны, растет безработица среди имеющих высшее образование, причем, прежде всего, именно среди женщин с высшим образованием. Также происходит феминизация специалистов, занимающих срединные позиции в должностной иерархии; женщины реже удовлетворены работой и условиями труда, чаще сомневаются в возможности обретения достойного рабочего места, имеют в целом более низкую оплату труда, сталкиваются с большими сроками задержки заработной платы, чаще уходят в неформальный сектор экономики с менее социально защищенными позициями [11].

Еще одним направлением является исследование гендерных различий профессий, причем нередко можно встретить работы, посвященные как феминизации определенных отраслей, например, образования, социологии [12] или судейского корпуса [13], требующих в большей степени проявления феминных (женственных) качеств, так и, напротив, посвященные изучению женщин именно в «мужских» профессиональных сферах (IT, инженерная сфера, полиция, ракетно-космическая отрасль, морское дело и т.п.), требующих маскулинных (мужественных) качеств.

Характерно, что в математических, инженерных и естественнонаучных сферах исследователи отмечают преобладание мужчин по этим профилям, начиная с высшего образования: доля обучающихся девушек по математике, компьютерным технологиям, физике варьируется около 25–30% [14]. Девушки и юноши по-разному объясняют уверенность в своих способностях в этих сферах: девушки – постоянством, усидчивостью, усилиями в преодолении сложностей; юноши – природной предрасположенностью и легкостью в обучении. В дальнейшем девушки, получившие техническое образование, готовы трудиться за более низкую зарплату, более скромно оценивают свои шансы на карьерное развитие [15].

К тем же выводам приходит О.В. Вилкова в исследовании фрилансеров в IT-сфере на российских онлайн-биржах заказов [16]: удаленный труд женщин-разработчиков ниже оплачивается, имеет более низкие оценки и рейтинг, сопровождается меньшим количеством проектов и отзывов. При этом любопытно, что женщины редко вступают в споры с заказчиками и не склонны отстаивать свою позицию. Заказчики, характеризуя их преимущества и положительные стороны, ценят проявление феминных качеств, таких как терпеливость, контактность и открытость, детальность, эмпатия и обратная связь, корректность, желание помочь, альтруизм. Мужчины-фрилансеры в IT-сфере отличаются, по мнению заказчиков, минимальными контактами, оперативностью, готовностью взаимодействовать напрямую через личный телефон, большей инициативностью и предложениями по разработке дополнительных задач, что в целом как раз отвечает более маскулинной модели поведения [16].

В исследовании Е.Д. Чеманковой [17] женщин-полицейских был выявлен гендерно-ролевой конфликт, при котором женщинам сложно совмещать маскулинные качества, требуемые их профессией, и феминные качества, требуемые их гендерной принадлежностью; были выявлены две стратегии поведения: «женщина-полицейский» с сохранением женственности, но с трудностями в серьезном восприятии со стороны коллег, и «полицейский-женщина» со строгим поведением, соответствующим нормативным ожиданиям, но с переживаниями по поводу следования не своему гендеру.

Анализ статистических данных по гендерным различиям в профессиональной сфере в современной России

Для выявления актуальных тенденций, связанных с гендерными различиями в профессиональной сфере в современной России, обратимся к анализу статистических данных на основе последнего сборника «Женщины и мужчины России» за 2022 г., выпускаемого Росстатом раз в два года [18]. В качестве основной гипотезы рассмотрим предположение о сохранении гендерной асимметрии на рынке труда.

Анализ статистических данных показывает, что есть различия в занятости мужчин и женщин. Так, **работающих в профессиональной сфере мужчин больше, чем работающих женщин**, например, в 2021 г. занятых мужчин было 67,3%, а женщин – 52,8% (на 14,5% меньше) (см. рис. 1). Это можно объяснить сохранением тренда на выполнение маскулинных социальных ролей среди мужчин и их большей ориентированностью на трудовую занятость, профессиональную самореализацию.

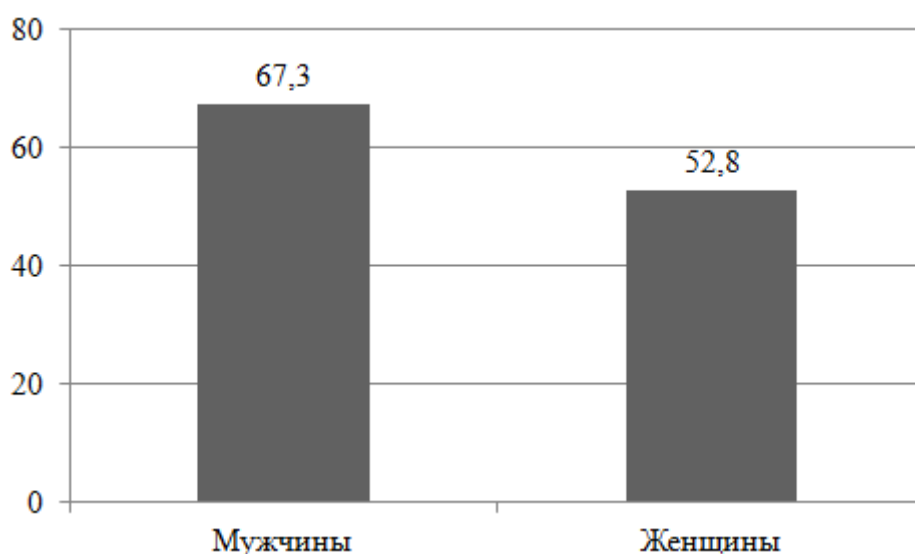

Рис. 1. Занятые мужчины и женщины в 2021 г. в РФ, удельный вес в общей численности населения соответствующего пола (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

Среди не входящих в состав рабочей силы и при этом ведущих домашнее хозяйство отмечается всего 0,4% мужчин и 3,7% женщин (в 9 раз больше) (см. рис. 2), что, в свою очередь, можно объяснить сохранением среди женщин феминных социальных ролей, среди которых особая роль отводится заботе о детях, близких, домохозяйстве. При этом в феминистских исследованиях получило широкое распространение понятие «домашней работы», которую призывают рассматривать в качестве полноценного и достойного признания труда.

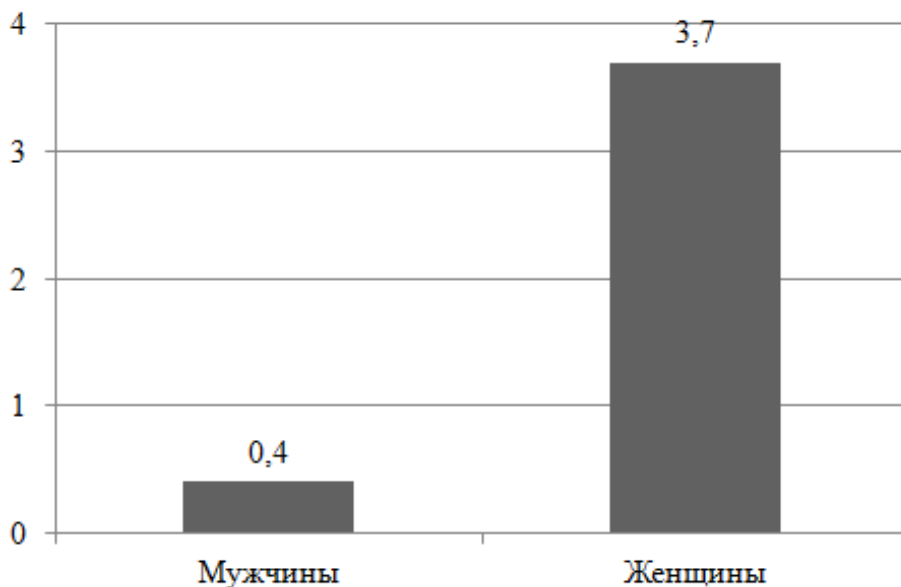

Рис. 2. Мужчины и женщины, ведущие домашнее хозяйство в 2021 г. в РФ, удельный вес в общей численности населения соответствующего пола (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

Если посмотреть данные по занятости мужчин и женщин по различным возрастным группам (см. рис. 3), то мы увидим, что у **мужчин уровень занятости выше во всех возрастных категориях**, при этом **максимальный разрыв с женщинами наблюдается в более молодом возрасте – с 20 до 34 лет, и в более зрелом возрасте – с 55 до 69 лет**. Здесь можно отметить выделяемый учеными специфический «цикл женской карьеры», включающий сложности совмещения работы со сферой семьи и отношений, факторы возраста вступления в брак, экономического положения мужа, его мнения по поводу возможности для женщины «совмещать работу и семью», прерывистость трудовой деятельности в связи с декретными отпусками и уходом за детьми, а также старшими родственниками [19].

Представляет интерес распределение фактически отработанного времени в неделю в часах (см. рис. 4), где мы можем увидеть, что мужчины в сравнении с женщинами в 2 раза реже работают менее 9 часов в неделю (34% против 66%), при этом гораздо чаще работают сверх нормы – от 41 до 50 часов и выше. Т.е. **мужчины несут гораздо бóльшую временную нагрузку в профессиональной сфере**. В этой ситуации важным является профилактика стресса и практика полезного снятия напряжения, своевременная диспансеризация мужчин, приобщение к нормам баланса труда и отдыха. Также важно помнить о «второй смене» или «двойном гендерном контракте» женщин, при котором современным обществом предъявляются нормативные ожидания, что женщина будет одновременно успешна в трудовой сфере и в выполнении домашних обязанностей, воспитании детей, что подразумевает двойную нагрузку. В итоге, и мужчины, и женщины по-своему перегружены, что получило определение как «гендерно-нормативный стресс».

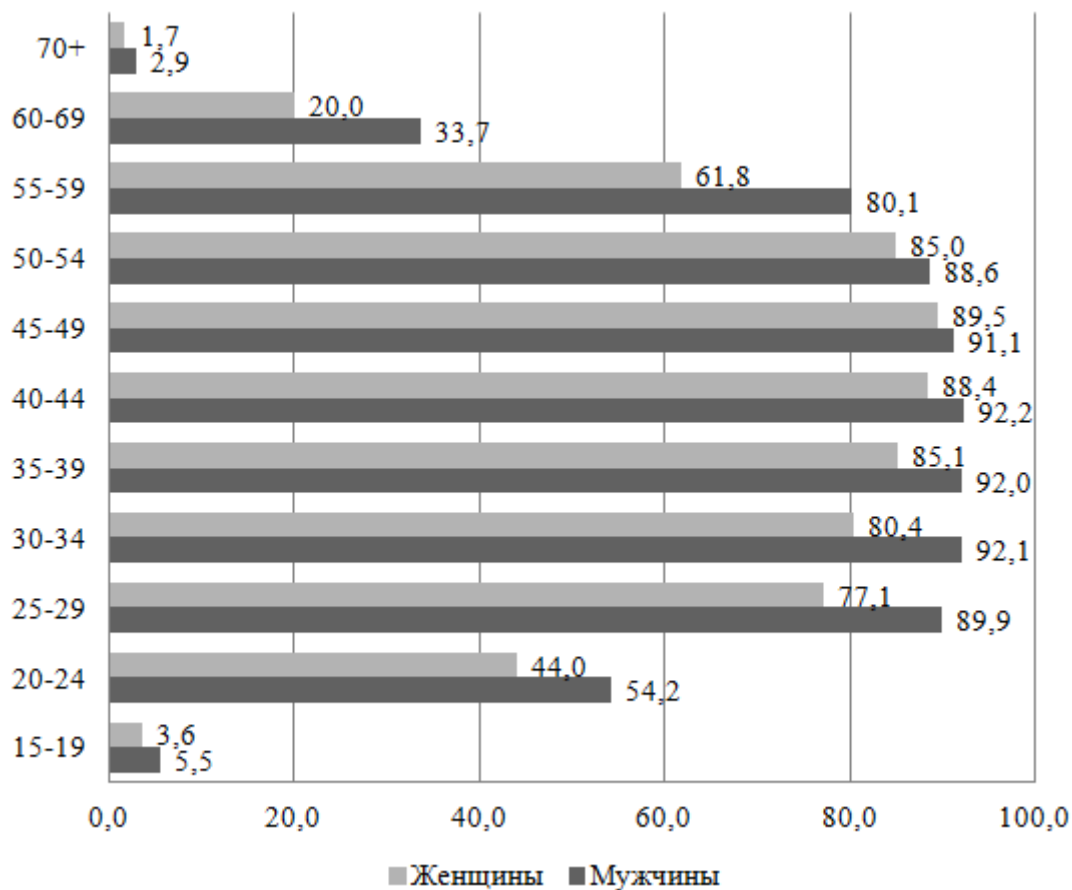

Рис. 3. Уровень занятости мужчин и женщин по возрастным группам в 2021 г. в РФ (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

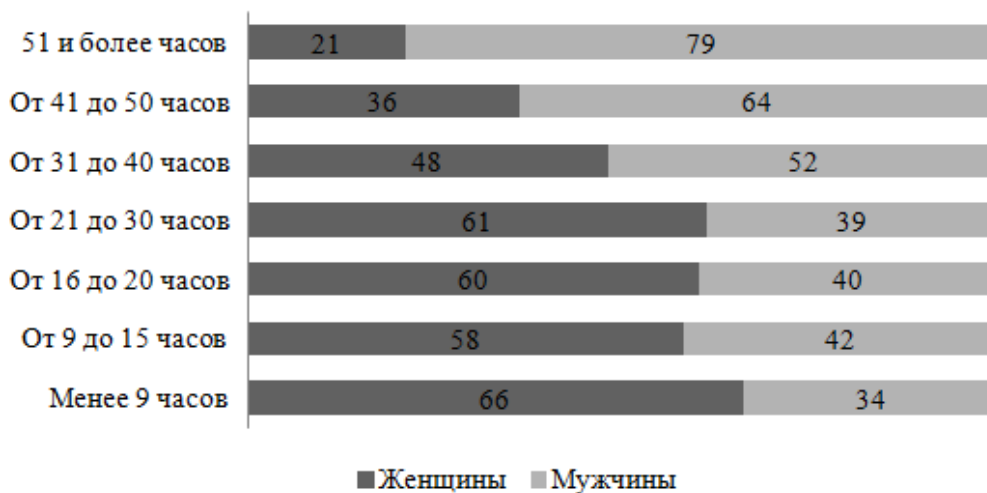

Рис. 4. Распределение занятых мужчин и женщин по количеству фактически отработанного времени в неделю в часах в 2021 г. в РФ (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

Анализируя уровень занятости женщин в возрасте 20–49 лет с несовершеннолетними детьми, мы видим, что **чем больше детей, не достигших 18 лет, тем меньше женщины работают**. Так, с одним ребенком работают 84,6%, с двумя – 77,5%, с тремя – 62,6%, а с четырьмя и более работают меньше половины женщин – 48,7% (см. рис. 5). Это можно объяснить принятием на себя высокой нагрузки по уходу за детьми. В этой ситуации самое главное – это поддержание социальной защищенности женщин и детей, особенно в многодетных семьях, со стороны общественных институтов, а также развитие социально ответственного отцовства.

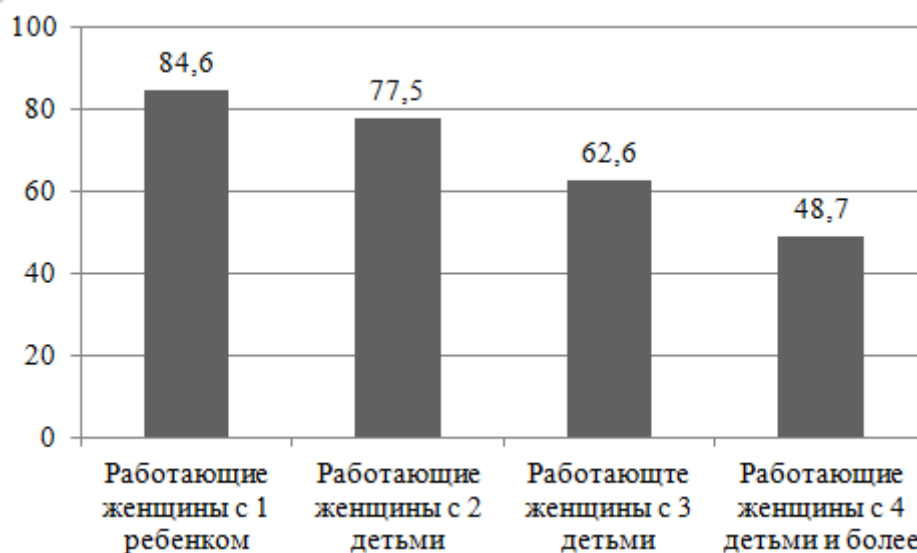

Рис. 5. Уровень занятости женщин в возрасте 20–49 лет по наличию детей до 18 лет в 2021 г. в РФ (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

Сильно выделяется различие в занятости женщин в зависимости от возраста младшего ребенка: **чем младше дети, тем меньше занятость матерей** (см. рис. 6), что связано с более высокой женской нагрузкой в первые годы жизни детей и сложностью совмещения заботы о них с работой в этот период.

Рис. 6. Уровень занятости женщин в возрасте 20–49 лет, имеющих детей до 18 лет, по возрасту младшего ребенка в 2021 г. в РФ (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

Еще одной яркой закономерностью является сохранение горизонтальной профессиональной сегрегации, при которой происходит асимметричное размещение полов в различных отраслях экономики. На рисунках 7 и 8 представлены распределения мужчин и женщин, занятых в «маскулинных» профессиональных сферах, в которых преобладают мужчины, и в «феминных» сферах, где преобладают женщины. **Лидерами «мужских» отраслей являются строительство (88% мужчин) и добыча полезных ископаемых (83% мужчин), которые наряду с информационными технологиями и связью (66% мужчин) относятся к самым высокооплачиваемым секторам экономики в современной России** (см. рис. 7). Помимо преобладания представителей мужского пола, «маскулинные» сферы связаны с более сложными условиями труда, большими рисками, требуют больших физических затрат, выносливости, чаще связаны со сложным оборудованием, производством и промышленностью.

Рис. 7. Распределение занятых мужчин и женщин по «маскулинным» отраслям экономики в 2021 г. в РФ (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

Наиболее «феминными» отраслями экономики являются образование (82% женщин), медицина и социальное обслуживание (80% женщин), гостиничное дело и общепит (73% женщин), бухгалтерия и страхование (68% женщин), культура (66%, статистически считается вместе с более «маскулинным» спортом, поэтому процент женщин в культуре может быть выше), торговля (62%, статистически считается вместе с более «маскулинным» ремонтом транспорта, поэтому процент женщин в торговле может быть выше) (см. рис. 8). Обозначенные сферы сочетаются с «экспрессивной» гендерной ролью женщины, связанной с воспитанием, заботой, лечением, уходом, помощью, экономической и товарной компетентностью. Однако лидеры «феминных» отраслей экономики – образование, здравоохранение и социальное обслуживание – относятся к «бюджетным» сферам, в которых сохраняются многолетние проблемы более низкой оплаты труда, высокой моральной нагрузки и ответственности.

Рис. 8. Распределение занятых мужчин и женщин по «феминным» отраслям экономики в 2021 г. в РФ (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

При анализе средней заработной платы мужчин и женщин в современной России выявляется существенная разница: **оплата мужского труда значительно выше оплаты женского труда**. Так в 2021 г. средняя зарплата мужчин составляла 67 056 руб., а зарплата женщин – 48 594 руб. (на 18 462 руб. меньше) (см. рис. 9).

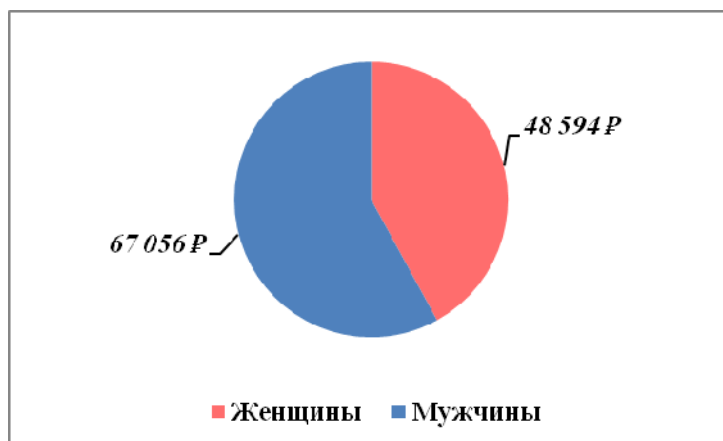

Рис. 9. Средняя начисленная зарплата в 2021 г. в РФ (руб.) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

На первый взгляд, различные доходы в «маскулинных» и «феминных» профессиональных сферах во многом обуславливают эту разницу в заработной плате. Однако, если мы обратимся к данным по средней заработной плате мужчин и женщин в различных сферах, мы увидим еще две тенденции: **1) средняя заработная плата мужчин выше по всем профессиональным сферам; 2) чем выше оплата труда в отрасли экономики, тем больше разрыв в заработной плате мужчин и женщин в ней**. Так, в самой высокооплачиваемой сфере информации и связи средняя зарплата у мужчин – 120 789 руб., а у женщин – 84 946 руб. (что меньше на 35 843 руб.), тогда как в одной из самых низкооплачиваемых сфер – в образовании – средняя зарплата у мужчин – 40 589 руб., а у женщин – 39 815 руб. (что меньше на 774 руб.) (см. рис. 10). Причин этому много, в т.ч. и разные статусные позиции в организациях, мужчины чаще находятся в топ-менеджменте предприятий, им охотнее поручают более сложные и проблемные задачи, которые выше стимулируются дополнительными выплатами. Определенный вклад вносит и гендерная установка у руководителей и вообще в социальной среде, что мужчины прежде всего выполняют гендерную роль кормильца семьи, поэтому претендуют на более высокие заработки и воспринимаются как достойные большего материального поощрения.

Рис. 10. Средняя начисленная зарплата мужчин и женщин по разным отраслям за 2021 г. в РФ (руб.) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

Похожий эффект наблюдается в средней заработной плате по различным категориям работников: **чем выше должностной уровень работника, тем больше разрыв в оплате труда мужчин и женщин.** Так, в 2021 г. средняя зарплата рабочего-мужчины составляла 50 494 руб., а женщины – 32 376 руб. (на 18 118 руб. меньше), тогда как средняя зарплата мужчины на руководящих позициях составляла 127 787 руб., а женщины – 89 852 руб. (на 37 935 руб. меньше), т.е. разрыв на уровне верхнего звена в 2 раза больше самого нижнего (см. рис. 11).

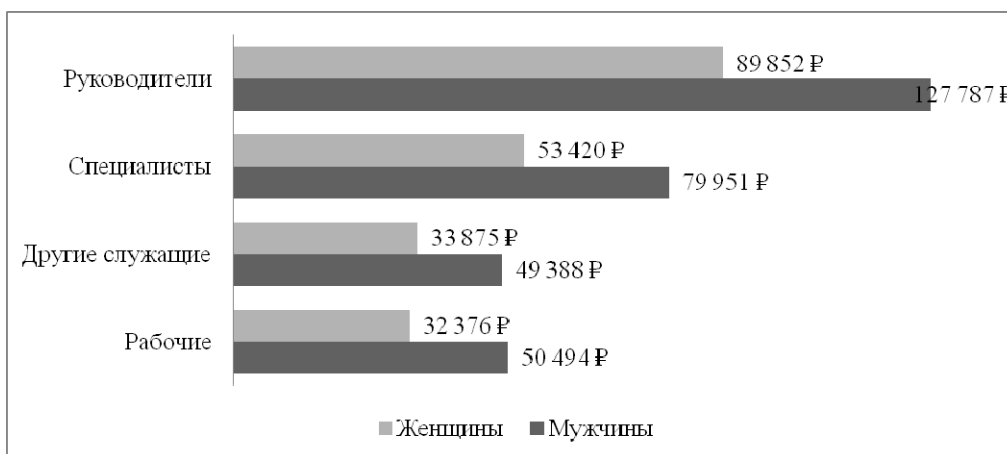

Рис. 11. Средняя начисленная зарплата по категориям работников в 2021 г. в РФ (руб.) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

В должностной структуре распределение мужчин и женщин тоже имеет свои особенности. Мужчины в большей степени концентрируются вверху и внизу иерархии, чаще связаны с производственными должностями, требующими среднего профессионального образования, а женщины больше находятся на среднем уровне, чаще занимают должности, требующие высшего образования (см. рис. 12). Интересно, что статистические данные по должностям в сборнике «Женщины и мужчины России» составляются на основе Общероссийского классификатора занятий, в котором выделяются «руководители» в общем. По этой позиции распределение мужчин и женщин не сильно отличается (54% руководителей-мужчин и 46% руководителей-женщин). Однако важно понимать, что и руководители ранжируются: например, мужчины чаще оказываются на самых высоких руководящих постах, а женщины выполняют роль руководителей среднего звена (начальников отделов и т.п.).

Рис. 12. Распределение занятых мужчин и женщин по группам занятий в 2021 г. в РФ (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

ужчин и женщин по группам занятий в 2021 г. в РФ (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

В дополнение к вышесказанному можно рассмотреть распределение мужчин и женщин среди работодателей, где женщин почти в два раза меньше (31% женщин, 69% мужчин)

(см. рис. 13). Это свидетельствует о более активной жизненной позиции мужчин, готовности участвовать в найме других людей и принимать ответственные решения. Однако это также косвенно говорит о сохранении сложившейся вертикальной сегрегации.

Пример явной вертикальной сегрегации можно увидеть в сфере образования, в которой больше всего преобладают женщины, что мы видели выше (см. рис. 8). Но если мы посмотрим распределение мужчин и женщин по научным степеням за 2000 и 2021 годы в сравнении друг с другом, мы увидим несколько тенденций: больше всего разрыв по докторам наук, причем среди мужчин их существенно больше и в 2000 (81%), и в 2021 г. (72%), кандидатов наук среди мужчин также больше (66% в 2000, 57% в 2021 г.), хотя разрыв с женщинами уже мягче (см. рис. 14).

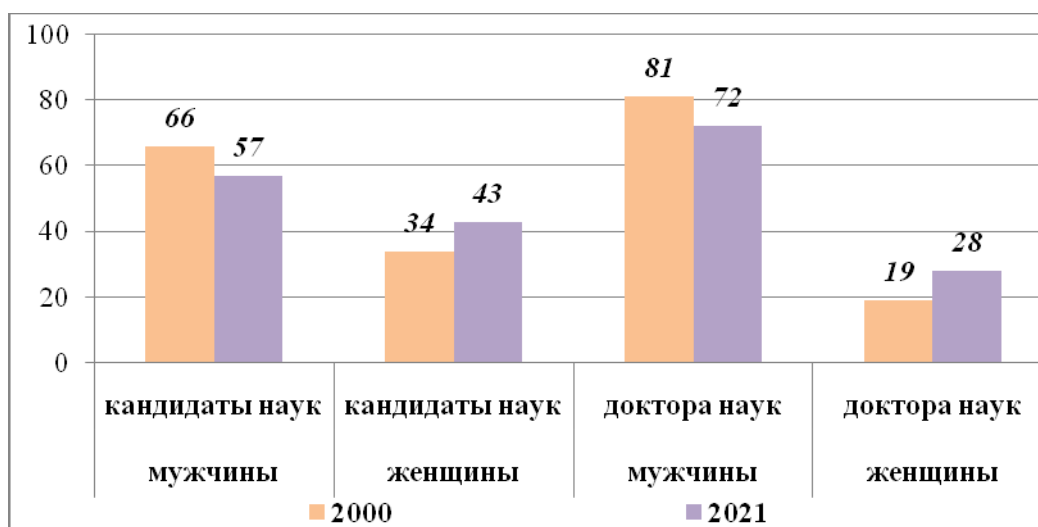

Рис. 14. Распределение по научным степеням в 2000 и в 2021 г. в РФ (%) (по данным стат. сб. «Женщины и мужчины России» за 2022 г.)

Мы видим здесь пример действия двух эффектов: «стеклянного потолка» для женщин, подразумевающего отсутствие формальных барьеров, но присутствие незримых ограничений, останавливающих продвижение по карьере; а также обратного феномена – «стеклянного лифта» для мужчин, когда в «феминной» сфере наиболее быстро и легко продвигаются к верхним статусным позициям представители мужского пола. При этом видна динамика, что за 21 год число женщин со степенями начинает увеличиваться. Однако спорный вопрос, насколько это положительная тенденция, т.к. происходит феминизация сферы образования, заработная плата в ней уступает другим сферам, «вымывание» мужчин из отрасли может косвенно свидетельствовать о снижении ее престижности.

Выводы

Таким образом, гендерные исследования в современной России продолжают активно развиваться. Одной из важнейших предметных областей является профессиональная сфера, в которой исследуются особенности рынка труда, гендерные нормы и ресурсы, карьерные возможности, гендерная асимметрия занятости, структура безработицы, условия и оплата труда, неформальный сектор экономики, «мужские» и «женские» профессии.

На основе анализа статистических данных мы выявили ряд тенденций, связанных с гендерными различиями в профессиональной сфере в современной России. Профессиональная сфера с точки зрения традиционных гендерных ролей является в большей степени мужской зоной активности и ответственности. Среди мужчин, в целом, больше занятых трудом, уровень занятости у них выше, чем у женщин, по всем возрастным группам, особенно это заметно среди тех, кому 20–34 и 55–69 лет. Среди мужчин больше лиц с высокими нагрузками, работающими свыше 40–50 часов в неделю.

Нами была выявлена гендерная асимметрия на рынке труда как на горизонтальном уровне (сферы деятельности), так и на вертикальном уровне (статусные позиции). Так, «маскулинными» сферами, в которых преобладают мужчины, являются строительство, добыча полезных ископаемых, транспортировка и хранение, электро- и водоснабжение, охота и рыболовство, сельское и лесное хозяйство, информационные технологии и связь, обрабатывающие производства. Они же являются и более высокооплачиваемыми.

В среднем заработная плата мужчин выше по всем отраслям экономики, причем чем выше размер средней оплаты труда в секторе, тем больше разрыв в суммах с женщинами. Мужчины чаще занимают руководящие позиции и являются работодателями, но при этом их также больше среди рабочих более низкой квалификации. Для мужчин в «феминных» сферах действует эффект «стеклянного лифта», который позволяет им быстрее продвигаться по карьерной лестнице, чем подавляющему большинству женщин вокруг.

Для женщин более характерна семейная сфера как зона самореализации и ответственности. Среди них больше тех, кто ведет домашнее хозяйство, работает меньше 30 часов в неделю. Меньше всего занятость у женщин в возрастных группах 20–34 и 55–69 лет, что связано с большим участием в заботе о детях, внуках, более ранним возрастом окончания трудовой деятельности. Количество и возраст детей влияют на занятость женщин: чем младше ребенок и чем больше несовершеннолетних детей, тем меньше женщина работает.

К «феминным» отраслям экономики относятся образование, медицина, социальное обслуживание, гостиничное дело, система питания, финансы и страхование, культура и досуг, торговля. Во всех сферах, в том числе и в тех, где преобладают женщины, средняя заработная плата ниже по сравнению с мужчинами. Наибольший разрыв заметен в информационных технологиях, добыче полезных ископаемых, культуре, досуге и спорте, в сферах гостиниц и общепита, а также торговли и ремонта транспорта. Т.е. была выявлена тенденция сохранения экономического неравенства, которая создает риски, в первую очередь, для неполных семей с несколькими детьми, не достигшими совершеннолетнего возраста.

Женщины чаще занимают средние должностные позиции, требующие высшего образования, и для них работает эффект «стеклянного потолка», который при отсутствии явных формальных ограничений не пропускает развиваться вверх по карьерной лестнице.

И для мужчин, и для женщин важной является профилактика гендерно-ролевого стресса в связи с нормативной перегрузкой, которая проявляется специфично для каждого пола. Мужчины склонны к сверхнагрузкам в профессиональной сфере, находясь в более тяжелых условиях труда. Женщины зачастую выполняют «двойной гендерный контракт», пытаясь успеть реализоваться как в трудовой среде, так и в семейно-бытовой сфере на одинаково высоком уровне. Для мужчин значимыми являются защита здоровья и адекватное снятие напряжения. Женщинам в условиях меньших финансовых возможностей (при этом в неполных семьях – больших расходов) важна социальная защита со стороны государства и социально-ответственная позиция их супругов и отцов детей.

Библиографический список

1. Московский центр гендерных исследований (МЦГИ). URL: <http://www.owl.ru/win/women/aiwo/mcgi.htm> (дата обращения: 14.06.2024).
2. *Калабихина И.Е., Ребрей С.М.* Вклад Н.М. Римашиевской в развитие гендерных экономических исследований // *Народонаселение*. 2022. Т. 25, № 2. С. 128–141. DOI: <https://doi.org/10.19181/population.2022.25.2.11>.
3. *Хасбулатова О.А.* Гендерным исследованиям в системе высшего образования России – десять лет // *Женщина в российском обществе*. 2001. № 1-2. С. 2–14.
4. *Штылева Л.* Институционализация гендерного подхода // *Высшее образование в России*. 2004. № 10. С. 142–146.
5. *Воронина О.А.* Конструирование и деконструкция гендера в современном гуманитарном знании // *Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология*. 2019. № 1. С. 5–16.
6. *Гурко Т.А.* Социология пола и гендерных отношений // *Социология в России* / под ред. В.А. Ядова. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Издательство Института социологии РАН, 1998. Глава 8. С. 173–195.
8. *Римашиевская Н.М.* 50 лет в науке: направления исследований и основные результаты // *Народонаселение*. 2009. № 2. С. 5–24.
7. *Римашиевская Н.М., Маркова Н.Е., Крошилин С.В.* Методология комплексного мониторинга населения в Таганроге // *Народонаселение*. 2013. № 4. С. 73–86.
9. *Силласте Г.Г.* Рынок труда, занятости и профессий как экономическое пространство формирования нового гендерного порядка // *Женщина в российском обществе*. 2020. С. 38–51. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2020.2.4>.
10. *Хасбулатова О.А.* Гендерный подход как технология повышения эффективности кадровой политики // *Женщина в российском обществе*. 2014. № 4. С. 3–10.
11. *Тихонова Н.Е.* Специалисты в современной России: социально-демографические особенности состава и ключевые проблемы // *Социологический журнал*. 2020. Т. 26, № 3. С. 64–89. DOI: <https://doi.org/10.19181/socjour.2020.26.3.7396>.
12. *Силласте Г.Г.* Наука как сфера самореализации женщин и социогендерный потенциал ее развития // *Женщина в российском обществе*. 2021. № 4. С. 3–17. DOI: <https://doi.org/10.21064/WinRS.2021.4.1>.
13. *Иванова Е.А.* Гендерный дисбаланс в российском судебном корпусе: феминизация профессии // *Журнал исследований социальной политики*. 2015. Т. 13, № 4. С. 579–594.
14. *Малошенок Н.Г., Щеглова И.А.* Роль гендерных стереотипов в отсеве студентов инженерно-технического профиля // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 2. С. 273–292. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.2.945>.
15. *Лебедева Н.В., Вилкова К.А.* Почему девушки не выбирают STEM: гендерные различия в мотивационных ориентирах // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2022. № 3. С. 115–135. [https:// DOI: doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923](https://doi.org/10.14515/monitoring.2022.3.1923).
16. *Вилкова О.В.* Гендер как дискриминирующий признак профессиональной успешности российских фрилансеров-разработчиков // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 5. С. 490–516. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.5.1608>.
17. *Чеманкова Е.Д.* Создание гендера женщинами-полицейскими // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019. № 6. С. 437–451. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.6.21>.
18. Росстат. Женщины и мужчины России. 2022: Стат. сб. М., 2022. 208 с.
19. *Ильин Е.П.* Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. СПб.: Питер, 2007. 544 с.

УДК 316.7

EDN RAPAPI

Ярушина Ксения Андреевна,
независимый исследователь
г. Москва
z1_ks@mail.ru
SPIN-код: 7357-1597

«ХОРОШАЯ ЖЕНА – ТРУДОВИК»: ИССЛЕДОВАНИЕ СОВРЕМЕННОЙ ПАТРИАРХАЛЬНОЙ ГОРОДСКОЙ СЕМЬИ

В статье представлено детальное описание патриархальной модели современных отношений, обнаруженной в ходе исследования брачных практик жителей крупного индустриального города. Исследование проводилось в 2018–2020 годах посредством полуструктурированного интервью и кейс-стади. Представленный в статье кейс иллюстрирует одну из возможных вариаций патриархальной молодой семьи. Повествование в статье строится на основе нарратива – материалы интервью реконструируют отношения партнеров, а также демонстрируют механику распределения гендерных ролей. Мужчина занимает ведущую роль в отношениях, он представляется финансово обеспеченным, рациональным и заботливым. Он старше женщины, а также обладает более высокими статусными характеристиками. Женщина склонна к творчеству и эмоциональности, она может быть инициативной и предприимчивой, но не склонной к доминированию в отношениях. Женщина провоцирует родительские чувства и демонстрирует готовность находиться в финансовой зависимости от мужчины. В ходе анализа выявлено влияние родственников мужчины на развитие отношений. Они оказывали эмоциональное давление на мужчину из-за отсутствия брачных отношений, способствовали сближению пары и участвовали в планировании свадьбы. Анализ нарратива подтверждает гипотезу работы: патриархальные отношения могут существовать в современном обществе при наличии у партнеров схожих культурных установок и представлений о гендерных ролях.

Ключевые слова: современная семья, патриархальность, городская культура, интервью, брачная стратегия, гендерные роли.

Ссылка для цитирования: Ярушина К.А. «Хорошая жена – трудовик»: исследование современной патриархальной городской семьи // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 48–56. EDN RAPAPI

Ksenia A. Yarushina,
independent researcher
Moscow
zl_ks@mail.ru
SPIN-код: 7357-1597

“GOOD WIFE IS A HANDICRAFTS TEACHER”: RESEARCH OF THE MODERN URBAN PATRIARCHAL FAMILY

The article presents a detailed description of the patriarchal model of modern relations. It was discovered during a research of the marriage practices people from large industrial city. The research was carried out for 2018 – 2020 with semi-formal interviews and case studies. The case presented in the article illustrates one of the possible variations of a patriarchal young family. The article is based on a narrative of the materials interview. It reconstructs the relationships of partners and demonstrate the mechanics of the gender roles distribution. A man takes a leading role in a relationship, he is financially secure, rational and caring. He is older then a woman and also, he has higher status characteristics. The woman is emotional and engaged in creative work. She can be proactive and enterprising, but she doesn't dominate the relationship. The woman provokes parental feelings and demonstrates a willingness to be financially dependent on the man. The analysis of the interview materials revealed the influence of the man's relatives on the relationship's development. They put emotional pressure on the man because he didn't have marital relations. Also, they helped the couple to start a relationship and take part in wedding planning. The analysis of the narrative confirms the work's hypothesis: patriarchal relationships can be found in modern society if the partners have similar cultural attitudes and perceptions of gender roles.

Keywords: modern family, patriarchy, urban culture, interview, marriage strategy, gender roles.

For citation: Yarushina K.A. [“Good wife is a handicrafts teacher”: research of the modern urban patriarchal family]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 48–56 (In Russian), EDN RAPAPI

Статья продолжает исследование современного патриархального типа отношений, обнаруженного в брачных практиках молодых пермских семей [1]. Напомним, что патриархальная домашняя община является переходной ступенью от семьи, возникшей из группового брака и основанной на материнском праве, к индивидуальной семье современного мира [2]. Патриархальный тип семьи превалирует в традиционном обществе и характерен для сельских общин, где каждое домохозяйство состоит из многопоколенной семьи, проживающей под одной крышей. Такая семья основывается на патриархальном идеале: мужчина занимает главенствующее положение; обязанности разделяются по гендерному и возрастному принципам; члены семьи религиозны [3]. Для семьи также характерна преемственность между поколениями, которая отражается в выборе профессии, ведении домашней хозяйственной деятельности, культурных и традиционных установках, в образе жизни в целом [4, с. 266].

Отметим, что еще в исследовании С.И. Голода показано, что на территории бывшего Советского союза можно встретить модернизированный вариант традиционной семьи, который характеризуется сватовством в добрачных практиках, патрилинейностью, сосредоточением экономических ресурсов в руках мужа и его главенством в принятии решений [5, с. 110–112]. Перечисленные характеристики, на наш взгляд, представляют собой «рамку», схематично показывающую современную патриархальную семью. Но остается не до конца исследованным ряд аспектов этого понятия, обозначим их в качестве следующих вопросов.

Почему молодежь выбирает патриархальный тип отношений? Как он реализуется в условиях городской повседневности? Каковы социально-культурные основания современной патриархальной семьи?

Сформировав таким образом проблемное поле, обратимся к антропологическому анализу одного из возможных вариантов современной патриархальной семьи, обнаруженному в крупном индустриальном городе. В качестве методологической основы работы используем утверждение Т.Н. Каменевой: «семейно-брачные отношения, статусы и роли индивидов интерпретируются и конструируются в зависимости от их социальной и культурной идентификации, а семья создается как результат взаимной договоренности (конвенции) непосредственно между ее членами или акторами на брачном рынке» [6, с. 13]. Гипотезой работы будет являться предположение о том, что партнеры, находясь в добрачных отношениях, одновременно выбрали патриархальную модель семьи в качестве оптимально подходящей, т.е. отвечающей индивидуальным социокультурным представлениям о будущей гендерной роли супруга. Мы предполагаем, что патриархальный тип отношений выбирается партнерами, обладающими схожими культурными установками и представлениями о гендерных ролях друг друга.

Исследовательская основа работы

Основой статьи являются материалы полевого исследования брачных практик молодых семей. В качестве молодой семьи понимается семейная пара (возраст партнеров не превышает 30 лет), проживающая в зарегистрированном браке до 3 лет. Исследование проводилось в течение 2018–2020 гг. на территории г. Перми. Основным методом исследования был выбран метод полужурналистского интервью, позволяющий получить подробную неформальную информацию по предмету исследования. При этом важной особенностью интервью является понимание жизненного опыта информанта с точки зрения того, как он был пережит индивидом, т.е. это не прямое отражение объективных событий, а субъективное конструирование реальности жизни информанта в том виде, в котором он ее видит на момент интервью [7, с. 23].

Гайд интервью состоял из 3-х последовательных блоков вопросов, посвященных свадебному торжеству, подготовке к нему и отношениям пары. Подобная инверсия обусловлена стремлением исследователя расположить информанта к доверительной и открытой беседе, построенной по принципу «от простого к сложному». Свадебное торжество является ярким событием, о котором, как правило, легко и приятно рассказывать. Подготовка к свадебному торжеству выступает полем распределения сфер влияния информантов, где также выявляются зоны ответственности партнеров. Отношения пары представляют собой обсуждение ключевых практик, предшествующих подготовке к свадьбе: знакомство, ухаживание, начало совместной жизни и предложение «руки и сердца». Именно этот информационный блок, на наш взгляд, раскрывает генезис основных культурных норм, соответствующих модели отношений пары, а также механику распределения гендерных ролей. Об этом также пишет Я.В. Артамонова: «молодые супруги, связывая себя узами брака, находятся на начальном этапе формирования жизненного пути семьи, в рамках которого происходит стремление выработать совместные жизненные стратегии, создать свой уникальный жизненный мир» [8, с. 78].

В ходе интервьюирования была получена подробная информация о брачных практиках 13 молодых семей. Дополнительным исследовательским инструментом был выбран метод кейсов. Объектом кейс-стади стала повседневная жизнь людей со всеми бытовыми конфликтами, интеракциями, устоявшимися моделями поведения и связанными с ними мировоззренческими установками, при этом обращение к эмпирическому материалу позволяет генерализировать повседневный опыт людей и вписывать индивидуальное сознание в систему общественных ценностей [9, с. 197].

Несмотря на уникальность истории каждой молодой семьи, в их нарративах удалось обнаружить схожие практики и модели поведения. Поэтому использование тактики кейс-

стади дало возможность не только объяснить определенный процесс брачного выбора и реализации брачных практик, но и, основываясь на интенсивном и детальном анализе отдельных кейсов, сравнить их друг с другом [10].

По словам С.А. Белановского, «изучение массовых социальных явлений обычно состоит в выявлении и классификации релевантных высказываний по определенному кругу вопросов» [11, с. 73]. На основе полученных данных о брачных практиках молодых семей (а также их смысловом наполнении) была разработана типология брачных стратегий.

Статья фокусируется на анализе кейса № 9, который иллюстрирует один из возможных вариантов современной патриархальной семьи. Основные данные об информантах: мужчина (далее – А.) 1992 г.р., образование – высшее, профессия – технолог на химическом производстве; женщина (далее – Л.) 1996 г.р., образование – высшее, самозанятая; дата проведения свадьбы – 04.08.2018. Даты проведения интервью: Л. – 24.07.2019; А. – 19.09.2019. Далее повествование будет строиться в виде нарратива – реконструкции из высказываний информантов основных этапов отношений пары: знакомства, развития отношений, предложения «руки и сердца» и подготовки к свадьбе.

Знакомство и развитие отношений

Первая встреча информантов состоялась еще в детском возрасте. А. вспоминает: *«Ей было 4, мне было 8 или 9. Наши мамы – школьные подруги, мы на тот момент приезжали к ним в гости»*. Женщина раскрывает дополнительный аспект взаимоотношения родителей: *«Его мама – моя крестная. Мы виделись когда-то в глубоком детстве <...> у нас мамы вместе учились <...> Моя мама – его крестная»*. В детском и подростковом возрасте А. и Л. не общались друг с другом (за исключением моментов родительских встреч – *«в подростковом возрасте виделись, мы в гости приезжали»*), начало общения произошло при следующих обстоятельствах: *«Я ничего не знал о ее существовании, пока она не поступила в Пермь. Она начала учиться в Перми, периодически общалась с мамой, меня забрали в армию. Она пришла меня провожать»*. Отметим, что до встречи на проводах в армию герои встречались в доме семьи Л.: *«...мы виделись в 2016 году, у нас в гостях, они (имеется в виду А. и его мать – примечание автора) в гости приехали, а потом он ушел в армию»*. Таким образом, знакомство пары тяготеет к образцу традиционной культуры – оно было осуществлено благодаря дружескому общению родителей. Мы наблюдаем проверенную временем дружбу, одним из оснований которой является религиозный подтекст (крещение детей). Интересно и то, что мать вместе с сыном неоднократно посещала дом будущей невестки, а также поддерживала с ней отношения. *«Моя бабушка еще, когда Л. пришла провожать в армию, говорила: Л. – девушка А.? Мама говорит: нет, а что? Она такая: мне Л. очень понравилась, я хочу, чтобы они были вместе»* – поделился воспоминаниями А. Высказывание бабушки демонстрирует одобрение Л. как возможного члена семьи.

Общение информантов началось в социальных сетях. Л. вспоминает: *«Он ушел в армию, а я поехала в лагерь, там не очень хороший период жизни был, он меня поддерживал. Мы друг другу писали»*. Между тем А. называет Л. инициатором общения: *«Меня забрали в армию, где-то через полгода, чуть подольше, когда началась сессия, она начала мне периодически писать»*. Мы склонны полагать, что первичный интерес к общению все-таки исходил от женщины. Это объясняет ее присутствие на проводах в армию – практике прощания военнообязанного с членами референтной группы. Подчеркнем, что на тот момент информанты не общались друг с другом.

После возвращения А. из армии общение продолжилось:

«Он попросил меня документы забрать, ну я забрала их и сказала, что у него должок – он должен покатать меня по ночному городу <...> ну, встречались, общались, гуляли...»

Мужчина также лаконично, без романтизации описывает начало отношений: *«Я просил ее документы забрать, параллельно ходили гулять, как такового первого свидания не было, как-то так, само...»*.

Оба информанта приписывают мужчине инициативу в принятии решения о совместном проживании: «... Мне пришла эта идея. Она параллельно жила и в общежитии, и у меня <...> переехали, и точка, все». «Это было его решение <...>», – добавляет Л. Однако наряду с этим выявляются факторы, в том числе оказавшие влияние на данное решение: «У меня было холодно, я просто к нему приезжала переночевать. И потом мне было очень в общежитии холодно спать, а потом я у него и осталась». Таким образом, условия проживания в студенческом общежитии, а также предприимчивость женщины – «я у него и осталась» – в совокупности способствовали к переходу на новый этап отношений.

Предложение и решение о проведении свадебного торжества

«За 2 недели до 14 февраля я заказал столик в трамвай-кафе, заранее договорился, что спрячу букет у них. Съездил за ней, она не знала, куда я ее повезу <...> я ее возил окольными путями, чтобы она не догадалась <...> В итоге мы туда приехали, я заранее заказал, что нам нужно <...> в один момент я за барной стойкой достал букет и пришел к ней с букетом» – так А. описывает ситуацию предложения «руки и сердца». Мужчина стремится создать романтическую атмосферу, заранее организует вечер-сюрприз 14 февраля – согласно культурным стереотипам – «день всех влюбленных». Однако обратим внимание на использование словосочетаний: «съездил за ней», «ее повезу», «заранее заказал, что нам нужно». Они демонстрируют объективацию женщины, все активные действия приписываются мужчине, за ним даже закрепляется решение о выборе меню. Подобную риторику использует женщина для описания встречи: «Я сидела в общежитии, это был день влюбленных <...> Он сказал, чтобы я в общежитии его ждала в день предложения, жди в общежитии, я после работы заеду». Уточним, что к этому моменту Л. переехала в квартиру А., в студенческом общежитии она уже не проживала. Выражения «я сидела» и «он сказал, чтобы я ждала» подтверждают тезис о готовности женщины занимать пассивную сторону в отношениях.

Обсуждая концепцию будущего свадебного торжества, оба информанта подчеркивают эмоциональное давление родственников на мужчину:

«Идея большого праздника была изначально, потому что родственники очень давно жаждали свадьбы <...> не только мои родители, вообще все мои родственники ждали, потому что я среди всех моих братьев и сестер самый последний, кто остался»;

«Мне кажется, у него долг перед родственниками, что единственный сын, который может продолжить род <...> ему уже 27 исполнилось, давно все ждали, когда свадьба».

Свадебное торжество позволило мужчине публично предъявить новый социальный статус, наличие которого является важным для его родственников. Мы предполагаем, что тема вступления в брак была болезненной, поскольку А. воспринимал себя «отстающим» на фоне братьев и сестер, которые создали собственные семьи. Возможно, поэтому он рефлексирует о сделанном предложении следующим образом: «Мысли стали приходить, понимаешь, что пора, надо <...> я просто понимал, что уже надо».

Подготовка к свадебному торжеству

Этап характеризуется ведущей «мужской» ролью, которая проявляется в решении различных организационных вопросов, возникающих в процессе подготовки свадебного торжества.

«Мое разграничение – финансирование всего этого, поиск ведущего, поиск ресторана, выстроить меню, выстроить последовательность, организацию <...> Изначально мы рассчитывали на бюджет свадьбы 300 тысяч, я расценивал ту сумму, которую смогу поднять, успею заработать».

Ведущая роль мужчины была подкреплена финансовым ресурсом, который, возможно, оказал влияние на его вовлеченность в различные процессы. Например, выбор банкетного меню («Мы сидим, обговариваем меню <...> и я думаю: салат, горячее, закусочка, что-то маловато <...> давай еще туда закажем канапешечки, мини- гамбургеры...») или выбор места покупки обручальных колец («Я была на учебе, А. ходил, смотрел, где будет выгоднее брать»).

Примечательно, что мужчина начал готовиться к свадьбе еще до получения согласия от будущей супруги. А. вспоминает, что он *«закупил на свадьбу водки заранее <...> еще за неделю или две того, как предложение сделал <...> мы понимали, что на свадьбу уйдет немаленькая сумма денег, ну я это понимал изначально, поэтому по мере возможности по финансам заранее покупал»*. Обратим внимание на использование местоимений: произнося «мы», информант подразумевает «я». Этот прием не только нивелирует разницу в ресурсах, используемых партнерами при подготовке к свадебному торжеству, но и демонстрирует культурный стереотип об едином мнении пары (в дальнейшем – совместно совершаемых действиях). Аналогичный прием наблюдается в высказывании женщины: *«Первое, что мы сделали, это купили водку, как раз после нового года мы купили»*.

Вклад женщины в подготовку свадебного торжества можно охарактеризовать фразой Л. – *«Я по женским штучкам»* (героиня занималась выбором торта, договаривалась с фотографом, делала браслеты для подружек невесты, выбирала подарки для гостей). А. дополняет зону ответственности супруги: *«За оформление отвечала только Л.: арка для выездной регистрации, приглашительные, оформление рассадки гостей <...> сама делала ростовые розы, задекорировала бокалы свадебные»*.

Мы наблюдаем у информантов четкое разделение на «мужские» и «женские» обязанности. «Мужские» обязанности связаны с решением финансовых вопросов, а также выбором ключевых элементов торжества (место проведения, банкетное меню, выбор ведущего). «Женские» обязанности совершенно иные, они связаны больше с созданием «атмосферы» торжества. Если перевести их в финансовый эквивалент, то окажется, что они менее затратные по сравнению с «мужскими».

При анализе материалов интервью были выявлены сюжеты, упущенные одним из партнеров. Так, женщина рассказала о деньгах, взятых в долг для проведения свадебного торжества: *«А. заранее уже копил, и потом мы брали еще 100 тысяч в долг <...> чтобы потом их вернуть, мы просили деньгами дарить»*. Ввиду сосредоточения капитала в руках мужчины высказывание подлежит дешифровке – замене «мы» на А. Мужчина не говорит об этом, поскольку факт одалживания денег нарушает конструируемый им образ финансово обеспеченного человека. Другой сюжет связан со свадебным костюмом мужчины – *«самой больной темой»* Л.

«Я не видела его костюма. Спрашиваю: ты костюм купил? Говорит – да. Мы фиксировали все, чтобы знать, сколько ушло. Он говорит: мы уже купили костюм с мамой <...> записал, что он якобы купил костюм <...> Мне этот костюм не понравился вообще <...> это был костюм с выпускного, он мне так настроение испортил <...> я этот костюм ему весь год вспоминала».

Сфокусируемся не столько на негативных женских отзывах, сколько на факте того, что мужчина преднамеренно утаил достоверную информацию о костюме. Это подчеркивает не только его владение финансовым ресурсом, но и готовность самостоятельно принимать решения о распределении финансов. Отметим, что для мужчины костюм скорее всего не является аттрактором, он не наделяется особыми смыслами по причине его утилитарности: *«Он у меня уже был <...> я до свадьбы одевал этот костюм один раз на выпускной»*.

Рассмотрим далее участие мужчины в покупке атрибутов невесты, а точнее – белья для тематической фотосессии.

«Она хотела “утро невесты” сделать, такое, в нижнем белье с полупрозрачным халатиком. Халатик я с ней не выбирал, потому что, ну не знаю <...> мы с ней ходили и покупали, непосредственно, нижнее белье <...> Было одно условие: снимки с фотосессии в халатике и прозрачном белье не окажутся в социальных сетях, либо будут, но не компрометирующие, т.е. где не будет видно нижнего белья».

Мы видим установление мужчиной правил касательно результатов фотосессии: снимки жены в нижнем белье предназначаются для частного просмотра, они не должны быть

размещены в публичном пространстве. Одновременно с этим запрет демонстрирует символическое право мужчины распоряжаться фотографиями (на самом же деле – телом супруги).

Родители будущих супругов внесли определенный вклад в организацию свадебного торжества. Они давали общие рекомендации («К большинству советов прислушивались, но не все исполняли <...> мама А. работает начальником или кем-то там по культуре и спорту, в этом что-то понимает»), инициировали проведение выкупа невесты («А. сначала не хотел, но у него мама сказала, что все через это проходят <...> родители такие: надо-надо»), заказали на свадебное торжество шоколадный фонтан («Мы его не заказывали. Это был подарок от моих родителей. Он работал 2–3 часа, трехуровневый фонтан»). Перечисленные действия были выполнены родителями мужчины, что демонстрирует не только их финансовые возможности, но и наличие символической власти, основанной на авторитете.

Характеристики А. и Л.

Дополнительным маркером, характеризующим патриархальную модель отношений, является социокультурное неравенство супругов:

1. Разница в возрасте: мужчина старше женщины («Он меня старше на 4 года»);
2. Разница в образовании («С учебой мне помогал: текст проверял, формулировал там по грамотному, к экзамену по электромеханике помогал готовиться <...> курсовую я писала, диплом писала, он мне помогал формулировать»);
3. Разница в социализации: женщина выросла в поселке железнодорожной станции («Фотографом была ее знакомая из той же деревни, что и Л.»), мужчина – в административном центре муниципального района Пермского края;
4. Разница во владении экономическими ресурсами: мужчина имеет личный автомобиль и свою жилищную площадь: «У меня на первой машине был номер 948, на второй машине – номер 384»;
5. Разница в профессиональной реализации: на момент интервью мужчина работал аппаратчиком на промышленном предприятии, женщина была сотрудницей фотосалона.

Как видим, мужчина занимает более статусное положение по отношению к женщине. При этом имеющиеся у него статусные позиции подкрепляются дополнительными факторами – привлекательными, значимыми для женщины чертами характера. Обратимся к высказываниям на эту тему:

«И вот гулять меня пригласили, ухаживают, спрашивают: как я себя чувствую. И готовы помочь и в учебе, и всегда».

«Он всегда поддерживает, он честный, исполнительный, доброжелательный <...> если он обещает, то делает».

«Он меня в нужное русло направляет <...> я говорю: сколько сделать цену на браслетики? Он говорит: покупаем за столько, а делаем столько-то минут, значит, цену можно в два раза поднять».

Л. описывает А. как участливого, заботливого и рационального, при этом перечисленные черты также конструируют образ родителя, готового прийти на помощь женщине «и в учебе, и всегда». Мы предполагаем, что Л. склонна провоцировать у А. родительские чувства. Их проявление может выражаться в одобрении и развитии определенных черт характера женщины: «Она бывает настойчива. Если она за что-то взялась, она хочет это доделать до конца. Хорошо, хвалю ее за это».

Л. свойственна инфантильность, которая раскрывается через ее отношение к личным финансам: «Я работаю только в свое удовольствие: сходить на маникюр, в кафе сходить. А если бы я стабильно зарабатывала тысячу 20, можно было бы на ремонт отложить, путешествия. На одну зарплату тяжело жить». Несмотря на то, что женщина имеет доход («отработала 4 часа, получила 450 рублей»), он воспринимается не как вклад в общий бюджет, а как средства для личного пользования. Подтверждение этого находим в комментарии Л.: «Пока я была не замужем, мама мне на еду переводила денежки. Я же раньше в общаге

жила, и пока я замуж не вышла, я эти деньги на платье свадебное откладывала, я не тратила на еду. Я же живу с А. как бы».

А. также считает, что зарабатываемые им средства являются основой семейного бюджета: «Мне надо, чтобы было стабильное место работы, чтобы я знал, что могу прокормить семью». Подобная «расстановка сил» подчеркивает готовность женщины находиться в финансовой зависимости от мужчины. Данное положение интерпретируется ими в качестве желанного и значимого статуса – статуса, подчеркивающего в том числе и их женственность. В частности, Л., при сравнении отношений с бывшим мужчиной и супругом, отмечает следующее: «В этих отношениях я чувствую себя девушкой, а в тех я сама на себе все тащила. Надо в больницу срочно сходить, деньги нужны, сама ищешь».

Перечисляя привлекательные черты характера Л., мужчина акцентирует внимание на ее творческих наклонностях и эмоциональности: «Мы хотим сделать стол универсальный, чтобы она могла за ним шить, плести, рисовать <...> из-за того, что творческий человек, она очень эмоциональна». Одновременно с этим А. считает, что «девушка должна быть хозяйственной, чтобы умела сделать котлетки, супчики. Не курящая и не пьющая». Это высказывание совпадает с самопрезентацией Л.: «Я хорошая жена. Хорошая жена – трудовик: готовит, шьет, дома прибирается». Женщина подчеркивает готовность мужчины принимать участие в домашних делах: «Мне нравится, что он мне помогает: я могу помыть посуду, он может пропылесосить, прибраться, приготовить поесть». Но выражение «он мне помогает» указывает на закрепление домашних обязанностей за женщиной. Таким образом, мы наблюдаем «классическое» распределение гендерных ролей между мужчиной и женщиной. Мужчине отводится инструментальная роль (ресурсное обеспечение семьи), а женщине – экспрессивная (реализация себя в качестве жены, домашней хозяйки, в будущем – матери) [12].

Выводы

Мы рассмотрели патриархальную модель отношений на примере кейса молодой семьи, проживающей в крупном индустриальном городе. Гипотеза подтвердилась: патриархальная модель отношений может реализовываться современными горожанами при условии наличия у них культурных установок о дихотомии «мужского» и «женского», а также сходных представлениях о поведенческих паттернах. Мужчина исполняет ведущую роль в паре, он обладает материальными ресурсами и более высокими статусными характеристиками. Его представляют как ответственного, надежного, рационального и заботливого. Женщина обладает более низкими социокультурными статусными позициями (социализация, образование, работа) и характеризуется в качестве эмоциональной и творческой натуры. Женская инициатива и предприимчивость представлена в отношениях, однако не является доминантной.

Помимо совпадающих представлений о гендерных ролях, партнеры мыслят в одном направлении («Ей нравилось во мне то, что наши цели в жизни совпадают – это дом, семья, не карьера. У нас взгляды на жизнь совпадают») и склонны к религиозности («Мы же крещеные оба, не все традиции соблюдаем, но в церковь ходим <...> мы еще обвенчаться хотели»).

Для информантов семья является значимой культурной ценностью. Однако они вкладывают различные смыслы в это понятие. Для женщины семья – это институт, обеспечивающий финансовое благополучие. Благодаря браку женщина получает доступ к материальным ресурсам мужчины, в т.ч. к его квартире и машине. За право распоряжаться этими ресурсами женщина готова исполнять роль домашней хозяйки. Для мужчины семья – это институт, где он получает домашний уют. Неравноценный символический обмен является особенностью патриархальных отношений.

Специфической особенностью кейса является вклад родственников мужчины в развитие отношений. Они подталкивали информантов к началу отношений, а также вносили коррективы в планирование свадебного торжества.

Библиографический список

1. *Ярушина К.А.* Антропологическое исследование молодой пермской семьи // *Обсерватория культуры*. 2021. Т. 18, № 3. С. 300–309. DOI: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2021-18-3-300-309>.
2. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства. М.: Политиздат, 1989. 222 с.
3. *Коростелова Ю.Е.* Патриархальный идеал как основа традиционной семьи // *Актуальные проблемы современной науки, техники и образования*. 2015. Т. 3, № 1. С. 31–33.
4. *Ковалева А.В.* Негативные факторы трансформации традиционной семьи в современную // *Ученые заметки ТОГУ*. 2015. Т. 6, № 1. С. 265–272.
5. *Голод С.И.* Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: Петрополис, 1998. 270 с.
6. *Каменева Т.Н.* Трансформация семейно-брачных практик в российском обществе риска: автореф. дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.04. Белгород, 2016. 22 с.
7. *Чеховский И.В.* Интервью как способ получения информации в качественной стратегии исследовательского поиска // *Вестник РУДН. Серия: Социология*. 2009. № 4. С. 20–25.
8. *Артамонова Я.В.* Структурные компоненты жизненного мира российской молодой семьи // *Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки*. 2022. № 4 (68). С. 78–83. DOI: https://doi.org/10.52452/18115942_2022_4_78.
9. *Тищенко Н.В.* Особенности применения метода кейс-стади в культурологических исследованиях // *Теория и практика общественного развития*. 2015. № 10. С. 197–199.
10. *Козина И.М., Серезкина Е.В.* Концепция кейс-стади в социальных науках и французская традиция монографических исследований трудовых организаций // *Социологические исследования*. 2015. № 1. С. 64–73.
11. *Белановский С.А.* Репрезентативность качественных опросов // *Интеракция. Интервью. Интерпретация*. 2023. Т. 15, № 1. С. 69–94. DOI: <https://doi.org/10.19181/inter.2023.15.1.4>.
12. *Парсонс Т.* Американская семья: ее отношения с личностью и социальной структурой // *Южно-российский журнал социальных наук*. 2006. № 2. С. 95–103.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.99

EDN USMEUQ

Чулошников Алексей Игоревич,
независимый исследователь
г. Пермь
sintekatzy@rambler.ru
SPIN-код: 2319-5155

КОНТИНУУМ ФОРМ НЕРАВНОЦЕННОГО СОЦИАЛЬНОГО ОБМЕНА

Статья посвящена обсуждению проблемы дифференциации различных форм неравноценного социального обмена, представленного в виде насильственного и манипулятивного взаимодействия, а также описывается вариант координатной сетки, позволяющей структурировать их. В частности, проблематизируется высокая степень гетерогенности феноменов, описываемых в категориях “манипуляция” и “насилие”, а также ограниченность критериев в аспекте их рассмотрения как дихотомических. Выделяются критерии, дифференцирующие насилие и манипуляцию, а также формы равноценного социального обмена, такие как уровень фрустрации, сопровождающий взаимодействие, субъективное согласие с ним и степень его легальности, т.е. соответствия общественным нормам. На основании данных критериев, представленных в виде интервальных континуумов, конструируется трехмерная сетка, в рамках которой размещаются как различные формы неравноценного социального обмена (представленные разнообразными насильственными и манипулятивными практиками), так и формы равноценного социального обмена, ассоциированного с принуждением. В рамках данной модели насилие описывается кластерами сильной или средней степени фрустрированности, субъективного несогласия и нелегального характера взаимодействия, манипуляция – преимущественно кластерами отсутствия или умеренного уровня фрустрации, субъективного согласия и “пограничного” характера легальности. Также в рамках сконструированной модели могут быть описаны “гибридные” формы неравноценного социального обмена, представленные промежуточными формами психологического насилия, экстремальные или авитальные социальные практики.

Ключевые слова: насилие, психологическая манипуляция, психологическое насилие, абьюз, аверсивные тактики общения.

Ссылка для цитирования: Чулошников А.И. Континуум форм неравноценного социального обмена // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 57–66. EDN USMEUQ

Alexey I. Chuloshnikov,
independent researcher
Perm
sintekatzy@rambler.ru
SPIN-код: 2319-5155

CONTINUUM OF FORMS OF UNEQUAL SOCIAL EXCHANGE

The article is devoted to discussing the problem of differentiating various forms of unequal social exchange, presented in the form of violent and manipulative interaction, and describes a version of a coordinate grid that allows them to be structured. In particular, the high degree of heterogeneity of phenomena described in the categories of “manipulation” and “violence” is problematized, as well as the limitations of the criteria in terms of their consideration as dichotomous. Criteria are identified that differentiate violence and manipulation, as well as forms of equivalent social exchange, such as: the level of frustration accompanying the interaction, subjective agreement with it and the degree of its legality, i.e. compliance with social norms. Based on these criteria, presented in the form of interval continuums, a three-dimensional grid is constructed, within which both various forms of unequal social exchange (represented by a variety of violent and manipulative practices) and forms of equal social exchange associated with coercion are located. Within this model, violence is described by clusters of a strong or moderate degree of frustration, subjective disagreement and the illegal nature of interaction, manipulation - mainly by clusters of the absence or moderate level of frustration, subjective consent and the “borderline” nature of legality. Also, within the framework of the constructed model, “hybrid” forms of unequal social exchange, represented by intermediate forms of psychological violence, extreme or vital social practices, can be described.

Keywords: violence, psychological manipulation, psychological violence, abuse, aversive communication tactics.

For citation: Chuloshnikov A.I. [Continuum of forms of unequal social exchange]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 57–66 (In Russian), EDN USMEUQ

Введение

Проблема различия насилия и психологической манипуляции (далее – манипуляции) до сих пор является достаточно дискуссионной. И тот, и другой феномен представляют собой одну из форм неравноценного социального обмена, целью которого в конечном счете является эксплуатация одного субъекта социального взаимодействия другим [1, 2, 3]. Обе формы в итоге ограничивают субъектность человека, снижая его возможности отстаивать свои интересы и реализовывать собственную интенциональность. Иногда одно рассматривается разновидностью другого [4, 5, 6, 7], а иногда – как противоположные стратегии эксплуатации [8, 9]. И несмотря на то, что ряд авторов так или иначе выделяет некоторые критерии их разделения [10, 11, 12], реальное многообразие проявлений насилия и манипуляции зачастую не всегда позволяет уложить их в это “прокрустово ложе”. Данная проблема конкретизируется в том, что как насилие, так и манипуляция могут включать в себя достаточно гетерогенные формы [13, 14, 15, 16, 17]. Поэтому даже в рамках одного класса феноменов часть критериев может быть лишь ограниченно применима к ним.

Основной теоретический *дефицит* в рамках данной проблематики можно сформулировать следующим образом. Существующие критерии сформулированы адекватно и отражают значимые стороны явления, однако проблема в том, в какой конфигурации они применяются [10, 11, 12]. Существующие критерии преимущественно дихотомичны, а формы не-

равноценного социального обмена градиентны, гибки. Отсюда возникает *вопрос*: какая комбинация критериев и в каком виде была бы достаточна для адекватной идентификации форм неравноценного обмена и дифференциации феноменов внутри них?

Таким образом, *целью* работы является квантификация критериев и представление в рамках этого континуума спектра форм неравноценного обмена. Конкретными *задачами* являются экспликация общих для насилия и манипуляции критериев, оценка возможности их представления в недихотомичной форме и построение координатной плоскости на основании данных критериев.

Основная *идея* нашей работы заключается в том, что представление данных критериев в недихотомичной, но интервальной форме и в виде измерений на координатной плоскости хотя бы отчасти позволит решить проблему идентификации и дифференциации различных форм неравноценного обмена.

Критерии разделения насилия и манипуляции

Определения. В первую очередь мы воспользуемся определениями, принятыми и рассмотренными нами в предыдущих публикациях, посвященных данным феноменам [1]. Как уже было сказано, оба феномена представляют собой различные формы неравноценного социального обмена, т.е. такого обмена, в рамках которого один участник или все участники нацелены на эксплуатацию ресурсов другого без соразмерного получения выгоды для адресата воздействия (“стратегия win – lose”). И в том, и в другом случае предметом воздействия становится интенциональность другого человека, то, что можно отождествить с его волей, субъектностью [там же]. Различия между феноменами заключаются в том, каким образом оказывается влияние на нее.

Манипуляция – это вид неравноценного социального обмена, при котором эксплуатация осуществляется скрыто, путем модификации представлений объекта манипуляции или адресата (далее и в случае с насилием – *объект*) о предметах его потребностей, способах их удовлетворения. Предмет потребности объекта связывается с потребностями субъекта манипуляции (далее и в случае с насилием – *субъекта*). В процессе манипуляции можно выделить собственно момент “индоктринации” и момент активации потребности [8, 18] посредством напоминания о возможности ее удовлетворения или же неудовлетворения.

Таким образом, интенциональность объекта искажается путем принятия ограниченной манипулятором картиной мира, где свобода выбора симулируется, а давление осуществляется путем наступления желательных или нежелательных “последствий” в рамках, принятых первым правилом игры. При этом объект в целом может быть субъективно согласен на данные условия и считать их в той или иной степени справедливыми [11, 3].

Насилие также является формой неравноценного социального обмена, при которой эксплуатация осуществляется преимущественно открыто (без симуляции безопасности, маскировки намерений субъекта); при насилии теми или иными способами производится прерывание или ингибирование интенциональности объекта путем нарушения переживания безопасности [4, 15, 16, 1].

Важным моментом именно насильственного воздействия выступает его *неконвенциональность*, т.е. насилие является актом принуждения, выходящим за рамки как значимых для индивида ценностей, убеждений [13], так и за рамки общеразделяемых социальных норм [19, 14, 15]. В этом смысле насилие отлично от актов принуждения, осуществляемого в рамках разделяемых субъектами социальных договоренностей, которые можно обозначить как силовые санкции.

В итоге, данные явления различаются по: а) характеру побуждения (острая фрустрация или предоставление возможности удовлетворить потребность); б) наличию субъективного согласия с тем или иным воздействием, интеракцией или же наличием/отсутствием сопротивления ему; в) степени объективной конвенциональности, т.е. степени объективной конвенциональности, т.е. степени соответствия действий субъекта законам, морально-этическим принципам, принятым в том или ином сообществе.

Помимо этих критериев, можно выделить “результативный” критерий, который разделяет ситуации, связанные с фрустрацией, на те, которые в итоге ведут к абилитации или адаптации, и те, что приводят к противоположному эффекту [12].

Формы насилия и манипуляции

Феноменология насилия и манипуляции достаточно гетерогенна и потому далеко не каждый конкретный ее вариант может удовлетворять всем критериям, на которых построен процесс их дифференциации. Если же представить данные критерии как дихотомические, то ряд явлений и вовсе “повиснут” в этих терминологических границах, а явления, удовлетворяющие их в полной мере, могут стать редкостью или же полной абстракцией.

Психологическое насилие как пример гибридной формы насилия. Психологическое насилие как вид насилия, осуществляемого информационными средствами (т.е. приводящее к состоянию эмоциональной дезинтегрированности и десубъективации путем трансляции некоторой информации), во многом является той формой воздействия, в рамках которой нарушение переживания *безопасности*, фрустрация могут быть не столь явными, по крайней мере для внешнего наблюдателя [4, 1, 20, 7, 21].

Так, если предположить, что эмоциональная дезинтеграция может осуществляться путем фрустрации витальных или личностно-значимых потребностей (привязанности, ценности) [13, 16], то можно гипотетически представить как прямые, так и косвенные (менее явные) способы “разуверить” человека в том, что они будут удовлетворяться регулярно и без каких-либо затруднений.

Прямые способы фрустрации могут выглядеть как прямая угроза предмету потребности (целостность организма и физиологическое благополучие, сохранность объекта привязанности) [4], косвенные – как деформация факторов, отвечающих за успешное и регулярное взаимодействие с предметом потребности. Это может быть трансляция информации, в соответствии с которой объект воздействия начинает сомневаться в: а) своих способностях удовлетворить потребность, необходимых для этого знаниях; б) возможности удовлетворить ее неконфликтным путем (когда удовлетворение одной потребности делает невозможным удовлетворение другой) или в собственной личности, как достойной удовлетворения данной потребности (что также в основании является конфликтом между потребностью в принятии другими и всем остальным); в) том, что у него есть ресурсы для удовлетворения потребности [16, 5, 22].

Иными словами, действия, обеспечивающие деформацию косвенных факторов безопасного удовлетворения потребностей, могут быть в гораздо меньшей степени заметны как внешнему наблюдателю, так и самому объекту воздействия, нежели прямая угроза [21]. При возможности такого дробления условий переживания безопасности они могут быть нарушены “парциально”, и потому степень переживания безопасности можно представить не дихотомично, а в виде интервалов.

Гипотетически, мы можем представить различные виды психологического насилия: от максимально фрустрирующих до едва заметных, эмоционально изматывающих, сфокусированных на длительном “подтачивании” условий переживания безопасности и субъектности.

Вслед за этим можно говорить и о том, что в случае с психологическим насилием параметр конвенциональности также может иметь ряд ограничений.

Во-первых, в рамках правовых категорий могут быть формально зафиксированы лишь наиболее “брутальные” формы психологического насилия, такие как угрозы, прямое унижение, уничтожение имущества [13, 15]. Косвенные формы вредящего информационного воздействия [4] требуют фиксации смыслового контекста, длительного, систематического наблюдения и сопоставления их с событиями субъективного мира реципиента насилия, которые даже он сам не всегда в состоянии сформулировать [23, 20, 21].

Во-вторых, многие промежуточные формы насилия иногда не могут быть однозначно оценены даже в рамках более гибких систем морально-этической экспертизы. И лишь по прошествии определенного времени и на основании косвенных показателей (появление тре-

возно-депрессивной симптоматики, повышение избегающего поведения и других показателей качества жизни), выявляемых у объекта воздействия, можно предположить, каков был “истинный” формат взаимодействия.

Помимо того, что психологическое насилие может быть не видно внешнему наблюдателю, факт “ненормальности/неправомерности” может быть не ясен и самому объекту. Довольно трудно однозначно сказать, “против я” или “не против”, когда боль и принуждение не столь явные, а их источник не идентифицирован или же не всегда был связан с фрустрацией [24, 3]. Субъективное переживание конвенциональности какого-либо воздействия может быть подвержено “размыванию” правил путем постепенного отодвигания границы допустимого (эффект “окна Овертона”, адаптация). В этом плане степень субъективного согласия/несогласия, а также объективной легальности/нелегальности можно представить в виде интервалов.

Тем не менее, при наличии описанных оговорок комплексное применение данных критериев (объективной и субъективной конвенциональности, ассоциированной с воздействием фрустрации объекта) может хотя бы в какой-то степени если не идентифицировать, то предположить вероятность насильственности того или иного взаимодействия.

Подводя некоторый итог, можно сказать, что психологическое насилие как результат непрекращающейся эволюции физического насилия, протекающей в рамках постоянно ужесточающихся ограничений на его применение, предполагает возможность осуществления скрытого, иногда за счет постепенности и двусмысленности (игры значений/контекстов), “подтачивания” условий психического равновесия, обеспечивающего возможность быть субъектом.

Манипуляция “снизу” и “сверху”. Из отмеченного ранее следует еще раз обозначить, что манипуляция является своеобразным паразитированием на потребностях другого человека путем связывания способа их удовлетворения с необходимым для манипулятора действием [10, 8, 11].

Значительная часть реализации манипуляции – это индоктринация, создание образа мира (образ мира, общества, его норм, мнений, образа Я объекта, его потребностей), который может характеризоваться правдоподобностью или же отсутствием таковой. И если субъект сумел произвести индоктринацию более или менее правдоподобного образа мира (где удовлетворение потребностей объекта тесно связано с интересами первого), то, действуя в соответствии с этим образом, манипулятор не нарушает критерия конвенциональности. Произвольность также будет скорее лишь ограничена теми вариантами удовлетворения потребности, какие предполагает выстроенный манипулятором образ мира: искажение, но не прерывание.

Другой значимой частью “манипулятивной деятельности” является то, каким образом у объекта воздействия активизируется та или иная потребность. Это может быть прямое указание на возможность удовлетворения потребности (“сейчас ты можешь поступить как честный человек и поступить...”) или косвенное (“тот человек показал себя честным малым, когда сделал...”). Это может касаться не только стиля активации потребности, но и стиля индоктринирования (агрессивное навязывание мнения – мягкое убеждение, дискуссия). Данный параметр стимуляции можно соотнести с позициями манипулятора “сверху” (прямая, стремящаяся к директивной) и “снизу” (косвенная, ненавязчивая, ослабленная) [25, 18].

По содержанию стимуляция может сигнализировать либо о возможности удовлетворить потребность, либо же избежать неудовлетворения какой-либо потребности. В последнем случае это уже в большей мере будет связано с фрустрацией, мотивацией ухода от дискомфорта, боли. Фрустрирующий вариант актуализации потребности в этом случае будет довольно близок к насилию по критерию переживания *безопасности*. Таким образом, переживание безопасности при активации потребности может быть опосредованно параметрами: а) директивности/не директивности побуждения, б) типом стимуляции (фрустрация/возможность удовлетворения).

Подводя промежуточный итог, можно говорить о том, что манипулятивная деятельность (включающая подготовительный и активирующие компоненты) также может быть оценена в рамках критериев безопасности, некоего внутреннего согласия с происходящим и объективной легальностью происходящего. Так, можно представить манипуляцию, основывающуюся на грубом обмане, осуществляемую директивно, с явным давлением. А можно представить искусно построенную иллюзию, где бы объект переживал возможность свободного выбора, а нужные манипулятору действия бы активировались едва уловимыми намеками, предрекающими реализацию сокровенных желаний объекта. Первый вариант весьма близок к насилию, второй – искусно симулирует субъектность и конвенциональность.

Оси, составляющие координатную плоскость форм неравноценного обмена

Возвращаясь к формам равного и неравноценного социального обмена, мы можем представить, с одной стороны, абстракцию в виде максимально открытого, безопасного взаимодействия, где его участники обладают полной субъектностью, с другой – абсолютно нечестное, противоправное изъятие ресурса одного участника другим, где первый несет ущерб, находится в состоянии дезинтегрированности и утраты субъектности. Однако мы полагаем, что в сложных, развитых сообществах могут доминировать именно промежуточные формы.

При этом часть вариантов воздействия на субъектность другого человека может размещаться в плоскости легального воздействия или воздействия, на которое согласен сам объект, и не быть ни манипуляцией, ни насилием. Так, это могут быть различные формы правовых санкций, ограничения, накладываемые договором, практики оказания помощи/услуг, духовные практики.

Субъективно и объективно конвенциональные формы взаимодействия. Исходя из этого, параметр конвенциональности сам по себе может быть разделен на два “субпараметра”: объективной конвенциональности и субъективной конвенциональности.

Объективно конвенциональные формы взаимодействия соответствуют принятым в том или ином обществе нормам взаимодействия между людьми: закрепленные в виде закона или же существующие в виде морально-этических предписаний и рекомендаций. Они в том или ином смысле соответствуют понятию “легальности”.

Субъективно конвенциональные формы взаимодействия определяются в частном порядке в виде личного согласия индивида с происходящим с ним, т.е. соответствия его представлениям о том, что в отношении него является “честным”, “справедливым”, “нормальным”.

Так, можно представить себе ситуации, когда данные параметры совпадают или же когда они в разной степени противоречат друг другу. Например, когда человек, привыкший к плохому, недостойному и преступному обращению к себе принимает его как должное и не сопротивляется ему. Или же когда человек сталкивается с легальными санкциями, но не готов их принимать.

На основе выделенных критериев равноценного и неравноценного обмена мы с долей условности можем построить оси, в рамках которых постараемся разместить как “прототипические”, так и гибридные формы.

Ось переживаемой фрустрации. Данный параметр будет репрезентирован как континуум, где один из полюсов представляет собой *отсутствие фрустрации*, а другой – *высокий уровень фрустрации*, соответствующий состоянию эмоциональной дезинтегрированности. Промежуток между ними будет характеризоваться умеренным переживанием фрустрации, достаточным для оказания давления, но и не вызывающим у объекта воздействия состояния дезинтегрированности в полной мере.

Ось объективной конвенциональности (“легальность взаимодействия”). Данный параметр отражает степень интересубъективной нормативности и может быть представлен как ось с полярностями: (объективно) *легальное – нелегальное воздействие*. Под “легальным воздействием” мы понимаем такой вариант оказания влияния на другого, который осуществляется по правилам, в той или иной степени артикулированным и принимаемым членами того или иного сообщества. Интервал может представлять собой спектр поведения, входящий в

зону четкой правовой регуляции, в которой отсутствуют однозначные правила поведения. Например, это могут быть морально-этические нормы, регламентирующие деловые, личные, профессиональные отношения между людьми, не выраженные законодательно, существующие эксплицитно или имплицитно. Таким образом, данная шкала будет представлена следующими интервалами: *легальное воздействие*; *“погранично” легальное*; *нелегальное*.

Ось субъективной конвенциональности (“согласие”). Соответственно, данный параметр представлен осью, где выделяются полюса *согласия* объекта с происходящим или *несогласия*. Интервал представляет собой зону “неопределенности”, где индивид (объект воздействия) точно не может сказать, насколько то или иное действие другого субъекта (субъекта воздействия) согласуется с его системой нормативности.

Именно система нормативности объекта воздействия может выступать мишенью “подготовительного” этапа при манипуляции, обеспечивая симуляцию субъектности у ее объекта. Однако она может рассматриваться и как мишень для гибридных форм насилия. Так, в процессе длительно осуществляемого насилия данная область может трансформироваться в сторону согласия с происходящим. Эта ось будет представлена следующими интервалами: *субъективного согласия с воздействием*; *неоднозначным согласием*; *несогласием*.

Таким образом, из данных осей может быть построена трехмерная координатная сетка (рис. 1), в рамках которой можно разместить подавляющее или как минимум значительное количество феноменов неравноценного социального обмена.

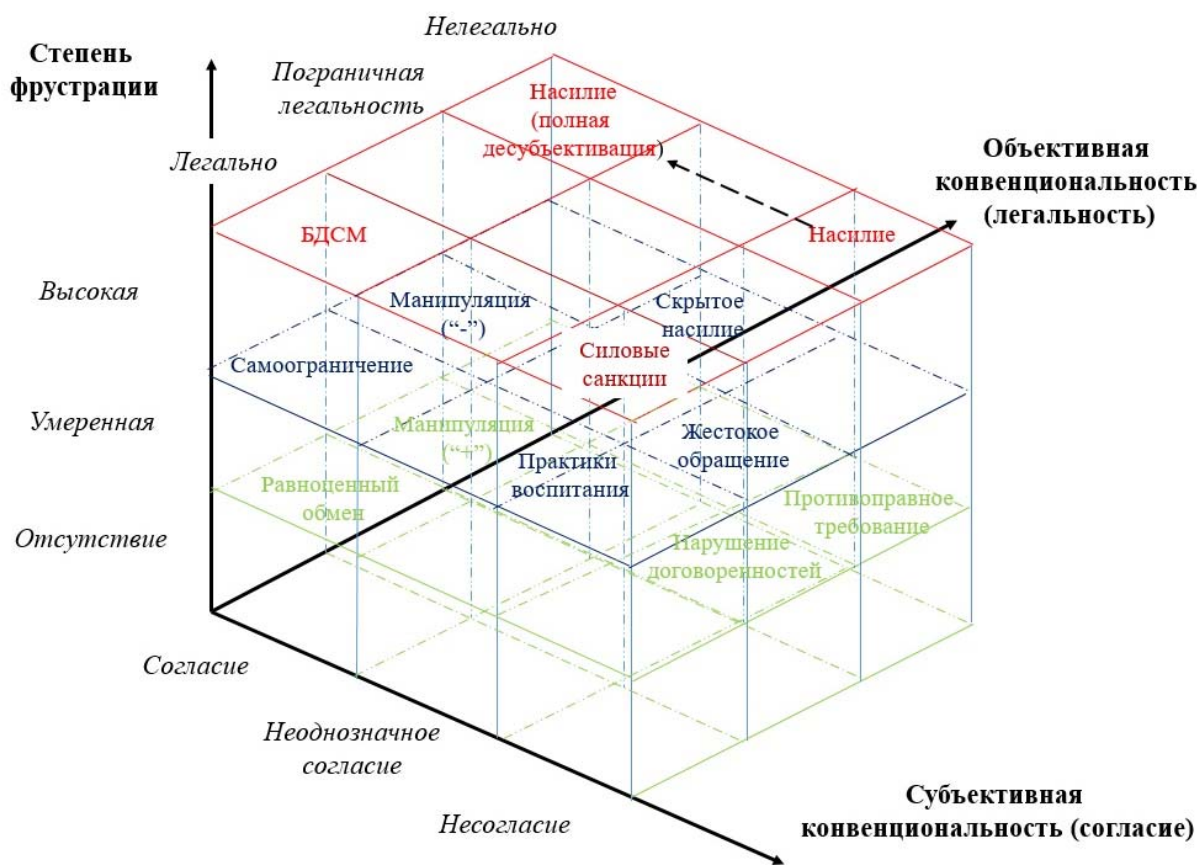

Рис. 1. Координатная сетка форм неравноценного социального обмена (красным цветом обозначена группа, соответствующая высокой степени фрустрации, темно-синим – средней, светло-зеленым – ее отсутствию)

Кластеры форм неравноценного обмена

В соответствии с обозначенными уровнями/степенями свободы мы можем выделить следующие группы и комбинации. Для удобства в качестве “ведущего” параметра мы возьмем ось *степени фрустрации*.

Высокий уровень фрустрации. Данная группа будет включать в себя, с одной стороны, “классическое” физическое насилие и “высокоинтенсивное” психологическое насилие (*нелегально, отсутствие согласия*), с другой – легальные формы силового воздействия, которые можно условно обозначить как “санкции” (*легально, отсутствие согласия*). Также в эту группу будут входить легальные или “погранично” легальные формы воздействия, связанные с фрустрацией (*легально, есть согласие*): разнообразные экстремальные межличностные практики, самонаказание посредством другого.

Средний уровень фрустрации. В эту группу могут входить как различные манипулятивные стратегии (пограничная легальность, согласие), осуществляющие стимуляцию посредством фрустрации (например: “если ты не сделаешь этого, то ты лишишься чего-то”), так и скрытые, “гибридные” формы насилия, которые можно расположить в рамках подкластера нелегального воздействия (*нелегально, несогласие/согласие*). Также в какой-то степени частично легальным (*погранично легально, отсутствие согласия/неоднозначное согласие*) можно признать такие слабо заметные формы психологического насилия, как эмоциональное пренебрежение, холодность, игнорирование – то, что может быть обозначено как плохое или жестокое обращение.

В этом случае по оси субъективной конвенциональности мы можем разместить разновидности данного вида насилия. Это может быть воздействие, которому объект сопротивляется, осознает как нечто ненормальное для себя, не соответствующее его воле, интересам, или же это может быть объективно нелегальное воздействие, которое не вызывает отторжения. Последнее можно рассматривать как вариант адаптации к насилию, его принятие или этап насилия, когда субъектность устранена (полная десубъективация). Промежуточный вариант, где отсутствует однозначное согласие (*нелегально, неоднозначное согласие*), можно рассматривать как пример “успешной” реализации стратегии низкоинтенсивного, длительного, “истощающего” насилия.

Помимо этого, в рамках данного кластера может быть рассмотрен шантаж (*пограничная легальность, несогласие*), варианты штрафных санкций (*легально, неоднозначное согласие/несогласие*) и самоограничительных практик с участием другого человека (*легально – погранично легально, согласие*).

Также в рамках данной группы можно обозначить фрустрирующие, легальные практики с “плавающим” параметром субъективного согласия. Например, это могут быть образовательные и воспитательные практики, приводящие к конструктивным изменениям, но в той или иной степени сталкивающиеся с сопротивлением объекта воздействия.

Отсутствие фрустрации. Эта группа включает в себя как то, что можно назвать равноценным обменом (*легально, есть согласие*), так и различные формы манипуляции, побуждающие объекта осуществлять те или иные действия при помощи построения такой картины мира, в которой это бы согласовалось с его потребностями и принципами (*погранично легально/нелегально, согласие*). Также это могут быть просто сомнительные, беспочвенные требования, необоснованные претензии, неудачные попытки суггестии (*погранично легально/нелегально, нет согласия*). В эту группу могут быть включены скрытые или открытые нарушения межличностных договоренностей.

Важно оговориться, что далеко не все формы социального взаимодействия, размещенные в данной плоскости, можно назвать неравноценными. Так, формы, размещенные в интервале объективно конвенционального воздействия, можно в какой-то степени считать равноценным обменом (равным, но с отрицательным знаком), поскольку они являются ответным действием на то или иное нарушение, потенциально наносящее ущерб другим людям.

Также важным, на наш взгляд, выступает такая конфигурация осей, при которой оси субъективной и объективной конвенциональности характеризуются оппозиционным отношением друг к другу (*легально, нет согласия; нелегально, есть согласие*). В отличие от “классического” насилия, данные ситуации могут также рассматриваться как насильственные, но в первом случае – в восприятии конкретного индивида, во втором – в глазах общества. С одной стороны, это демонстрирует сложность задачи экспертизы факта насилия: ее привязанности к определенному контексту, общественной системе и критериям легальности и, соответственно, скорее относительному, нежели абсолютному пониманию насилия. С другой стороны, сам факт оппозитивности данных параметров может быть ключевым для рассмотрения той или иной ситуации в подобном ключе – как зона для выявления *скрытых* форм насилия.

Разумеется, выделенные уровни/интервалы имеют довольно условную природу и при желании могут быть представлены более дифференцированно. В таком случае возможных комбинаций будет значительно больше, что потенциально позволяет описать различные полутоны неравноценных отношений между индивидами. При подобной стратегии, вероятно, какая-либо существенная разница между некоторыми формами манипулятивного и насильственного поведения может стираться, уничтожая возможность однозначно идентифицировать что есть что.

Выводы

1. В рамках построенной континуальной модели возможно размещение как условно прототипических вариантов неравноценного социального обмена, так и их модификаций, которые можно обозначить как “гибридные формы”. Данные формы воздействия осуществляются на границах допустимого, легального.

2. Для обнаружения таких сложных, гибридных форм важно системное применение как формальных, так и потенциально результативных критериев.

3. Разнообразные формы насилия зачастую могут не соответствовать всем критериям, а именно – выраженной фрустрации и совпадения как критерия объективной нелегальности, так и субъективного несогласия.

4. Некоторые формы насилия или же потенциально насильственные ситуации могут быть идентифицированы через факт оппозитивности Субъективного согласия и Легальности, такие как ситуации, когда объект насилия свыкся с насильственными действиями или же насилия, ставшего нормальным ввиду несовершенств правовой системы. Это может стать ключом в идентификации не вполне стандартных ситуаций, когда насилие имеет место.

Библиографический список

1. Чулошников А.И. Сходства и различия манипуляции и насилия как форм неравноценного социального обмена // Russian Journal of Education and Psychology. 2023. Т. 14, № 4. С. 117–147. DOI: 10.12731/2658-4034-2023-14-4-117-147

2. Шевелева С. В, Шатанкова. Е. Н. О свободе воли, принуждении, манипуляции в философии, психологии и праве: к постановке проблемы // Российский девиантологический журнал. 2022. Т. 1. №. 2. С. 109-123. <https://doi.org/10.35750/2713-0622-2022-1-109-123>

3. Wood A. W. Coercion, Manipulation, Exploitation. In Christian Coons, and Michael Weber (eds), Manipulation: Theory and Practice. New York, 2014, pp 17–50. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199338207.003.0002>

4. Волков Е.Н. Критерии, признаки, определения и классификации вредящего психологического воздействия: психологическое травмирование, психологическая агрессия и психологическое насилие // Журнал практического психолога. 2002. № 6. С. 183–199.

5. Harsey, S. J., Zurbriggen, E. L., & Freyd, J. J. (2017). Perpetrator Responses to Victim Confrontation: DARVO and Victim Self-Blame. Journal of Aggression, Maltreatment & Trauma, 26(6), pp. 644–663. <https://doi.org/10.1080/10926771.2017.1320777>

6. O'Leary, K. D. (1999). Psychological abuse: A variable deserving critical attention in domestic violence. *Violence and Victims*, 14(1), pp. 3–23.
7. Mills L. *Killing Her Softly: Intimate Abuse and Violence of State Intervention*// *Harvard Law Review*, 1999, 113. Pp. 550–613.
8. Краснорядцева О.М., Щеглова Э.А. Модальности манипулятивного поведения в образовательной среде как предмет психолого-педагогической рефлексии // *Вестник Томского государственного университета*. 2022. № 484. С. 136–144. DOI: 10.17223/15617793/484/16
9. Фатина М.Л. К вопросу теоретического осмысления феномена психологического насилия // *Тенденции развития науки и образования*. 2017. № 29, ч. 2. С. 39-43. DOI: <https://doi.org/10.18411/lj-31-08-2017-31>
10. Грачев Г. В, Мельник И. К. *Манипулирование личностью*. М., 2003. 376 с.
11. Сиразетдинова М.Ф. Многообразие подходов к определению манипуляции сознанием: возможности систематизации // *Научно-методический электронный журнал Концепт. Современные научные исследования*. Выпуск 3. 2015. №7. С. 81–85.
12. Тхостов А. Ш. Психологическая многозначность понятия насилия // *Национальный психологический журнал*. 2010. №2(4). С. 5–59.
13. Бархатова Е.Н. *Преступления против собственности, совершаемые с применением психического насилия: дис. ... канд. юрид. наук*. Омск, 2014. 170 с.
14. Девятковская С.В. Физическое или психическое насилие как составляющие принуждения // *Юристъ-правоведь*. 2016. № 4. С. 40–45.
15. Дмитренко А. П, Подгайный А. М., Супатаева Ж. Э. Психологическое насилие в уголовном праве: проблемы определения понятия, форм и пределов наказуемости // *Право и практика*. 2019. №4. С. 88–101.
16. Фирсова Е.В. Жестокое обращение с детьми: проблемы терминологии и классификации // *Гуманитарные научные исследования*. 2015. № 2 [Электронный ресурс]. URL: <https://human.snauka.ru/2015/02/9840> (дата обращения: 13.09.2023).
17. Fischer A. Then again, what is manipulation? A broader view of a much-maligned concept // *Philosophical Explorations*. 2022. Vol. 25, Issue 2, pp. 170–188. <https://doi.org/10.1080/13869795.2022.2042586>
18. Оконечникова Л.В. *Психология манипулирования*. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2006. 30 с.
19. Гусейнов А.А. *Мораль и насилие: Понятие насилия* // *Этика: учебник для философских факультетов / под общ. ред. А.А. Гусейнова, Е.Л. Дубко*. М.: Гардарики, 2006. С. 393–417.
20. Langone M.D. Psychological abuse // *Cultic Studies Journal*. 1992. Vol. 9, no. 2. Pp. 206–218.
21. Sikström S, Dahl M, Lettmann H, Alexandersson A, Schwörer E, Stille L, Kjell O, Innesker Å, Ngaosuvan L (2021). What you say and what I hear-Investigating differences in the perception of the severity of psychological and physical violence in intimate partner relationships. *PLoS One*. Vol 16(8):e0255785. DOI: 10.1371/journal.pone.0255785. PMID: 34407140; PMCID: PMC8659990
22. Lazarus, R. S. (1974) Cognitive and coping processes in emotion. In: B. Weiner (ed.). *Cognitive views of human motivation*. New York: Academic Press, pp. 21–32.
23. Бандура О.О, Усова А.В., Ольховский М.Д. *Насилие в семье: отсроченные последствия насилия над детьми* // *Ученые записки Санкт-Петербургского государственного института психологии и социальной работы*. 2019. Том 32. № 2. С. 171–179.
24. Eisikovitz Z., Bushbinder E. *Locked in a violent embrace: understanding and intervening in domestic violence*. Thousands Oaks, California: Sage, 2000.
25. Берн Э. *Игры, в которые играют люди. Психология человеческих взаимоотношений*. – Эксмо, 2010. – 352 с.

УДК 159.96

EDN WLUDVF

Маркина Анастасия Валерьевна,
студент 3 курса факультета психологии
Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте
100060, Узбекистан, г. Ташкент, пр. Амира Темура дом 22
akiyashhenko@inbox.ru

Цой Светлана Валерьевна,
старший преподаватель кафедры психологии
Филиал МГУ имени М.В. Ломоносова в городе Ташкенте
100060, Узбекистан, Ташкент, пр. Амира Темура дом 22
tsoy.svetlana22@gmail.com

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ РЕВНОСТИ В РОМАНТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

Данная статья посвящена рассмотрению феномена ревности и причин ее возникновения в близких (романтических) отношениях. Представлены взгляды авторов как периода античности, так и современников. Рассматривается множество определений ревности различных авторов и их классификаций. Раскрываются 3 компонента ревности: эмоциональный, поведенческий и когнитивный. Приводится сравнение нормальной и патологической ревности, нормальную ревность разделяют на рациональную и иррациональную. Описаны критерии патологической ревности для умения отделять ее от нормальной, подчеркивая важность этих знаний в повседневной жизни.

Ключевые слова: Ревность, защитная реакция, поведенческий, эмоциональный и когнитивный компоненты, патологическая ревность, адекватная и неадекватная ревность.

Ссылка для цитирования: Маркина А.В., Цой С.В. Феноменология ревности в романтических отношениях // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 67–73.
EDN WLUDVF

Anastasiya V. Markina

student of the Faculty of Psychology
Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Tashkent
100060, Uzbekistan, Tashkent, Amir Temur Ave., 22
akiyashhenko@inbox.ru

Svetlana V. Tsoy

Senior Lecturer at the Department of Psychology
Branch of Moscow State University named after M.V. Lomonosov in Tashkent
100060, Uzbekistan, Tashkent, Amir Temur Ave., 22
tsoy.svetlana22@gmail.com

PHENOMENOLOGY OF JEALOUSY IN ROMANTIC RELATIONSHIPS

This article is devoted to the phenomenon of jealousy and the causes of its occurrence in close (romantic) relationships. The views of the authors of the period of antiquity and contemporaries are presented. Many definitions of jealousy by various authors and their classifications are considered. 3 components of jealousy are revealed: emotional, behavioral and cognitive. A comparison of normal and pathological jealousy is given, normal jealousy is divided into rational and irrational. The criteria to separate these forms from normal jealousy is described, emphasizing the importance of this knowledge nowadays.

Keywords: Jealousy, defensive reaction, behavioral, emotional and cognitive component, pathological jealousy, adequate and inadequate jealousy.

For citation: Markina A.V., Tsoy S.V. [Phenomenology of jealousy in romantic relationships]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 67–73 (In Russian), EDN WLUDVF

Проблема ревности хотя и обсуждалась в различных контекстах с античных времен, остается актуальной и привлекает внимание ученых до сих пор. Вопреки многочисленным подходам и интерпретациям, многие аспекты этого явления остаются неизученными и требуют дальнейших исследований. К таким аспектам относятся особенности ревности у людей разного пола и в разных типах отношений, как долгосрочных, так и краткосрочных, в том числе у тех, кто ранее не имел опыта отношений. Ревность имеет свои уникальные характеристики, особенно в подростковом возрасте, когда она становится значимым эмоциональным переживанием, связанным с чувством несовершенства и незрелости [1].

О ревности задумывались еще в древности. Она была известна задолго до возникновения психологии как науки и по праву считается одним из самых опасных и разрушительных чувств. С точки зрения Соломона, ревность люта, как преисподняя, ее стрелы огненные, а ее саму он считал сильным пламенем. Рене Декарт рассматривал ревность как один из видов эмоционального состояния человека, как вид страха при желании сохранить за собой обладание каким-либо благом [2]. Франсуа Ларошфуко еще в XVII веке утверждал, что в ревности только одна доля любви и девяносто девять долей самолюбия [3].

Ярким примером ревности в литературных произведениях является трагедийная пьеса Уильяма Шекспира «Отелло», где Отелло убивает свою возлюбленную Дездемону (по имени главного героя получило название расстройство – бред ревности – синдром Отелло).

В психологии и толковых словарях встречается ряд определений понятия «ревность»: они говорят, что ревность связана с переживанием опасности потери ценного взаимоотношения с другим человеком и сомнениями в его верности. В книге Е.П. Ильина указано, что в

некоторых словарях ревность определяется как неприязненно-враждебное чувство по отношению к успехам, достоянию или популярности другого лица, а также к его самостоятельности в действиях и чувствах, что, по сути, является и определением зависти [1]. В «Словаре русского языка» С.И. Ожегова ревность определяется как «мучительное сомнение в чьей-либо верности, любви» [3].

Г. Шек считает, что основное значение ревности – стремление человека сохранить что-то, принадлежащее ему по праву, поэтому ревнивец остается спокойным, если осознает, что у него нет соперников. Ильин же отмечает, что ревность – это подозрительное отношение человека к объекту обожания, связанное с мучительным сомнением в его верности, либо знанием о его неверности. По мнению Львова, ревность для человека является сигналом о том, что что-то где-то меняется: или в партнере, или в отношениях с ним, или в самом себе, т.е. чувство ревности позволяет человеку заметить то, чего он еще не понимает или не осознает [1].

М. Веллер же, в свою очередь, отмечал, что ревность это и боязнь потерять, и уединенное самолюбие, и опасение, что другой лучше, и ощущение невозможности полностью контролировать ситуацию, умаление своей значительности, ущемление своего самоутверждения. Отсюда вытекает, что мало ревнуют предельно уверенные в себе люди, а сильнее ревнуют те, у кого больше комплексов и занижена самооценка.

Однако существует мнение, что ревность необходима для любви: она отражает уровень притязаний человека, поэтому бороться с ней бесполезно, т.к. такая борьба снижает конкурентоспособность человека; в то же время утверждается, что огонь любви питается дровами ревности, т.е. любовь без ревности не могла бы существовать долгое время. Скорее всего, все дело в пропорциях, ведь даже самое целебное лекарство, употребленное без меры, может нанести вред, а частицы ядовитых мышьяка и ртути входят в состав гомеопатических снадобий. Поэтому врач И. Шевелев вывел следующий постулат: ревность – это яд: в малых дозах она стимулирует любовь, в больших – убивает. Напротив, Ю.В. Щербатых считает, что ревность – это вовсе не любовь, а скорее желание обладать ею или страх ее потерять, а значит, это своего рода стресс, причем довольно сильный [3].

Подходы к ревности можно представить следующим образом:

а) ревность представляет собой сложное явление, включающее аффективные, когнитивные и поведенческие аспекты;

б) существует несколько типов ревности, представления о которых различаются в зависимости от подхода. Большинство исследователей различают нормальную ревность и ее патологические формы. Психиатры относят к патологическим формам ревности бредовые и параноидальные варианты, а психологи выделяют несколько не параноидальных, но все же болезненных типов ревности. К ним относится “проецируемая ревность”, связанная с не пройденной Эдиповой фазы, ревность, связанная с небезопасным типом привязанности, “иррациональная ревность”, связанная с завышенными ожиданиями, и ревность как форма тревожного расстройства.

в) эти подходы связывают ревность с различными психологическими факторами, включая историю жизни и текущее функционирование индивида. Онтогенетические факторы включают неудачное прохождение Эдиповой стадии развития, тревожную привязанность и стрессовые события в жизни, которые способствуют формированию дисфункциональных когнитивных схем. Личностные факторы включают латентную гомосексуальность, активацию примитивных защитных механизмов, низкую самооценку и непродуктивные стратегии совладания. Когнитивные факторы ревности включают искаженный стиль обработки текущей межличностной информации и наличие дисфункциональных когнитивных схем. Наконец, стиль общения в паре также играет важную роль в возникновении ревности [4].

По мнению многих исследователей, автором первой научной концепции ревности был З. Фрейд. Свои взгляды на феномен ревности он изложил в работе «О некоторых невротических механизмах при ревности, паранойе и гомосексуальности» 1921 г. Он анализировал ревность как часть невротических проявлений личности, пытаясь раскрыть ее корни и причины в контексте психоаналитической теории.

Отечественные психологи также уделяли внимание изучению ревности: патопсихология поведения человека, психология личности. Но в большинстве работ вышеупомянутых авторов приводятся скорее отдельные наблюдения, теоретические разработки о ревности, но не эмпирические исследования.

К сожалению, в современной науке психологический механизм возникновения чувства ревности изучен недостаточно. В некотором смысле пониманию этого явления помогает теория российского физиолога А.А. Ухтомского о доминанте – наличии устойчивого очага повышенной возбудимости, который притягивает к себе волны возбуждения из самых разных источников и способен под их влиянием накапливать и еще больше усиливать свое возбуждение. При ревности этот центр собирает различные мелочи – например, незначительные задержки на работе, случайные жесты или слова в компании друзей, давно забытые детские увлечения и т.д. – для обвинения партнера или самого себя. Постоянное чувство недоверия и злости, сопровождающее ревность, может привести к желанию разрушать, а не строить, что ставит отношения под угрозу [3].

Поскольку точного научного определения ревности нет, ревность рассматривают как защитную реакцию на любую угрозу прекращения отношений, поведенческий, когнитивный и эмоциональный ответ на угрозу прекращения отношений. Общим для всех является то, что присутствует треугольник в отношениях и угроза отношениям [5]. Т.В Андреева выделяет различные взгляды на ревность в отношениях между мужчиной и женщиной, в которых делается акцент на положительные или отрицательные стороны этого явления.

1. Ревность – это составная часть половой любви, интимной дружбы, она говорит о силе влечения.

2. Ревность как эмоция, не присущая любви, как тень в отношениях людей.

3. Ревность – это эгоизм в половых отношениях.

Ученые делят ревность на компоненты – эмоциональный, когнитивный и поведенческий. По мнению Риделла и Брингла, реактивная разновидность представляет эмоциональный компонент ревности, а подозрительная – ее когнитивный и поведенческий элементы [6].

Концепция ревности как эмоциональной реакции была разработана Уайтом, который представил концептуальный анализ, согласно которому ревность состоит из трех компонентов: когнитивного, эмоционального и поведенческого. По мнению Уайта, когнитивный аспект ревности проявляется, когда человек осознает угрозу своим романтическим отношениям. В ответ на эту угрозу возникают негативные эмоции, и тогда человек прибегает к стратегиям совладания (поведенческий компонент), направленным на устранение этих угроз, что, в свою очередь, снижает негативный эмоциональный компонент. Таким образом, Уайт придерживается идеи, предложенной Лазарусом, о том, что когнитивная оценка порождает эмоциональные реакции, которые, в свою очередь, вызывают определенные модели поведения, направленные на преодоление угрозы. Теория Уайта, по сути, является рациональной моделью: эмоции всегда следуют за когнитивной оценкой угрозы.

Пфайффер и Вонг согласны с идеей Уайта в том, что ревность имеет множество аспектов, но выделяют несколько отличий от теории последнего. Во-первых, они согласны с тем, что эмоции чаще всего возникают после когнитивной оценки ситуации, но они также утверждают, что ревность может быть вызвана в ответ на определенные стимулы. Например, разведенная женщина, которая утверждает, что счастлива в новом браке, все равно может

испытывать ревность, когда видит бывшего мужа с другой женщиной. Это говорит о том, что ревность может возникать даже без реальной угрозы отношениям. Во-вторых, что касается когнитивной ревности, то Уайт фокусируется на оценке конкретной ситуации, тогда как Пфайффер и Вонг подчеркивают наличие параноидальных переживаний и подозрений в неверности партнера. Эти подозрения могут возникать не только в ответ на реальную угрозу, но и из-за вымышленных опасностей, связанных с появлением конкурентов. В-третьих, Уайт рассматривает ревнивое поведение как стратегию преодоления эмоционального дистресса, а Пфайффер и Вонг определяют его как защитные меры, предпринимаемые в ответ на появление конкурентов в отношениях, реальных или воображаемых. Эти меры могут включать в себя допросы, проверку партнера и обыск его вещей [7].

Каждый из компонентов ревности в модели Пфайффера и Вонга может охватывать как патологическую ревность, так и нормальную ревность. Нормальная ревность следует за оценкой реальной угрозы и влечет за собой некоторую степень эмоционального дистресса, патологическая ревность может повлечь за собой параноидальную подозрительность, высокую степень эмоционального дистресса и привести к различным негативным последствиям. По статистике, женщины проявляют больше ревности в присутствии физически более привлекательной соперницы, а мужчины – в присутствии более престижного в социальном плане соперника. Женская ревность в большей степени связана со сравнением себя с соперницей. Это приводит к усилению ревности у женщин с низкой привлекательностью, в то время как женщины с высокой привлекательностью начинают ревновать только при встрече с привлекательной соперницей, представляющей реальную угрозу. Мужчины предпочитают использовать ограничение контактов партнера с потенциальными соперниками или насилие, в то время как женщины стараются улучшить свою внешность или отдалиться от партнера. В основе таких разных реакций лежат не только различные роли партнеров в репродуктивном процессе, но и процессы атрибуции чувств и действий каждого из них, которые, в свою очередь, зависят от социальных норм, образцов и ожиданий [8].

Существуют различные основания для классификации феномена ревности.

По типу возникновения ревность делится на два типа:

1. Обратная ревность; проистекает из личных наклонностей ревнивца к измене, независимо от того, осуществил ли он свои желания или нет. Когда подобные мысли возникают, ревнивцу кажется, что его партнер также имеет подобные намерения. Этот тип ревности обычно возникает на фоне угасшей любви.

2. Привитая ревность; формируется под воздействием жизненного опыта. Примеры измен собственных родителей, друзей, коллег, а также влияние книг, фильмов могут создать у некоторых людей впечатление, что измена является общим явлением. Часто источником этого типа ревности становятся анекдоты, шутки окружающих или, еще хуже, поведение сексуального партнера. Тема половых отношений и супружеской неверности почему-то всегда привлекает людей, желающих обсудить и оценить это [3].

А. Липпиус в книге «Игры для взрослых» приводит три типа ревности:

1. ревность – норма;
2. ревность – характер;
3. ревность – болезнь

Также ревность можно разделить на внешнюю и внутреннюю. Внешняя ревность – одна из самых распространенных форм, которая проявляется в скандалах, криках, эмоциональных всплесках и формулировании требований. Внутренняя ревность – это взрыв негативных эмоций, который происходит внутри человека, без видимых внешних признаков. Преодолеть внутреннюю ревность крайне сложно, ведь негативные эмоции остаются внутри, не выходя из головы, ожидая подходящего момента.

Понимание и осознание основных причин возникновения чувства ревности дает возможность упростить социальную сторону жизни человека, справиться с психологическими проблемами, наладить и сохранить отношения с партнером. Часто причинами ревности считают неуверенность в себе или низкую самооценку, но причин ревности гораздо больше. Их можно разделить на две группы. К первой будут относиться личностные особенности, связанные с внутренними детерминантами человека:

1. Личностные особенности того, кто ревнует – к таким можно отнести пренебрежение партнером, недоверие, зависимость и созависимость от партнера, повышенное чувство собственности, страх потери.

2. Дисфункциональные внутрисемейные отношения – при частых физических наказаниях у ребенка чувство любви смешивается с чувством страха и в будущем он становится ревнивцем.

3. Модели, нормы и убеждения самого индивида.

Ко второй – причины, связанные с внешними детерминантами:

1. Ревность как следствие нескольких обманов и предательств в прошлом.

2. Желание быть лучше всех – человек ревнует, потому что считает себя не лучше всех и поэтому партнер может уйти к другому человеку.

3. Ревность от страха одиночества.

4. Ревность от лени.

Чаще всего внимание общественности привлекают крайние формы ревности, которые можно отнести к бредовым или патологическим. Но не всегда легко отличить здоровую ревность от болезненной, беспочвенной, патологической, бредовой. Нормальная ревность может быть скорректирована с помощью психотерапии с учетом индивидуальных особенностей личности и ее развития, патологическая ревность часто не исчезает даже после нескольких сеансов психотерапии, требуя применения психофармакологических методов лечения. Патологической ревностью можно считать такую, при которой, с точки зрения ревнивца, есть все основания для ревности, но проявления этой ревности неадекватны и неконтролируемы, их также можно назвать неуравновешенными. Сюда же относятся ситуации, когда объективных оснований для ревности нет, но человек все равно придумывает поводы [9]. Бредовая ревность, также известная как синдром Отелло. Этот синдром связан с убеждением, что супруг или любовник/любовница неверны. Люди с такой ревностью часто выдвигают обвинения в неверности против своего партнера, основываясь на незначительных событиях. Они могут тратить значительные усилия на проверку верности партнера и наблюдать за его поведением в течение длительного времени. Такая ревность часто сопровождается насилием, а в более легких случаях – тревогой и негативизмом. Она может быть симптомом серьезных психических расстройств, таких как шизофрения или параноидальное расстройство. Этот тип ревности чаще встречается у мужчин, хотя не зависит от их сексуальной ориентации [10].

Выводы

Феномен ревности является достаточно сложным и малоизученным в рамках психологии. В первую очередь это связано расхождениями во мнениях многих авторов. Единственное, в чем большинство авторов сходится, это то, что ревность тесно связана с такими явлениями, как страх, неуверенность в себе, недоверие и даже зависть. Таким образом, ревность можно определить как особое эмоциональное состояние, форму тревоги, которое происходит от недостатка уверенности в привязанности партнера или же вследствие возникновения потенциальной угрозы потери важных отношений с другим человеком.

Поскольку ревность приносит много хлопот не только ревнивцу, но и жертве ревности, можно с уверенностью утверждать, что ревность – это неприятное болезненное чувство, разрушающее отношения, причем ревнивцы превращают в кошмар не только собственную жизнь, но и жизнь того, кого они ревнуют.

Библиографический список

1. Федусенко А.В. Социально-психологические детерминанты представлений о ревности // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика. 2018. Т. 18, № 3. С. 319–325.
2. Гиппенрейтер Ю.Б., Фаликман М.В. Психология мотивации и эмоций. Хрестоматия по психологии. М.: АСТ, 2009. 701 с.
3. Султанова Е. Психология ревности: Кур. раб. 2011. URL: https://studentlib.com/chitat/kursovaaya_rabota_teoriya-36135-vliyanie_vnutrichnostnogo_konflikta_na_vozniknovenie_revnosti_v_mezhlichnostnyh_otnosheniyah.html (дата обращения: 01.07.2024).
4. Гаранян Н.Г., Серебряная А.В. Ревность и дисфункциональные когнитивные схемы // Консультативная психология и психотерапия. 2013. №1. С. 20–41.
5. Вишняков А.И., Райлян Е.Ю. Гендерные и возрастные особенности проявления ревности // АНИ: педагогика и психология. 2016. Т. 5, № 4(17). С. 317–319.
6. Бреслав Г.М. Ревность в любовных отношениях в среднем возрасте: спасение или разрушение? // Национальный психологический журнал. 2016. № 2(22). С. 38–49.
7. Susan M. Pfeiffer, Paul T.P. Wong Multidimensional Jealousy // Journal of Social and Personal Relationships. 1989. Vol. 6(2). P. 181–196.
8. Бреслав Г.М., Тимощенко Ю.В. Полезна ли ревность в партнерских отношениях? // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2019. № 2. С. 27–46.
9. Ганпанцурова О.Б., Васина Е.В., Огнева А.В. Здоровая и патологическая ревность // Международный научно-практический и методический журнал «СМАЛЬТА». 2006. № 6. С. 17–19.
10. Бреслав Г.М. Любовь и Ревность: враги или друзья? // CommunicatoR. 2008. №1/2. С. 178–181.

ФИЛОСОФИЯ

УДК 130.2

EDN XDAXGL

Бабенцев Денис Николаевич,
аспирант кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
babencev97@yandex.ru
SPIN-код: 1191-2320

БУДУЩЕЕ ХРИСТИАНСТВА КАК МИРОВОЙ РЕЛИГИИ

В статье предложена новая концептуальная схема для анализа будущего христианства. Будущее христианства в ней рассматривается во всемирно-исторической перспективе, показаны причины возникновения христианства, история его становления, а также те тенденции в его эволюции, которые присущи во второй половине XX – первой четверти XXI вв. Подчеркивается, что во всемирно-исторической перспективе только экуменизм является наиболее подходящим для христианства будущим. При анализе будущего христианства как мировой религии используется диалектический метод. В соответствии с используемым методом выработывается новая периодизация истории христианства, в которой период раннего христианства соответствует «тезису»; период разделенного христианства, который условно продолжается с рубежа III–IV вв. до рубежа XIX–XX вв., соответствует «антитезису»; будущий период христианства, который соответствует «синтезу», еще не наступил. В период, соответствующий «синтезу», экуменизм снимает в себе различия между христианскими конфессиями. Новый этап должен включать все христианские церкви и объединения во всем их конфессиональном многообразии, образуя принципиально новый не только церковный, но и новый христианский синтез, который будет содержать всю предшествующую историю христианства, сохраняя все положительные ее аспекты. В конце статьи тезисно обозначается, что данная концептуальная схема дает в эвристическом плане относительно текущего положения христианства в мире и относительно его будущего.

Ключевые слова: религия, христианство, история христианства, современное положение христианства, будущее христианства, христианское единство, экуменизм.

Ссылка для цитирования: Бабенцев Д.Н. Будущее христианства как мировой религии // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 74–83. EDN XDAXGL

Denis N. Babentsev

PhD Student of the Department of Philosophy
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
babencev97@yandex.ru
SPIN-код: 1191-2320

THE FUTURE OF CHRISTIANITY AS A WORLD RELIGION

The article proposes a new conceptual framework for analyzing the future of Christianity. It examines the future of Christianity in a world-historical perspective, shows the causes of the emergence of Christianity, the history of its formation, as well as those trends in its evolution that are inherent in it in the second half of the XX - first quarter of the XXI centuries. It is emphasized that in the world-historical perspective, only ecumenism is the most suitable future for Christianity. When analyzing the future of Christianity as a world religion, a dialectical method is used. In accordance with the method used, a new periodization of the history of Christianity is being developed, in which the period of early Christianity corresponds to the "thesis", the period of divided Christianity, which, conditionally, lasts from the turn of the III-IV centuries to the turn of the XIX-XX centuries, corresponds to the "antithesis", and the future period of Christianity, which corresponds to the "synthesis", still It did not come. During the period corresponding to the "synthesis", ecumenism removes the differences between Christian denominations. The new stage should include all Christian churches and associations in all their confessional diversity, forming a fundamentally new not only ecclesiastical, but also a new Christian synthesis that will contain the entire previous history of Christianity, preserving all its positive aspects. At the end of the article, the thesis indicates what this conceptual scheme provides in heuristic terms regarding the current position of Christianity in the world and its future.

Keywords: postmodernism, uncanny/ Unheimlich, existential homelessness, existential fear / Angst, rhizome, simulacrum.

For citation: Babentsev D.N. [The Future of Christianity as a World Religion]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 74–83 (In Russian), EDN XDAXGL

«Да будут все едино» (Ин. 17:21)

Христианство является одним из наиболее удивительных явлений в мировой истории. Зародившись в первой половине I в. н. э. в Палестине в виде небольшой общины, оно, в XXI веке, несмотря на несколько утраченные позиции в своих исконных местах доминирования, продолжает оставаться внушительной силой в глобальном мире, обладая не только культурным, но и политическим влиянием.

Поэтому проблема будущего христианства как мировой религии может представлять особый интерес для исследователей. В литературе имеется несколько попыток спрогнозировать будущее христианства, однако они не выходят за рамки прогноза середины XXI века и обсуждения отдельных проблем, которые присущи современному христианству. В числе таких попыток можно назвать работы Х. Йонаса [1], Архим. П.Г. Стефанова [2] и И.Б. Меца [3]. Мы, не вступая в полемику с этими авторами, попытаемся предложить свое видение будущего христианства во всемирно-историческом рассмотрении. Очевидно, что предпринимая попытку формулировки новой концептуальной схемы будущего христианства, мы начинаем рассматривать тему, относительно которой написаны многие тысячи работ, предложено множество различных точек зрения, которые иногда опираются на противоположные осно-

вания. Сама распространенность христианства, влияние христианства на культуру человечества делают эту тему чрезвычайно живой для множества людей. Эта живость восприятия христианства создает дополнительные сложности при анализе не только будущего этой религии, но и современного ее состояния. Кроме того, разделенность христианства, не преодоленная и поныне, способствует формированию самых различных точек зрения относительно будущего этой религии. То, что предлагаем в данной статье мы, лишь попытка нового взгляда на старую тему. С нашей точкой зрения, можно и даже, возможно, нужно спорить. Причем с различных позиций. Мы не ставили своей задачей представить детальный обзор истории и будущего христианства, мы лишь попытались представить новый *общий взгляд* относительно будущего христианства как мировой религии. Однако, как нам кажется, наша позиция может выдержать критику. Кроме того, она способна к дальнейшему концептуальному углублению и способна предоставить новые ключи не только относительно будущего христианства, но и его современного положения и даже его прошлого.

Христианство, возникнув во время перехода от одного типа общества к другому, подчеркивает социальную и духовную незащищенность отдельного человека. По-видимому, сама вера в Иисуса Христа, в Господа, принявшего позорную смерть на кресте, накладывает огромный отпечаток на христианское ориентирование в мире. Вследствие этого христианство может получать живой отклик и распространение в тех регионах, в которых используется политическое насилие, наличествует правовое бесправие большинства населения, присутствует экономическое угнетение, отсутствуют культурные традиции, а также наличествует банальное неуважение к чести и достоинству человека.

Христианство, будучи религией откровения, обращается к *экзистенциальной ситуации* каждого человека независимо от его пола, расовой или национальной принадлежности. А современная ситуация беспрецедентного развития сетей коммуникации и перемещения людей создает все условия для того, чтобы каждый человек мог воспринять весть Евангелия.

Что же касается истории становления христианства, то, не претендуя на исчерпывающую периодизацию истории христианства, будет уместно в рамках данной работы *обозначить наиболее общие периоды в развитии христианства*. Представленная ниже попытка дать историю христианства опирается не только на данные собственно истории христианской церкви, но и на значительные мировые события, которые самым непосредственным образом повлияли как на мир, так и на само христианство. Данный подход к изложению отличается тем преимуществом, что в нем история христианства и история мира не разрываются, они взаимопереплетены и опираются друг на друга.

1) *Первый период* (сер. I в. н. э. – 313 г.). В данный исторический период христианство, зародившись в первой половине I в. н. э. в Палестине, стало чрезвычайно быстро распространяться по территории Средиземноморья. Особенности этого положения в истории христианства состояли в том, что христианские общины не были связаны с государственной властью; напротив, христианство долгое время оставалось маргинальной религией, в нем отсутствовал официальный институт монашества, а если монашеские общины и существовали, то они были крайне немногочисленными. Это положение христиан продолжалось вплоть до прихода к власти императора Константина, выпустившего Миланский эдикт, в котором провозглашался легальный статус христианской религии.

2) *Второй период* (313 г. – 1054 г.). Этот период характеризуется радикальным изменением взаимоотношений между христианской церковью и римской государственной властью, а также последующими взаимоотношениями между христианской церковью и государством, которые были различными на Западе и Востоке. В этот период происходит оформление положений христианского вероучения, осуществленное на первых двух Вселенских Соборах, на которых был принят Никейско-Константинопольский символ веры. Также особенностью данного периода является возникновение института монашества. Этот период продолжался вплоть до 1054 г., когда произошла окончательная схизма между христианским Западом и христианским Востоком.

3) *Третий период* (1054 – 1945). Начиная с 1054 г., христианская церковь окончательно утратила свое единство. С этого времени христианство разделилось на две главные конфессии – католичество и православие. Начиная с 1517 г., уже в рамках европейского христианства возник внутренний раскол. Этот раскол не только не преодолен в настоящее время, но и значительно усилился, ведь даже исторические протестантские церкви неоднократно раскалывались, образуя новые христианские деноминации. Также, начиная с рубежа XV–XVI вв., т.е. во время великих географических открытий, происходит первый за многие столетия выход христианства за пределы Старого Света. Положения христианства, распространяясь в новой культурной среде, неизбежно подвергались слиянию с местными культурами и верованиями, которые господствовали у коренного населения.

4) *Четвертый период* (1945 – настоящее время). Очевидно, что после Второй Мировой войны христианство больше не могло быть прежним, особенно после Освенцима. Год окончания войны – 1945 год – изменил многое. В случае же с христианством, то оно, судя по всему, осознало свою связанность с этим миром и свою ответственность за него. Именно с 1945 года начинается современное положение христианства.

Важные выводы, которые, на наш взгляд, необходимо сделать, проведя беглый обзор истории христианства: 1) христианство некогда было единым течением, не разделенным догматическими положениями. 2) Христианство на протяжении первых веков своего существования практически не имело официальных отношений с государственной властью, долгое время было гонимой религией. 3) В христианстве в первые века его существования не было института монашества. 4) Христианство за прошедшие две тысячи лет вступало во взаимодействие с самыми разными народами на самых разных этапах развития, это дает основания для вывода о том, что христианство нельзя отождествлять ни с каким общественно-политическим или экономическим строем, что оно может существовать в любом из ныне известных обществ.

Кратко освещая современное положение христианства, нужно обозначить общие тенденции развития христианства во второй половине XX – первой четверти XXI века:

1. Глобальность христианства. Мир в конце XX – начале XXI века представляет собой единую глобальную систему, части которой связаны между собой по всем сферам жизни общества. Наличие международных коммуникационных потоков, которые порождают не только феномен массовой миграции населения, но и совершенно новую форму международного существования и распространения культурных символов, образов и знаков, создает беспрецедентную ситуацию в истории человечества. Каждый элемент этой сложнейшей системы связан с другим множеством связей, создавая уникальное «глокальное» (Ульрих Бек) положение различных событий, культурных символов, не говоря уже об индивидах и группах, когда определенное локальное действие или бездействие способно оказывать влияние на положение тех или иных индивидов и групп, территориально расположенных совершенно в другом месте. В силу этого обстоятельства, христианство уходит из традиционных мест своего распространения, а также получает распространение в тех местах, где его никогда ранее не было. Христианство укореняется в новой для себя культурно-исторической среде и под ее влиянием изменяет свою форму. Наблюдается быстрый рост христианских общин в тех странах, где преобладающей религией на протяжении столетий были буддизм, индуизм, конфуцианство, местные культы или шаманские практики. К примеру, как известно, христианство в большинстве своем уже ушло из Европы. В то же время имеются данные об анклав католиков в Гоа на западном побережье Индии [4, с. 391–392], о русских старообрядцах в Латинской Америке [5].

2. Изменение географии распространения христианства. В современном мире, мире второй половины XX – начала XXI века, христианство перемещается в страны глобального Юга. Центрами мирового христианства сегодня являются не такие города, как Нью-Йорк, Париж, Берлин или Лондон, а такие города, как Буэнос-Айрос, Рио-де-Жанейро в Южной Америке; Лагос, Киншаса и Йоханесбург в Африке; Сеул в Азии.

Данный фактор в современном христианстве признают как отечественные исследователи, к примеру, Степанова [6, с. 88] и Данненберг [7, с. 17], так и зарубежные исследователи [2, с. 22].

В связи с этим изменением, в литературе высказывается точка зрения, что перемещение христианства в страны второго и третьего мира свидетельствует не только о его распространении на новые территории, но и о *маргинализации* с точки зрения его цивилизационно-культурной исчерпанности. Выполнив свою историческую миссию в западном мире, оно не отвечает больше требованиям развития и вытесняется на планетарную периферию, становясь религией наиболее отсталых регионов [1, с. 17].

3. Постепенное стирание различий между христианскими конфессиями. В силу произошедших за XX век изменений и своего глобального положения, между отдельными христианами, а также отдельными христианскими церквями начинают постепенно стираться вековые границы. «Разделённые христиане теперь относятся друг к другу не как чужаки, конкуренты или даже враги, но как братья и сёстры. Они во многом избавились от бывшего недостатка понимания, недоразумений, предрассудков и безразличия, вместе молятся и вместе свидетельствуют о своей общей вере, во многих сферах с полным

доверием сотрудничают. Они на опыте узнали, что «то, что нас объединяет, гораздо больше того, что нас разделяет». Такую перемену невозможно было даже представить всего полстолетия назад; желать возвращения тех времён означает подвергаться опасности быть покинутым не только всеми добрыми духами, но и Святым Духом. Ибо это Святой Дух напоминает нам, что Иисус хотел одной Церкви и что накануне Своей смерти Он молился: «Да будут все едино» (Ин. 17:21) [8, 20–21].

Теперь, обозначив наиболее общие тенденции эволюции христианства в современном мире, нам необходимо перейти к рассмотрению вопроса о будущем христианства.

Сразу скажем, что наша исследовательская позиция больше всего тяготеет именно к экуменизму, т.к. мы считаем его единственным серьезным вариантом для будущего христианства не только в ближайшем времени, но и во всемирно-исторической перспективе. Если христианство не будет единым, то оно не сможет адекватно выполнять свою миссию – исповедовать и распространять Евангелие Иисуса Христа в глобальном мире. Ни одна церковь или сообщество церквей не справится с этой задачей.

Для того, чтобы ответить на вопрос о будущем христианства как мировой религии, необходимо рассмотреть не только положение христианства в XXI веке, но и выяснить причины его возникновения и историю его становления.

Также следует оговориться, что нельзя, по нашему мнению, при ответе на вопрос о будущем христианства как мировой религии просто сослаться на сложность общественных явлений и процессов, на непредсказуемость и противоречивость истории. Очевидно, что за две тысячи лет своего существования христианство определенно проявило свою сущность, что делает попытку анализа его будущего именно *как мировой религии* реальным. Для философского анализа сложность общественной жизни не представляет непреодолимого препятствия.

При данном анализе мы будем руководствоваться диалектическим методом. Как известно, в теории диалектики выделяют триаду: тезис–антитезис–синтез. Выделение подобной триады и применение ее к анализу будущего христианства предполагает выработку новой периодизации истории христианства, которая будет соответствовать триаде. Новая периодизация истории христианства не противоречит той периодизации, которую мы сформулировали в начале работы. Эти две периодизации взаимно проникают и дополняют друг друга. В новой периодизации тот или иной период в истории христианства не может быть точно установлен. Он не может быть сведен к конкретной дате или событию в связи со сложностью исторического процесса, который выражается в совокупности множества волеизъявлений, перемещении исторических детерминант разного порядка, через которые и проявляется сущность и противоречивость исторического процесса.

Так, первый период, который, по нашему мнению, соответствует периоду раннего христианства, можно определить как «тезис». Второй период в истории христианства, который соответствует «антитезису» и для которого очень трудно определить его начало и конец, относится, вероятно, к наиболее большому периоду в истории христианства. Третий же период в истории христианства, который соответствовал бы «синтезу», еще не наступил.

Между каждым выделенными периодами лежит переходный этап, в котором, в силу исторических обстоятельств, может осуществляться как прогресс, так и регресс. Диалектическая пара категорий, которая берется за основу в этом анализе, является пара «единство и различие». В переходном периоде, когда отсутствует определенность, на первый план может выходить то единство, то различие.

Первый период в истории христианства, конец которого мы определили 313 годом, в этой периодизации не может быть сведен к конкретной дате. В данный период своей истории христианство было гонимой религией, отсутствовал институт монашества, участие христиан в боевых действиях было лишь эпизодическим и во многом случайным, христианство было распространено преимущественно на территории Римской империи и сопредельных регионах. Исходя из нашей новой классификации, конец этого первого периода примерно соответствует рубежу III–IV вв. Очевидно, что к концу III века христианство стало на территории Римской империи такой силой, с которой уже нельзя было не считаться. На рубеже III–IV вв. начинается постепенный процесс интеграции римского государства и христианства. Этот процесс выражался в инициативах отдельных императоров, начале службы христиан в римских войсках, занятии христианами отдельных государственных постов, а также общим распространением христианства среди римских граждан. Для этого периода характерно преобладание единства над различиями. Все-таки христианство в доконстантиновскую эпоху было единым в большей степени, чем в послеконстантиновскую. Однако и в раннем христианстве, несмотря на единую веру, среди христиан существовали разногласия по некоторым вопросам. О некоторых из этих разногласий можно прочесть еще в посланиях апостола Павла. «Ибо от домашних Хлоиных сделалось мне известным о вас, братия мои, что между вами есть споры. Я разумею то, что у вас говорят: “я Павлов”; “я Аполлосов”; “я Кифин”; “а я Христов”. Разве разделился Христос? Разве Павел распялся за вас? Или во имя Павла вы крестились?» (1 Кор. 1:11-13). Впрочем, ситуация для христианства на рубеже III–IV вв. оставалась достаточно сложной. Так, в начале IV века произошло, пожалуй, самое суровое гонение на христиан в Римской империи, которое происходило с 303 по 313 годы. И даже после опубликования Миланского эдикта, в частности, после смерти императора Константина при его соправителе императоре Лицинии в 320-324 гг. происходили гонения на христиан. Последней же крупной попыткой остановить распространение христианства в Римской империи было время правления Юлиана Отступника, в период правления которого, с 361 по 363 гг., также происходили гонения. Окончательно же христианство утвердилось на большей части территории Римской империи только при императоре Феодосии I. Таким образом, то, что начало происходить на рубеже III–IV вв., можно интерпретировать как начало перехода христианства в свою противоположность, которая во многих аспектах отличается от первого периода в истории христианства – периода раннего христианства.

Во второй период своей истории, начало перехода к которому приходится на рубеж III–IV вв. и которое является отрицанием первого периода, христианство постепенно движется от своего первоначального единства в сторону все большего разделения. Эти разделения были вызваны не только догматическими различиями, но и историческими причинами, политической борьбой тех или иных церквей за власть в том или ином регионе и т.д. Если в христианстве первого периода единство преобладало над различиями, то в христианстве второго периода, напротив, различия преобладают над единством. Христианству IV века хватило сил собраться на первые Вселенские соборы и сформулировать основные вероучительные формулы, но это, в свою очередь, привело лишь к новым разделениям. Различия в этот период носят самый разнообразный характер. Они могут касаться не только догматических по-

ложений, но и различий в церковной организации, литургической практике, используемых символах. Различия, особенно на высшей стадии второго периода, воспринимаются как абсолютные. Кульминацией этого процесса можно считать схизму 1054 г., когда прежде единое христианство разделилось на католичество и православие. Реформация, начавшаяся в 1517 г., положившая начало религиозных войн и во многом углубившая разделение христианства в Европе, стала продолжением этого процесса. Действительно, такое событие, например, как Варфоломеевская ночь, было просто невысказанным в эпоху раннего христианства. В этом отношении заключение Вестфальского мира, положившего конец религиозным войнам в Европе, было шагом вперед к христианскому единству. Разделение христианства, положенное Реформацией, было сохранено, но было установлено положение относительной веротерпимости. Крупное разделение можно найти и в истории церкви в России. Так, реформа патриарха Никона, проведенная в XVII веке, положила начало расколу православной церкви в России, который не преодолен до сих пор. Для второго большого этапа в истории христианства, продолжительность которого, по нашему мнению, еще достаточно сложно установить, характерно сотрудничество, а где-то и слияние церковных структур и государства, возникновение института монашества, участие церковных институтов и обычных христиан в военных кампаниях, деятельность репрессивных органов, которые преследовали за инакомыслие, начало распространения христианства в других частях света и т.д. Но это не значит, что в этот период не было стремления к единству. Память о былом единстве никогда полностью не исчезала из христианства. Это стремление проявлялось в неоднократных попытках восстановить былое общение путем различных дипломатических визитов, различных соборов (Второй Лионский собор), подписаний различных уний (Ферраро-Флорентийская уния) или просто попыткой восстановления утраченного единства путем завоевания (взятие крестомосцами Константинополя в 1204 г.).

Начало перехода к новому этапу христианства начинается, судя по всему, на рубеже XIX–XX вв., когда зарождается современное экуменическое движение. Это представление может выдержать критику. В литературе начало современного экуменического движения достаточно точно определено – это 1910 г., когда собралась первая экуменическая конференция в Эдинбурге [8, с. 46–47]. Очевидно, для того чтобы собраться на какую-то официальную встречу, необходимо, чтобы идеи экуменизма стали появляться в общественном сознании того времени. Это могло выражаться в неформальных встречах между представителями разных конфессий, в частных и публичных дискуссиях, в средствах массовой информации, книгах и т.д. Впрочем, данное положение, что современное христианство зарождается на рубеже XIX–XX вв., не является исключительно авторской идеей, оно выражено в современной научной литературе [9, с. 118].

Текущий этап в истории христианства можно назвать переходным. В настоящее время осуществляется один большой переход к новому этапу в истории христианства. Очень сложно сказать, когда именно он начнется, но элементы нового христианства, элементы новой единой церкви существуют уже сейчас. Эти элементы, по нашему мнению, существуют в современном экуменическом движении.

Учитывая динамику современных общественных процессов, которую отмечают многие исследователи [10, с. 32–33], данный переход к новому этапу может быть значительно короче, чем предыдущий, который произошел от первого этапа ко второму и который занял не одно столетие. Экуменизм снимает в себе различия между христианскими конфессиями. Новый этап должен включать все христианские церкви и объединения во всем их конфессиональном многообразии, образуя принципиально новый не только церковный, но и христианский синтез, который будет содержать всю предшествующую историю христианства, сохраняя все положительные ее аспекты.

В новый период эволюции христианства, который является отрицанием второго периода, происходит отрицание отрицания. Христианство, обогатившись всеми созданными элементами в процессе многовекового разделения, будет представлять собой качественно новое

явление. Новый период эволюции христианства в большей степени будет походить на первый период в истории христианства, чем на второй. Это означает, что единство будет иметь большее значение, чем те или иные различия. Новый период будет больше походить на период раннего христианства, чем на период разделенного христианства. И в литературе также имеются подобные наблюдения, что современное христианство, особенно в странах, где оно приобретает широкое распространение только в современную эпоху, сильно походит на раннее христианство [6, с. 92–93].

Какие же выводы, прежде всего практические, следуют из этих положений? По нашему мнению, отсюда следует, что христианам необходимо продолжать диалог друг с другом. Каждый шаг, направленный навстречу друг другу, шаг, который оказывается выше конфессиональных разделений между христианами, способствует складыванию нового этапа христианства. Поэтому христианам, хотя бы на личном уровне, следует стремиться к максимально возможному взаимодействию, находя общие точки соприкосновения.

Кроме того, вероятнее всего, дальнейшая судьба экуменического движения, а следовательно, и дальнейшая судьба христианства, теснейшим образом связана с развитием демократических традиций. Так, Г. Кюнг в книге «Церковь» выражает точку зрения относительно того, что объединение церквей невозможно путем применения насилия. Единение церквей, по его мнению, вообще не может состояться постановлением сверху, но должно расти внутри самих христианских общин. Поэтому единение христиан зависит от проявления терпения и уважения друг к другу [11, с. 390–391]. По нашему мнению, в этой мысли Г. Кюнга имеется немало истины, и современное христианство должно обратить на нее внимание.

В отечественном обществоведении достаточно распространен марксистский взгляд на будущее религии, который заключается в постепенном отмирании последней. Сохраняя исследовательскую честность, мы не можем не признать силу этой позиции. Действительно, возможно, с исчезновением определенных материальных и социальных факторов, которые способствуют воспроизведению религии, она действительно прекратит свое существование. Однако, по нашему мнению, это не отменяет всех наших предшествующих рассуждений. Конечно, мы не можем исключать, что христианство в будущем прекратит свое существование. Множества религий, которые играли видную роль в прошлом и которые беспокоили сердца и души людей, больше нет. Но христианство не может исчезнуть, не реализовав весь свой потенциал. О большом потенциале христианства и о сохранившихся в нем внутренних силах может свидетельствовать активное распространение христианства на современном этапе в тех регионах мира, в которых его никогда ранее не было. В качестве примера здесь можно привести юг Африки [12] и Южную Корею [13]. Выполнив свою историческую задачу в Европе, христианство начинает распространяться в других регионах, зачастую способствуя развитию национального самосознания, развитию культурных традиций и эмансипации местного населения в самых различных сферах. Более того, по мнению Х. Йонаса, мы сегодня являемся свидетелями невиданного распространения христианства в истории [1, с. 85–86]. Следовательно, христианство *может* исчезнуть, но перед этим оно *должно* объединиться и какое-то время просуществовать в новом состоянии. Таким образом, ростки нового христианства наиболее заметны в тех странах, в которых христианство получило свое распространение лишь совсем недавно. Именно в этих странах, относящихся в большинстве своем к глобальному Югу, среди которых наибольшее исключение в силу своего экономического благосостояния составляет, пожалуй, Южная Корея, зародится новое христианство.

Кроме того, как нам представляется, что именно сегодня, в начале XXI века, христианство может действительно стать мировой религией. Великие географические открытия, в результате которых был открыт морской путь в Азию и открыт Новый Свет, положили начало выходу христианства за пределы Европы. Современные же технологии и средства коммуникации, обеспечившие невообразимую связь между различными регионами мира, делают христианскую весть доступной для большей части ныне живущих людей, что приводит к появлению христиан почти в каждом регионе земного шара. Таким образом, христианство на

современном этапе способствует не только дальнейшему развитию культуры человечества, обогащаясь самыми различными местными культурами, но и объединению людей самых различных культур в единую человеческую общность. И, может быть, когда-нибудь эта общность будет обладать единством не только в общечеловеческом смысле, но и в конфессиональном.

Также не нужно думать, что применение диалектического метода к анализу истории и будущего христианства является механическим и исключительно искусственным. История христианства в XX веке убедительно продемонстрировала, что вековые разделения могут быть, если и не преодолены окончательно, то в значительной степени сглажены. Так, помимо возникновения экуменического движения в начале XX века, можно назвать появление первых экуменических монастырей; мы, конечно же, имеем в виду монастыри в Шеветоне [14, с. 326], Бозе и Тезе, в которых не проводятся различия между христианскими конфессиями. В 1948 г. был создан Всемирный совет церквей (ВСЦ), который стал важной площадкой для диалога между большей частью христианских конфессий. В 1965 г., в последний день работы Второго Ватиканского собора, папа римский Павел VI и константинопольский патриарх Афинагор сняли взаимные анафемы 1054 г., что положило начало преодолений разногласий между католичеством и православием. В 1971 г. на Поместном соборе РПЦ были сняты анафемы относительно сторонников старого обряда, которые были наложены в 1666–1667 гг. Московским собором. В 1999 г. была подписана «Совместная декларация по доктрине оправдания» между Католической церковью и Международной Лютеранской Федерацией, в результате которой между католиками и лютеранами больше нет различий в понимании искупления [8, с. 33]. Наконец, в начале XXI века произошло объединение между РПЦ и РПЦЗ. Все эти факты свидетельствуют о том, что христианство в конце XX – начале XXI в. является более единым, чем в течение не только последних нескольких столетий, но и, возможно, за последнее тысячелетие. Возможно, сегодня экуменическое движение находится в кризисе, но основное направление эволюции христианства понятно.

Даже если христианство и станет маргинальной религией, то это, исходя из всемирно-исторического рассмотрения, лишь временный период, который будет рано или поздно преодолен.

Конечной целью экуменического движения является не только духовное, но и зримое единство Церкви [там же, с. 61]. Вообще, относительно конкретного будущего экуменического движения и конкретных шагов по сближению разных христианских конфессий христианские авторы не говорят почти ничего конкретного. Воспроизводя логику рассуждения Вальтера Каспера, можно сказать, что «будущую экуменическую составляющую Церкви невозможно конкретно определить заранее. Мы не можем составить расписание дальнейшего продвижения данного процесса вперед и к тому же с указанием точных дат прохождения тех или иных этапов на этом пути. Мы должны позволить Духу свободно действовать» [там же, с. 6].

Обрисовав в общих чертах нашу концептуальную схему для анализа будущего христианства, необходимо тезисно обозначить, что именно она нам дает в эвристическом плане относительно будущего христианства.

1) *В данной концептуальной схеме предпринята попытка рассмотреть христианство как целостное явление.* Рассматривая причины возникновения христианства и основные периоды его становления, мы попытались выявить не только тенденции его эволюции на современном этапе истории, но и спрогнозировать будущее христианства как мировой религии.

2) *В данной концептуальной схеме будущее христианства рассматривается в контексте всемирной истории.* В данном исследовании история христианства рассматривалась в определенной степени автономно, особенно это относится к прогнозированию его будущего как мировой религии, что выразилось в попытке рассмотрения закономерностей эволюции христианства во всемирно-историческом плане. Однако не следует забывать о том, что история христианства укоренена в истории человечества и не может полностью рассматриваться как автономное явление.

3) В данной концептуальной схеме текущий этап в истории христианства, который мы определили как переходный к новому качественному состоянию христианства, учитывает сложность и противоречивость современного мира, мира конца XX – начала XXI вв. Это означает, что христианство всегда существует в конкретно-исторической ситуации, со всеми вытекающими отсюда глобальными тенденциями и многообразием особенного и единичного, которые характерны для этого времени.

4) В данной концептуальной схеме предпринимается анализ будущего христианства не только в самом общем виде, но и с учетом богатства и многообразия особенного. Это выражается, например, в рассмотрении общих тенденций эволюции христианства в современном мире: глобальность христианства, изменение географии распространенности христианства, постепенное стирание различий между христианскими конфессиями.

5) В данной концептуальной схеме не возвышается и не принижается ни одна христианская конфессия. Зачастую разные исследователи, руководствуясь конфессиональным подходом, придают своей собственной конфессии или церкви слишком большое значение. Описывая будущее христианства, они подчиняют своей конфессии все прочие конфессии, объединяя, по сути, не христианство, а различные конфессии вокруг какой-то одной. При этом необходимо отметить, конфессия, вокруг которой и предполагается объединение, навязывает всем прочим конфессиям свою церковную организацию, догматические положения, литургическую практику, используемые символы, что зачастую полностью обесценивает все указанные составляющие в подчиняемых конфессиях. Наш же подход подчеркивает равенство всех христианских конфессий. В новом христианском синтезе должно быть учтено все богатство содержания, которое было выработано всеми христианскими конфессиями. А границы между церквями должны постепенно исчезать.

Библиографический список

1. Ханс Йонас. Будущее христианства // Социологические исследования. 2009. № 11. С. 78–88.
2. Стефанов П.Г. Имеется ли у христианства будущее? // Религиоведение. 2005. № 2. С. 151–164.
3. Мец И.Б. Будущее христианства // Вопросы философии. 1990. № 9. С. 83–131.
4. Хелд Д. и др. Глобальные трансформации: Политика, экономика, культура / пер. с англ. В.В. Сапова и др. М.: Праксис, 2004. 576 с.
5. Аргудяева Ю.В. Русские старообрядцы в Южной Америке // Религиоведение. 2014. № 1. С. 76–93.
6. Степанова Е.А. Вера нового века // Религиоведение. 2012. № 2. С. 86–98.
7. Данненберг А.Н. Католическая церковь в постиндустриальном мире: тенденции и перспективы // Религиоведение. 2015. № 2. С. 12–23.
8. Каспер В. Да будут все едино. Призыв к единству сегодня / пер. с англ. М.: Библейско-богословский институт св. апостола Андрея, 2008. 301 с.
9. Киселев О.С. Социология экуменизма: небогословские факторы христианского единства // Религиоведение. 2008. № 4. С. 118–124.
10. Тоффлер Э. Третья волна / пер. с англ. М.: АСТ, 2004. 781 с.
11. Кюнз Г. Церковь / пер. с нем. М.: Издательство ББИ, 2012. 677 с.
12. Львова Э.С. Христианство и традиционные верования народов Тропической Африки – типичный пример истории взаимодействия мировых и локальных религий // Религиоведение. 2018. № 4. С. 45–54.
13. Печерица В.Ф. Влияние христианской церкви на общественно-политическую жизнь Республики Корея // Религиоведение. 2012. № 1. С. 68–79.
14. Каллист Уэр. Православная церковь / пер. с англ. М.: Издательство ББИ, 2012. 376 с.

УДК 111

EDN XOUKQM

Торощин Егор Александрович,
аспирант кафедры философии
Пермский государственный национальный исследовательский университет
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15
egtoroshchin@gmail.com
SPIN-код: 5630-4111

ГЕНЕЗИС СМЫСЛА В СТРУКТУРЕ ПОЭТИЧЕСКОЙ ФОРМЫ В ПОЭМЕ ПАРМЕНИДА «О ПРИРОДЕ»

В статье рассматривается эволюция мысли в древнегреческой философии через анализ прозы и поэзии как формы высказывания. Устанавливается, что написание первых прозаических произведений представителями милетской школы были связаны с необходимостью различения и познания сущего с целью его дальнейшего определения. Однако в последствии Парменид раскрывает свое учение о бытии именно через поэтическую форму. Автор статьи делает вывод, что понятие бытия необходимо рассматривать как необходимое условие для всякого мышления, где единство бытия выступает необходимым условием смысла. Поэтическое же изложение Парменида образует ритмическую структуру мысли, через которую можно говорить о процессе становления бытия, и, соответственно, становления мысли как смысла. Таким образом, через поэтическую форму произведения Парменида можно обнаружить онтологическое различие, которое в последствии актуализируется в современной философии.

Ключевые слова: бытие, смысл, различие, событие, сущее, метафизика, мышление, поэзия.

Ссылка для цитирования: Торощин Е.А. Генезис смысла в структуре поэтической формы в поэме Парменида «О природе» // Социальные и гуманитарные науки: теория и практика. – 2024. – № 2(9). – С. 84–89. EDN XOUKQM

Yegor A. Toroshchin

PhD Student of the Department of Philosophy
Perm State University
15, Bukireva str., Perm, 614068
egtoroshchin@gmail.com
SPIN-код: 5630-4111

UNHEIMLICH (UNCANNY) AND EXISTENTIAL HOMELESSNESS AS POSTMODERN STATES

The article shows the evolution of thought in ancient Greek philosophy through the analysis of prose and poetry as forms of expression. It is established that the writing of the first prose works by representatives of the Milesian school was associated with the need to distinguish and cognition of existence for the purpose of its further definition. However, subsequently Parmenides reveals his doctrine of being precisely through poetic form. The author of the article concludes that the concept of being must be considered as a necessary condition for any thinking, where the unity of being is a necessary condition for meaning. The poetic presentation of Parmenides forms a rhythmic structure of thought, through which one can talk about the process of formation of being, and, accordingly, the formation of thought as meaning. Thus, through the poetic form of Parmenides' work one can discover an ontological difference, which is subsequently actualized in modern philosophy.

Keywords: being, meaning, difference, event, existence, metaphysics, thinking, poetry.

For citation: Toroshchin Ye.A. [Genesis of meaning in the structure of poetic form in the poem of Parmenides «On nature»]. *Social'nye i gumanitarnye nauki: teoriya i praktika* [Social Sciences and Humanities: Theory and Practice], 2024, issue 2 (9), pp. 84–89. (In Russian), EDN XOUKQM

Как известно, колыбелью всей европейской культуры является именно древняя Греция, однако, начиная именно с философии Платона и Аристотеля, устанавливается первичное понимание смысла как логической определенности вещи, которая сохраняется вплоть до XX в. Другими словами, греческая мысль устанавливает ситуацию, которая в итоге становится основополагающей для всего европейского мышления. Эта ситуация является абсолютно парадигматической для всякого нашего способа иметь дело с любой предметностью. О чем идет речь? Речь идет об открытии, которое сопровождает, предвдвывает, раскрывает пространство смысла. Уже при обращении к первому философскому опыту, когда и возникает философия на рубеже VII–VI вв. до нашей эры. Связано это с милетской философской школой и ее основоположником – Фалесом. Несмотря на то, что до нас не дошли его оригинальные работы, и мы имеем дело только с повторением и пересказами его мысли, известно, что основное его философское произведение было посвящено природе, при этом произведение было написано в форме прозы. Проза в таком случае устанавливает «дистанцию» мысли от поэтического высказывания предшествующей мифологической греческой мысли.

Важно понимать: то, что мы сейчас подразумеваем под поэзией, совершенно по-другому было представлено в древней Греции. Так, противопоставляя поэзию прозе, можно предположить, что греки совершенно иным образом устанавливали структуру и речи, и мысли, и смысла. Чтобы в этом убедиться, достаточно вслух с сохранением ритма почитать любой отрывок в гекзаметре. Выражение мысли в форме гекзаметра позволяет нам «увидеть» ту ритмику, то пространство речи, которые увлекают и удерживают нас, вмещающая в себя все произнесенные смыслы. Таким образом, в XI–VIII веках до нашей эры (времени, когда еще не существовала философия) поэзия оказывается тем способом, в котором вообще существует всякое движение: мысли, действия, понимания и т.д. Именно поэтому, читая произведение

Гомера, мы можем обнаружить в нем буквальный *способ* описания. В таком случае мы найдем там, например, как надевать доспехи, как вести бой в колеснице, как пасти овец, как ходить на кораблях и т.п. Иными словам, здесь мы можем говорить об оппозиции обычной речи и того ритма, в котором всякая (о)смысленность происходит. В этом ритме и устанавливается движение, становление всякой осмысленности происходящего, когда в речи мы уже и можем передать определенный смысл. Здесь можно привести слова Хайдеггера, в которых он имплицитно указывает на данное противоречие: «Мышление, однако, есть стихослагание, причем не только некий род поэзии в смысле стихотворчества или песнопения. Мышление бытия есть изначальный способ стихослагания. В нем прежде всего речь только и приходит к речи, а это значит – приходит в свое существо. Мышление сказует диктат истины бытия. Мышление есть изначальное *dicere*. Мышление есть прапоэзия, которая предшествует всякому стихотворчеству, равно как и всякому поэтическому в искусстве, поскольку то выходит в творение внутри области речи. Всякое стихослагание, в, этом более широком и более тесном смысле поэтического, в основании своем есть мышление. Стихослагающее существо мышления хранит силу истины бытия» [1, с. 34]. В таком случае для нас становится понятным, почему переход Фалеса от поэзии к прозе является крайне значимым для определения истока европейской рациональности.

Так, когда первый древнегреческий философ пишет произведение в прозе, он тем самым противопоставляет свою мысль тому, что ритмически организовано, тому, что определяет существование мысли с помощью поэтической формы. Сейчас можно сказать, что, противопоставляя это, он делает совершенно другие смысловые ударения: в них делается акцент не на память, а на понимание (и действительно, ученики Фалеса не повторяли его учение), рассматривается не особое пространство смысла, для которого нужно как-то войти в «стихию» поэзии, а мышление излагается речью агоры, т.е. обычных людей, которые собираются на площади и *о чем-то* говорят. Акцент делается не на то пространство, в котором каждая точка уже связана с другой, где они переплетены до неразличности, образуя то, что древние греки называли *χθών* (др.греч. – земля), а на различении отдельных предметов.

В единственном дошедшем до нас фрагменте представителя милетской школы Анаксимандра дословно (тавтология) это звучит так: «Из каких начал вещам рождение, в те же самые гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды (= ущерба) в назначенный срок времени» [2, с. 127]. Это состояние, описываемое Анаксимандром, присутствует во всей греческой культуре, состояние, в котором все вещи существуют как бы вперемешку, однако вещи при этом еще не различены. В таком состоянии еще невозможно выделить вещь, провести границу. Хайдеггер это описывает следующим образом: «Речь идет об *ὄντα*, в буквальном переводе, *tà ὄντα*, означает: сущее. Этот плюралис среднего рода называет *tà πολλὰ* – некое множество в смысле множественности сущего. Однако *tà ὄντα* означает не любую или безграничную множественность, но *tà πάντα*, всецелостность сущего. Поэтому *tà ὄντα* означает множественно сущее в целом» [1, с. 35]. Как это разворачивается в динамике мысли Анаксимандра? Вещи платят друг другу возмещение неправды (ущерба) за отдельность существования. Что значит платят и почему в назначенный срок времени? Они платят, потому что отдельное существование означает столкновение, взаимодействие, изменение. Существовать отдельно – значит вступать в отношение с чем-то еще. И в этом отношении переход Фалеса от поэзии к прозе – это переход, который высвобождает потенции (возможности). Фалес в таком случае определяет *место* разрыва хтонического холма, он устанавливает выход из состояния неразличности. Фалес первым различает мыслимое и немислимое, различенное и неразличенное и, впоследствии, бытие и становление.

С другой же стороны, мы можем выделить вторую философскую школу – элейскую, во главе с Парменидом. При этом известно, что Парменид тоже пишет сочинение о природе, однако он вновь намеренно возвращается к поэтической форме. Казалось бы, Фалес научил возможности различения, возможности разделения, т.е. движения, которое обратного хода не

имеет. После того, когда происходит понимание чем одно отличается от другого, уже невозможно вернуться в состояние до того, как это понимается. Спрашивается: почему после Фалеса нам нужна поэзия? Можно сказать, что Парменид тем самым открывает ритмическую структуру самой мысли. Так, если для Гомера существует только ритмическая структура, которая захватывает, удерживает, куда-то ведет (повествует) читателя, то Парменид уже возвращает мотив ритма, который присущ самому вслушивающемуся. А.Ф. Лосев отмечал, что поэтическое мышление Парменида устанавливает не сколько господство чувственного ощущения, что было характерно для поэтической формы мифа, а скорее, напротив, воссоединение чувственного мышления и ощущения: «Поскольку же мышление и ощущение все же относятся здесь к одному и тому же предмету, а именно – к материальному и чувственно данному космосу, постольку вместо исконной нераздельности того и другого возникает сознательное и намеренное их воссоединение, т. е. вместо древней мифологии возникает поэзия и художественное мировоззрение» [3, с. 360].

Поскольку у всякой мысли есть ритмическая структура, то эта ритмическая структура требует упорядоченности ее элементов. В поэме Парменида сразу же излагается, что его встречает богиня, берет его за руку, подводит к воротам дня и ночи и говорит ему о том, что она сейчас раскроет ему два порядка: порядок истины, т.е. порядок единственно мыслить возможным, и порядок мнения – доксы, порядок правдоподобия:

«И благосклонно Богиня меня приняла, и рукою
Правую руку взяла, и вещала ко мне, и сказала:
“Юноша, спутник бессмертных возниц, под чьею охраной
Лошади эти тебя домчали до наших чертогов,
Радуйся! ибо не злая судьбина тебе указала
Странствовать этим путем, столь дальним от троп человеческих,
А указали Правда и Суд. Познай же как должно
И кругловидную Истину с сердцем незыбким, и вместе –
Мнения смертного люда, которым нет истинной веры;
Нужно, однако, и то изучить, как мнимости эти,
Все проникая насквозь, убедительны виделись людям”» [4, с. 178].

При этом здесь Парменид не противопоставляет истину и ложь, поскольку в истине и мнении (правдоподобии) нет лжи. Сложность заключается в том, чтобы отличить истину от того, что ей (еще) не является. В этом случае путь истины есть путь возможности сказать точно так, а не иначе. Доксу же можно определить как *пространство*, в котором мы не можем указать, (сказать) где то, что не может быть иначе. Другими словами, истина есть значение, а докса есть смысл, как это определял Готлоб Фреге [5] и вся последующая философия XX века. К слову, сама структура поэмы «О природе» выглядит как определенность мысли, где совершается открытие бытия – путь истины. И путь мнения, в котором истина лишь предрешается:

«Мысль и цель этой мысли – одно: ведь ты не приищешь
Мысли без Бытности той, которая в ней изречется.
Ибо нет ничего и не будет на свете иного,
Кроме Бытного, кроме того, что Мойра в оковах
Держит недвижимым и цельным. А все остальное – лишь имя,
Все, что смертные в вере своей как истину ставят,
Все, чт.е. и не есть, рождается и погибает,
Место меняет свое и меняет яркие краски» [4, с. 180].

Здесь же Парменид указывает на пространство практик движения узнавания, которое раскрывается через встречу. Такие практики и устанавливают определенное смысловое поле,

в котором мы существуем. Встреча же происходит именно с бытием, которое мы (уже) определяем как сущее:

«...мыслить и быть – не одно ли и то же?

...одно мне и то же –

Здесь начать или там: все равно ворочусь я обратно» [там же, с. 179].

Что мы имеем в виду, когда говорим об этом движении? Так или иначе бытие мыслится (Парменид это описывает как откровение богини), и, поскольку бытие мыслится, то, говоря о бытии, мы не можем обратиться к нему своей интенцией, другими словами, оно не присутствует в непосредственном опыте. Буквально Парменид говорит, что это *есть* должно *быть* ни рожденным, ни гибнущим, неизменным. И действительно, обнаружив предметы, которые нас окружают, мы их устанавливаем именно такими, какие они *есть*. Либо же, напротив, что чего-то нет. И в таком случае мы и высказываем суждения об этих вещах и этом мире в целом. Таким образом, все те особенности, о которых говорит Парменид, становятся центральными проблемами греческой мысли: проблемы единства, движения, возникновения, целостности и т.п. Всякий раз, открывая пространство мысли (но не смысла), мы обнаруживаем не определенный результат, а проблемное поле, или, иными словами, движение мысли, в котором проблема устанавливается, определяется и, в конечном итоге, решается. Однако до тех пор, пока мы не зададимся вопросом: *как* происходит это движение? Именно поэтому эта проблема движения мысли или, иначе, онтологии смысла никогда не исчезает из поля зрения европейской философии. Вопрос *как* мы можем помыслить бытие, никак не может быть поставлен². Бытие, так или иначе, в любом случае нами мыслится, и поскольку *это* происходит, мы оказываемся в совершенно странной ситуации: то, что мы говорим о бытии, не обнаруживает наш *взгляд*, другими словами, мы не можем обнаружить интенцию, направленность нашей мысли на это бытие. Не можем мы обнаружить это бытие, конечно же, и в опыте. Буквально Парменид это описывает следующим образом:

«Быть тому, чтоб сказать и помыслить Бытное. Ибо
Есть лишь «Быть», а Ничто – не есть: раздумай об этом!
Ибо я возбраняю тебе первый путь разыскания,
Но возбраняю и тот, по которому бродят невежды,
Люди о двух головах, в чьем сердце беспомощность правит
Праздно бредущим умом. Глухие они и слепые
Мечутся, ошеломясь, неспособное племя к суждению,
Те, кому быть и не быть, – одно и то же и вместе
Не одно и то же: всему у них путь есть попятный» [там же].

Таким образом, то, что мы с достоверностью усматриваем, обнаруживаем, определяем в своем опыте, тем самым устанавливает различие бытия и небытия. В итоге для абсолютно достоверного знания у нас нет ничего: ни предметов, ни смыслов, ни слов. Есть только бытие, которое обнаруживается в греческой мысли, но в котором нам еще нужно научиться ориентироваться, еще нужно научиться двигаться (и) мыслить. В этом пространстве (еще) нужно производить ту процедуру, которой нас всех научил Фалес – его нужно разделить, продифференцировать. Впоследствии другой древнегреческий философ Платон указывает на это, однако «переворачивая» тем самым учение Парменида с ног на голову.

Так, Платон пытается испытать на прочность само учение Парменида, того самого человека, который и открывает это пространство через поэтический порядок и ритмическую структуру. Платон показывает, что в некотором отношении бытия не существует, а небытие существует. Такое утверждение прямо противоположно тому, о чем говорит Парменид. Пла-

² Наиболее приближенный в связи с этим вопрос был сформулирован Лейбницем и актуализирован Хайдеггером: «Почему есть нечто, а не ничто?»

тон показывает в диалоге «Парменид», что в отношении, в котором бытие не существует, а небытие, напротив, существует, и тем самым ставит вопрос о бытии прямо противоположным образом: нужно спрашивать, что *причастно* бытию, или *что* существует [6]? Этот вопрос, а точнее *сдвиг* вопроса о бытии, становится центральным во всей классической философии.

Когда Платон говорит о том, что причастно бытию или что существует, то бытие тем самым перестает быть тем, о чем мы с вами говорим, оно становится тем, *что* мы говорим. Такое изменение предмета речи в логическом смысле обозначается как бытие, становится на позицию предиката, который приписывается или отрицается. С этим же спустя больше двух тысяч лет будет связано, по словам Мартина Хайдеггера, «забвение бытия» [7]. Иными словами, сделав бытие тем, *что* говорит о *чем-то еще*, сместив все смысловые ударения, все смысловые акценты нашего внимания и взгляда, мы открываем тем самым дверь уже не тому пространству, которое следует за парменидовским различием бытия и небытия, а дверь «забвения бытия». Однако проблеск из этого забвения может нами обнаружиться, тогда происходит то *событие*, которое мы уже не можем выразить с помощью слов. Именно об этом событии и говорил Парменид, пытаясь передать в поэтической форме то, о чем (не)возможно сказать. Если мы попытаемся как-то определить это событие, то оно с необходимостью будет выступать как радикальное понятие, как такое, которое уже не подчиняется закону тождества. В этом плане данное понятие указывает скорее не на сам предмет или предметную определенность, а только на их генезис, становление. Поэтому современная философия XX–XXI вв. и актуализирует это понятие как *событие* [8], *различие* [9], *смысл* [10]. Однако обоснованием этой актуализации служит отнюдь не столько «дух времени» или «веяние моды» философского дискурса, а фундаментальная особенность человеческого мышления и бытия. О таком явлении события мысли (и) бытия также рассуждали мыслители с самого возникновения древнегреческой философии.

Библиографический список

1. Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С. 28–68.
2. Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1. / сост. А.В. Лебедев. М.: Наука, 1989. 575 с.
3. Лосев А.Ф. История античной эстетики: Итоги тысячелетнего развития: в 2 кн. Кн. 2. М.: Искусство, 1994. 604 с.
4. Эллинские поэты VII–III вв. до н. э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / отв. ред. М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999. 515 с.
5. Фреге Г. Смысл и значение // Логика и логическая семантика: сб. тр. М.: Аспект Пресс, 2000. С. 302–306.
6. Платон. Парменид. Сочинения в 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 1993. 528 с.
7. Хайдеггер М. Преодоление метафизики // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
8. Бадью А. Манифест философии. СПб.: Machina, 2003. 184 с.
9. Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. 511 с.
10. Делез Ж. Логика смысла. М.: Академический проект, 2015. 472 с.

Научное издание

**Социальные и гуманитарные науки:
теория и практика**

2024

Выпуск 2(9)

Редактор А.С. Беляева
Компьютерная верстка Н.Ю. Биктаевой
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки Н.Ю. Биктаевой

Подписано в печать 28.08.2024
Дата выхода в свет 06.09.2024
Формат 60x84/8. Тираж 500 экз.
Усл. печ. л. 10.46. Заказ 113

Адрес учредителя и издателя:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
Пермский государственный национальный исследовательский университет.

Адрес редакции:
614068, Пермский край, г. Пермь, ул. Букирева, д. 15
(Философско-социологический факультет).
Тел. +7 (342) 239-63-05

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
Управление издательской деятельности
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-66-36

Отпечатано с готового оригинал-макета в типографии ПГНИУ
614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел.+7 (342) 239-65-47

Бесплатно.